

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ им. Б.
ДЖАМГЕРЧИНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Отдел этнологии

На правах рукописи

УДК 636.933.2 (575.2) (043.3)

ЖАПАРОВ АМАНТУР ЗАБИРДИНОВИЧ

**Проблемы современного скотоводства в горных районах
Кыргызстана: хозяйственные, социокультурные, экологические
аспекты**

07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
академик НАН КР, д.и.н.,
профессор В.М. Плоских

Бишкек – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ	
1.1. Степень изученности проблемы в 90-е годы XX в.	13
1.2. Обзор трудов, опубликованных в 2000–2020-е годы	18
Глава II ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	
2.1. Источниковая база.....	36
2.2. Методология исследования	41
Глава III СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННЫХ СКОТОВОДОВ	
3.1. Структура занятости населения горных районов	
3.1.1. Скотоводство.....	53
3.1.2. Земледелие и огородничество	62
3.1.3. Охота	74
3.1.4. Торговля и обмен	79
3.1.5. Другие виды экономической деятельности	83
3.2. Скот в социальной и культурной жизни агропасторального общества.....	86
3.3. Трансформации скотоводческих хозяйств и приватизация.....	101
3. 4. Проблемы адаптации скотоводов к рыночным условиям.....	121
Глава IV СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	
4. 1. Семья	135

3. 2. Соседские и родственные связи.....	148
3. 3. Разделение труда.....	164
Глава V. ВИДЫ СКОТА	
5. 1. Лошади.....	178
5. 2. Овцы	187
5. 3. Козы.....	194
5. 4. Крупный рогатый скот.....	201
5. 5. Яки	207
5. 6. Верблюды.....	212
Глава VI ПАСТБИЩА	
6. 1. Экономическое и культурное значение пастбищ	219
6. 2. Изменения в правах пользования и организации пастбищ.....	232
6. 3. Экологические проблемы.....	253
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	267
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	273
ПРИЛОЖЕНИЕ	310

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации. Основным направлением хозяйственной деятельности населения горных районов постсоветского Кыргызстана продолжает оставаться скотоводство. Отрасль, составившая основу экономики подавляющего большинства семей и местных сообществ, имеет также не в меньшей степени социальное и культурное значение. Если в 20-е годы XX века скотоводам пришлось столкнуться с серьезными испытаниями в связи с масштабным переходом к оседлости и коллективизацией, то в последнем десятилетии им нужно было найти ответы на новые вызовы. Коллективизация сопровождалась обобществлением средств производства с применением репрессивных методов, в результате которого нередко были раскулачены и сосланы на Украину, в Казахстан и другие неведомые для них места, в том числе совсем не богатые люди. Это был период, когда происходил психологический надлом в сознании людей, которым сложно было ориентироваться в противоречиях первых десятилетий советского строительства. Имелись случаи бегства людей за пределы республики, часть потомков которых и поныне живут в других странах.

Распад бывшего Советского Союза сопровождался демонтажом колхозно-совхозной системы на селе, следствием которого стали проявления очередной неразберихи и суматохи среди населения. Теперь уже поливные земельные наделы, скот и другое сельскохозяйственное имущество общественных хозяйств переходили в частную собственность. Члены колхозов и совхозов, привыкшие работать по команде и пользующиеся часто их ресурсами, в большей степени не были готовы к приватизации. Многие опасались брать на себя ответственность по организации и ведению своих хозяйств. Естественно, сказались также системный кризис тех лет, отсутствие кормов, зоотехнического и ветеринарного ухода, плохое состояние пастбищ. Крестьянские, фермерские хозяйства начали организовывать производственную деятельность в новых условиях, которые обуславливались переходом на рыночные отношения. В условиях глобализации

с быстрым развитием информационных технологий значимость скотоводства несколько не принизилась. В обществе есть понимание, что данное направление может принести стране и ее народу большую пользу как в экономическом плане, так и в продолжении многовековых хозяйственно-культурных традиций с учетом запросов современности. Существует точка зрения, согласно которой одним из наиболее приоритетных направлений должно стать развитие животноводства, чем успешно занимались предки кыргызов.

Так, в частности, М. Иманалиев в своей концептуальной статье о будущем страны задается вопросом: “Доведение животноводства до логического конца в Кыргызстана разве не есть цель?” и далее пишет: “Надо упорно доводить начатое дело до логического конца: если занимаешься животноводством, то доведи его до консервов и колбасы, до дубленок и шуб и т. д” [153]. Учитывая вышеизложенное, следует отметить особую актуальность для науки изучения трансформаций скотоводства в высокогорных районах республики. Между тем данная проблема исследована очень слабо, фрагментарно, с охватом лишь отдельных ее аспектов. Предложенная диссертационная работа, написанная на базе собственных полевых этнографических материалов и ряда других источников, в определенной степени восполняет этот пробел, хотя некоторые вопросы остались вне ее рамок, так как охватить в одном диссертационном исследовании все стороны практически нереально.

Тема диссертации имеет связь с крупными международными программами таких солидных организаций, как Всемирный банк, Продовольственная программа ООН. Это касается и международных исследовательских проектов “Влияние экономических реформ на скотоводство в Центральной Азии” PCE-G-98-00036-00 (USAID), “Номадизм: этничность, идентичность, пространства и местная власть” (ACI №501869), “Номадизм, общества, религия в тюрко-монгольском и сибирском пространствах”, “Номадизм, общество и окружающая среда в Центральной и Северной Азии” (CNRS). Автор был участником вышеуказанных исследовательских проектов. Связь с перечисленными

программами и проектами не сводит на нет инициативный характер подготовленной диссертации.

Цель и задачи исследования. Исследование современного скотоводства в высокогорных районах Кыргызстана с выявлением характера и особенностей трансформаций в экономическом, социально-культурном, экологическом отношении является целью настоящей диссертации. Достижению этой цели могут способствовать решения следующих нескольких задач:

- охарактеризовать структуру хозяйственной деятельности населения горных районов, где наряду с традиционными занятиями появились новые сферы приложения труда;
- определить место скотоводства в экономической жизни семей и местных сообществ;
- выявить характерные особенности процесса приватизации скота и имущества колхозов и совхозов;
- показать степень социальной значимости роли скота в жизни кыргызов;
- раскрыть происходящие процессы в социальной структуре общества в связи с изменениями формы собственности;
- обосновать ключевую роль семьи, соседей и родственников в сохранении традиций на основе генеалогических, территориальных связей;
- раскрыть специфику разделения труда у современных скотоводов;
- определить факторы, оказывающие влияние на характер организации пастбищ;
- выявить причины нерационального использования, деградации и выведения из оборота такого возобновляемого природного ресурса, как пастбище.

Научная новизна полученных результатов. В рамках данной диссертационной работы впервые предпринимается усилие провести

комплексное исследование социально-экономических, культурных, экологических аспектов современного скотоводства в высокогорных зонах Кыргызстана. Разные аспекты современного скотоводства до настоящего времени не стали объектом комплексного исследования этнографов и антропологов. Восполнение такого пробела следовало бы считать новым шагом в исследовании хозяйственной и социальной организации нынешних агропастушеских обществ. Обобщен и введен в научный оборот широкий круг разных источников, к числу которых относятся собственные оригинальные полевые этнографические материалы автора, статистические данные, отчеты государственных органов и международных организаций, репортажи и сообщения средств массовой информации, мнения экспертов. Продемонстрирована реальная картина происходящих трансформаций в сфере скотоводства в постсоветский период. Раскрыты особенности перехода сельских жителей к рыночным отношениям, приватизации скота и имущества. В рамках диссертации найдены ответы на немалое количество вопросов, связанных с соотношением нового и традиционного, приспособлением людей к новым условиям, освоением среды обитания, где стало ощущаться, кроме прочих, влияние глобального изменения климата.

Практическая и теоретическая значимость полученных результатов диссертационной работы заключается: в предоставлении возможности использования основных выводов и предложений в дальнейшем совершенствовании государственной политики по отношению к части общества, которая продолжает активно заниматься скотоводческим хозяйством. Соответствующие структуры правительства и местные власти могут учитывать результаты исследования в принятии решений с участием самих скотоводов по вопросам модернизации отрасли, бережливого отношения к среде обитания, прежде всего пастбищам, адаптации к изменившимся условиям. Основные положения диссертации могут быть использованы в написании обобщающих научных трудов, отдельных статей на страницах индексируемых журналов, в

разработке специальных курсов для студентов вузов, специализированных лицеев и колледжей, подготовке учебных пособий, проведении занятий. Некоторые результаты исследования пригодятся в снятии документальных фильмов, роликов, видеоуроков.

Основные положения, выносимые на защиту:

- В высокогорных районах республики скотоводство составляя основу материального богатства продолжает определять образ жизни и способ жизнеобеспечения. Главная значимость скота в транзитный период заключается в решении основной социальной проблемы – обеспечение общественно полезным трудом.
- Немало современных скотоводов стали придавать серьезное значение диверсификации экономики своих семей, параллельно занимаясь земледелием, огородничеством, торговлей, оказанием различных услуг;
- с расформированием колхозов и совхозов, сельскому населению в целом пришлось испытать чувства тревоги, ибо не все четко представляли жизненные перспективы. Главным образом это связано с морально-психологической неподготовленностью в организации и ведении хозяйства в условиях изменений форм собственности, поскольку привыкли жить по указке и пользовались социальной гарантией предоставленного со стороны государства;
- скот продолжает иметь чрезвычайное социально-культурное значение в жизни жителей горных районов. Разведение скота является важным фактором в сохранении этнической культуры кыргызов;
- на предпочтительный выбор тех или иных видов скота в хозяйствах оказывают влияние хозяйственно-культурные традиции, конъюнктура рынка, выбранная хозяйственной единицей правильная стратегия в формировании и расширении стада;

- появились новые виды экономической деятельности, что сказывается в том числе в некой профессионализации разделения труда;
- богатые хозяйства стали использовать наемных пастухов;
- за годы постсоветского периода нанесен серьезный ущерб генетическому фонду животноводства и его породности;
- в семьях современных скотоводов сравнительно устойчиво сохраняются преемственность традиций. Структурный и численный состав семьи может претерпеть изменения под влиянием сезонной мобильности скотоводов;
- пастбище – возобновляемый природный ресурс, на котором базируется скотоводство являющейся основой благополучия многих семей. Однако, скотоводы не всегда соблюдают богатый опыт предков по рациональному их использованию;
- повышенные экономические интересы и недостаточная развитость экологического сознания оказывают пагубное влияние на состояние подножного корма. Максимальную пользу извлекают от общинных пастбищ те скотоводы, которые первыми нарушают неписаные правила традиционного природопользования и решения, принятые правительственными структурами;
- Причинами плохой экологической ситуации в высокогорных районах Кыргызстана являются, кроме прочего, слабый социальный контроль и нерациональное управление пастбищами, а не отсутствие частной собственности. Однако, учитывая хозяйственные традиции, особенности экосистемы и социальной организации сельского населения, введение частной собственности на пастбища, не является выходом из положения;
- несмотря на преобладания мелкотоварности и существующих издержек, в скотоводческом секторе наблюдается положительная динамика в процессе модернизации.

Личный вклад соискателя:

- разработана программа для сбора полевых этнографических материалов по проблемам современного скотоводства в Кыргызстане;
- собран и проанализирован широкий круг источников, касающихся экономических, социально-культурных, экологических, правовых аспектов отрасли в условиях постсоветских трансформаций (законы и другие нормативно-правовые акты, документы местных самоуправлений, материалы СМИ, статистические данные, отчеты и публикации международных и неправительственных организаций, полевые этнографические материалы);
- сделан подробный обзор обширного круга научной литературы по вопросам современного скотоводства с указанием основных выводов и заключений, что может пригодиться в подготовке работ по историографии;
- автор предпринял усилие раскрыть противоречивый характер и особенность перехода населения к рыночным условиям на примере скотоводов, проживающих в высокогорных районах республики;
- описаны конкретные эмпирические данные по выбору стратегии адаптации отдельных хозяйств разного типа к условиям, продиктованным вызовами рыночных отношений;
- выявлены новые сферы приложения труда в высокогорных районах, оказывающие влияние на некую профессионализацию и углубление вопросов, касающихся разделения труда;
- в результате исследования была проиллюстрирована степень устойчивости некоторых элементов традиционных социальных отношений, не потерявших своего значения и в наши дни;
- показаны формы организации выпаса и их особенность в зависимости от сезона годового цикла, размера хозяйства, территориальной локализации;

- раскрыты причины спора разных скотоводческих общин по вопросам использования дальних пастбищ;
- автором особый акцент сделан на выявление причин ухудшения пастбищ и выработке предложений по сохранению этого вида природных ресурсов в хорошем состоянии.

Апробация результатов диссертации. Отдельные положения исследования были озвучены в работах республиканских, международных конференций, симпозиумов, конгрессов. К ним относятся: “Современное состояние скотоводства и животноводства в Казахстане и перспективы их развития” (Алматы, 12–13 января 1999 г.); III Конгресс этнографов и антропологов России (Москва, 08–11 июня 1999 г.); международный рабочий семинар «Взаимодействие животноводства, окружающей среды и развития: выпас и деградация земель в Центральной Азии, Юго-Восточной части России и Монголии» (Бишкек, 18–19 августа, 2005 г.); международной научной конференции “Мир кочевых цивилизаций: история и современность” (Чита–п.Агинское, 10–12 сентября 2007 г.); “Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации” (г. Алматы, 21–23 ноября 2007 г.); международная научная конференция “Мир номадизма: прошлое и будущее” (Бишкек, 13–15 августа 2008 г.); международный коллоквиум «Кочевые общества Центральной Азии и Сибири: история и антропология» (Бишкек, 15–20 мая 2010 г.); *Jornées d'études en préparation de l'ouvrage Nomadisme et environnement en Asiecentrale et Sibérie* (Paris, École pratique des hautes études. 5–7 октября 2011г.); XI Конгресс антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.); The post-Soviet reality 14th Bi-Annual Conference of the European Society for Central Asian Studies (ESCAS) Central Asia in the XXI Century. Historical Trajectories, Contemporary Challenges and Everyday Encounters (Цюрих, 8–11 октября 2015 г.); Совместная конференция ESCAS (XV) и CESS (VI) (Бишкек, 29 июня – 02 июля 2017 г.); международный симпозиум “Uluslararası Orta Asya'dan Anadolu'ya Yörükler” (Бурса, 08–10 февраля 2019 г.); VIII международный симпозиум

народов Алтая (Бишкек, Чолпон-Ата, 19–23 августа 2019 г.) и др. Участвовал в обсуждении современных проблем скотоводства в постсоциалистических странах Центральной Азии в специальном номере журнала “Этнографическое обозрение” (2016 г.). Некоторые положения диссертации были освещены на семинарах для магистрантов и докторантов Высшей школы социальных наук в Париже (2005, 2007, 2015 гг.).

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. В рамках темы диссертационного исследования опубликовано более 50 научных статей и разделов для книг.

Структура и объем диссертации обусловлены как с поставленными перед собой целью и задачами, так и требованиями соответствующего положения Высшей аттестационной комиссии Кыргызской Республики, предъявляемыми к докторским диссертациям. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованной литературы, сокращенных терминов и приложения.

ГЛАВА I

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Степень изученности проблемы в 90-е годы XX в.

Скотоводство в Кыргызстане в последние два десятилетия XX и почти столько же времени уже в XXI веке стало объектом исследования специалистов разных дисциплин. К их числу относятся экономисты, специалисты, представляющие сельскохозяйственные науки, ветеринары, географы, социологи. Разные проблемы скотоводства постсоветского периода привлекают внимание также этнографов и антропологов, но на недостаточном уровне. Следует отметить, что значительная часть научных трудов по этой проблеме была опубликована на иностранных языках.

Публикациям 1990-х гг. характерны некоторые особенности. Во-первых, отдельные труды, опубликованные в течение первого десятилетия после распада СССР, стали результатом исследований, которые были начаты еще в годы политики перестройки. Во-вторых, в них отражались как достижения, так и имеющиеся проблемы, доставшиеся в наследство от советской эпохи. Наконец, в-третьих, в них имелись некоторые авторские точки зрения по вопросам реформирования сельского хозяйства в республике. Вскоре после упразднения союзного государства была опубликована монография К.С. Сулейманова и Б.К. Сулейманова, посвященная анализу животноводческой отрасли в Кыргызстане. Ими приведены конкретные примеры применения достижений зоотехнической науки в улучшении качественного состава стад и его продуктивности, расширении кормовой базы, эффективном и рациональном использовании пастбищ, стойловом содержании скота в зимний период. Однако материалы, использованные в книге, относятся в основном к советскому периоду, что, впрочем, не является существенным ее недостатком. Вероятно, авторы при написании книги преследовали и практические задачи, надеясь на то, что при проведении реформы в отрасли рациональные опыты будут использованы уже в

первые годы суверенитета. Ими привлечен широкий круг архивных, статистических материалов и конкретные показатели отдельных племенных хозяйств и колхозов [261]. Совхозы республики привлекли внимание историка Д. Нур уулу, который предпринял усилие охватить и некоторые проблемы перехода к новым условиям хозяйствования после распада Советского Союза [124]. Сложные, противоречивые процессы, происходящие в экономике, численности и составе рабочих аграрной отрасли, и их место в структуре сельского населения в 80-е годы XX в. были исследованы Б. Темирбаевым в рамках его кандидатской диссертации. Автором поставлены вопросы и высказаны суждения по начальному этапу реформирования сельского хозяйства [263].

Ряд публикаций Г.Ю. Ситнянского посвящен изучению скотоводства в этнографическом аспекте. Его диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук охватила и первые годы распада Советского Союза, когда колхозы и совхозы стали преобразовываться в разные формы собственности. В других трудах автор сосредоточил свое внимание на технологии разведения скота в годовом цикле, степени сохранности и утери хозяйственных навыков, динамике поголовья овец в отдельных областях республики, урожайности пастбищ и др. [256, с. 37–51; 257, с. 76-88; 258; 259, 259-280].

Ощутимый толчок в развитии исследований антропологии трансформаций в сфере скотоводства дал крупный международный проект “Влияние экономических реформ на скотоводство в Центральной Азии” PCE-G-98-00036-00, координируемый Университетом Висконсин в Мэдисоне (руководители А. Хазанов и К. Шапиро). Проект был осуществлен в основном при финансовой поддержке Агентства США по международному развитию (USAID). На международных конференциях, организованных в рамках проекта, обсуждались экономические, политические, социальные, экологические, культурные аспекты скотоводства в условиях перехода новых независимых государств Центральной

Азии к рыночным отношениям. В материалах этих конференций нашло отражение состояние скотоводства в регионе, предлагались пути модернизации отрасли [146; 234]. На международной конференции, состоявшейся в январе 1999 г., ее участники были ознакомлены с обзором программы и исследовательскими планами ученых Университета Висконсин в Мэдисоне в партнерстве с коллегами из Центральной Азии [146, с. 32 – 37].

Теоретические вопросы, связанные с модернизацией скотоводства в масштабе постсоциалистических стран, рассматриваются в нескольких публикациях А.М. Хазанова, где он отмечает трагические последствия перехода к оседлости плюс коллективизации с национализацией средств производства и выступает за модернизацию скотоводства, которая, возможно, продолжит рационально и устойчиво осваивать засушливые и полусушливые экологические зоны. Для автора, выступающего против слепого копирования западного опыта, модернизация есть экономический рост, основанный на технологических инновациях, с соответствующими изменениями социально-политических и культурных институтов. Ученый анализирует причины неудач многих проектов, в том числе в разных частях мира, считая одним из основных игнорирование особенностей социальной организации и землевладения скотоводов. Он уверен, что чрезмерный патернализм не может оказать добрую услугу тем, кто занят в этой отрасли. Скотоводы, по мнению автора, должны иметь голос в принятии решений, участвовать в планировании и осуществлении программ развития [324, 81–99; 325, с. 7-23].

Известный тюрколог С.Г. Кляшторный, который координировал полевые исследования в Кыргызстане по указанному проекту, опубликовал статью о реформе, проводимой в республике, и состоянии скотоводства. Им проанализированы процесс деградации основных типов хозяйств-производителей сельскохозяйственной продукции, начавшийся еще при Советском Союзе, точки зрения официальной власти и аграрной оппозиции на сельскохозяйственную политику Правительства Кыргызской Республики,

реализованные к 1998 г. наиболее значительные программы. Результаты материалов, полученных в ходе полевых исследований, и другие источники позволили ему выявить причины и показать последствия в изменении структуры стада, резких нарушениях ее породности, ухудшении состояния пастбищ [168; 169, с. 60-70].

Интересные процессы происходили в Казахстане, имевшие некоторые общие, а также отличительные черты по сравнению с Кыргызстаном. Проблемы современного состояния скотоводства входили в круг научных интересов Н.Э. Масанова. Основные проблемы современного скотоводства были четко обозначены в ходе работы международной научной конференции в Санкт-Петербурге, посвященной состоянию и перспективам развития отрасли, опубликованной затем в ее материалах. По мнению автора, помехой в развитии интенсивного земледелия и стойлового скотоводства является недостаточность водных ресурсов. В условиях специфических природных условий аридной зоны с ухудшенными почвенными пространствами скотоводство будет оставаться главным видом экономической деятельности сельского населения. В работе выявлены причины кризиса отрасли, снижения поголовья разных видов скота, уничтожения генофонда всех видов животных. На основе анализа полевых материалов и других источников он прогнозирует обратную номадизацию в сельских районах. При этом скотоводство будет трансформировано преимущественно в натурально-потребительскую форму [207, с. 216 – 231]. В другой статье Н.Э. Масанов подводит итоги этносоциологического исследования скотоводства, проведенного группой ученых в Алматинской области Казахстана [208, с. 103 – 131].

Исследованию вопросов трансформаций в сфере скотоводства посвятила ряд своих публикаций О.Б. Наумова, которая проводила полевые исследования в Восточном Казахстане вместе с казахстанским коллегой С. Сагнаевой в рамках указанного выше Висконсинского проекта. Им удалось собрать оригинальные эмпирические материалы, легшие в основу ряда научных отчетов и публикаций. В них особое внимание было уделено структуре экономики сельских жителей и

типам хозяйственных единиц, влиянию рыночных отношений на население в целом и на скотоводов в частности. Заслуживают внимания анализ богатых и бедных хозяйств, проблемы адаптации скотоводов к современным условиям, где показывается роль социально-психологического фактора. В начальной стадии проекта О.Б. Наумова не исключила вероятность возрождения кочевого скотоводства не только в тех районах, где хорошо сохранились традиционные навыки. Такая картина может наблюдаться и в некоторых других местах, где опыт ведения скотоводческого хозяйства на экстенсивной основе в целом утрачен [215, с. 112 – 121). Социально-психологические проблемы, связанные с адаптацией современных скотоводов к новым реалиям, разные типы хозяйств в условиях кризиса, вопросы разгосударствления и экономической активности были исследованы этим автором в других ее публикациях [216, с. 234-243; 217; 218].

С.К. Сагнаева в своей статье сосредоточила внимание на видах экономической деятельности и их соотношении в рамках крестьянских хозяйств и кооперативов на базе полевых материалов, собранных в 1998 г. в Западно-Казахстанской области [247, с. 82-87].

А.Б. Калышевым сделан анализ достоинств и отдельных недостатков программы и инструментария массового социологического исследования современного скотоводства в странах Центральной Азии, разработанного Н.Э. Масановым и А.М. Хазановым с участием К. Шапиро, который был использован в Кыргызстане и Казахстане в ходе полевых исследований. Автор опирался здесь прежде всего на опыт трехмесячного социологического исследования специалистов 140 хозяйств Алматинской и Южно-Казахстанской областей. В частности, предлагалось включить вопросы относительно основных причин сокращения поголовья скота на селе: кражи, болезни скота, отсутствие кормов, падеж скота и т.д. [159, с. 244 – 249].

Большой интерес в проведении диахронного анализа хозяйственной и социальной организации представляет монография В.П. Курылева по кочевым и

полукочевым казахам [194]. Ритуальные и практические аспекты соколиной охоты, чем занималась в прошлом часть кочевников, исследованы в трудах Г.Н. Симакова [254; 255]. Автор настоящей диссертации посвятил отдельные публикации проблемам культурных традиций общины, современной семьи скотоводов [132; 133].

Различные аспекты современного скотоводства, проводимые реформы и социальные институты сельского населения исследованы экономистами, социологами, специалистами разных отраслей сельскохозяйственных наук, к числу которых следовало бы отнести А. Кешикбаева [165], Т.Ж. Шайдуллаеву [292], А.У. Орузбаева [229], Р. Абдырасулова [66], К. Джолдошова [116], Э. Жумаева [148], Ж.К. Боконтаеву [102], Т.К. Койчуева [172] и др.

Исследования 1990-х годов преимущественно были проведены по горячим следам происходивших преобразований. Ценность таких трудов заключается в том числе и в том, что авторы сами видели эти процессы, на которые имели также свои субъективные взгляды. В них нередко содержались, кроме одобрения и критики, конкретные предложения.

1.2. Обзор трудов, опубликованных в 2000–2020-е годы

После трудных 1990-х годов, когда многие люди больше думали о том, как прокормить себя и свою семью, что сказывалось и на деятельности исследователей, постепенно стали активизироваться научные работы. Однако в силу отсутствия средств для полевых экспедиций ученые выезжали на поле либо на свои средства, либо в рамках международных исследовательских проектов. Отдельные специалисты привлекались к реализации проектов прикладного характера, в том числе под координацией министерств и ведомств. Опыт ведения животноводства в недавнем прошлом интересовал ряд историков как в теоретическом, так и в практическом планах. Так, Р.Б. Мукамбетова считала, что

для правильного понимания существующих проблем и особенностей происходящих процессов в сфере аграрного сектора в постсоветское время необходимо проанализировать кризисные тенденции в 70–80-х годах XX в. [212].

Опыт и проблемы животноводства республики в 1980–1990-е гг. исследованы историком Н.Т. Ишенбековой. Ее диссертация имеет непосредственную связь с современными процессами в отрасли. Автор рассматривает комплекс вопросов в контексте аграрной политики государства, направленной на стратегию в вопросах интенсификации сельскохозяйственного производства. При этом она выявила немало недостатков, связанных с качественным составом стад, состоянием пастбищ, обеспечением кормовой базой, производством животноводческой продукции, материально-культурной потребностью животноводов и др. [156].

А.К. Бектемирова исследовала состояние сельскохозяйственной отрасли и ход аграрной реформы на материалах Нарынской области в своем диссертационном исследовании и других публикациях. В центре внимания этого автора были и производство продуктов животноводства [97, с. 203 – 207; 98, с.210 – 215; 99; 100, с. 11-14). Рассматривая указанный процесс, она, в частности, отмечает, что первый этап реформирования начался с реорганизации низкорентабельных колхозов и совхозов, раздачи земельных долей крестьянам. С привлечением статистических данных проанализирована динамика производства животноводческой продукции. Автор констатирует реальную ситуацию в отрасли, когда многие крестьяне стали вести натуральное хозяйство, обслуживая лишь потребности своей семьи.

Особенности сельскохозяйственного производства 1990-х годов рассматриваются в кандидатской диссертации А.Р. Загирова. Кроме того, в исследованиях автора затронуты проблемы снижения экономических показателей с развитием мелкотоварного производства, выведения из оборота 121 тыс. га пахотных земель. В результате этих негативных процессов произошла деиндустриализация сельского производства, техническая

оснащенность снизилась в среднем на 35 – 40%. Уровень оплаты труда на селе оказался самым низким среди других отраслей сельского хозяйства [149, с. 9 – 10].

Социально-экономическая, политическая, культурная жизнь пасторальных сообществ, особенность происходящих трансформаций стали объектами внимания антропологов. Проблемы использования пастбищ, включая перевыпас, производство и реализацию продуктов скотоводства, появление новых владельцев стад и наемных пастухов, состояние современного скотоводства в целом и практические вопросы модернизации отрасли были проанализированы А.М. Хазановым на основе конкретных данных. Им составлен специальный номер журнала «Этнографическое обозрение» о современном состоянии скотоводства в постсоциалистических странах [296, с. 5 – 82; 285, с. 59-75; 286, с. 45-85; 325, с. 7-23; 326, с. 141-157; 327, с. 5-23; 329]. Этим же антропологом опубликована совместная статья в с К. Шапиро по теоретическим и практическим аспектам современного скотоводства в Центральной Азии [328, с. 503-534].

Современные процессы трансформации скотоводческого хозяйства, происходящие в Бурятии и Республике Тыва, исследованы в ряде публикаций Н.Н. Крадина. В них автор показывает кризис отрасли, обусловленный разрушением социалистической экономики, раскрывает причины деградации пастбищ, угона чужого скота в 1990-м – начале 2000-х годов, принявшего трансграничный характер. На основе богатых полевых этнографических материалов показан производственный цикл у скотоводов, анализируются проблемы их социальной организации, организации пространства, а также пути развития скотоводства применительно к условиям наших дней. В его трудах проведен сравнительный анализ с другими народами Центральной Азии, включая Кыргызстан. Автор на основе данных агинских бурят, тувинцев, монголов, а также привлечения широкого круга материалов, касающихся других народов, основу сельского хозяйства которых составляет скотоводство,

выделяет три варианта трансформации отрасли во Внутренней Азии, две из которых характеризуются как «экстенсивные». Очевидно, кыргызы относятся, согласно его мнению, ко второму варианту, где произошел глубокий кризис и скотоводство восстанавливалось медленно и постепенно. В специальной статье автор рассматривает экологические аспекты скотоводства. В его трудах содержатся интересные выводы, имеющие теоретическое значение. Среди них имеется статья написанная в соавторстве с О.К. Янковым [330, с. 95-109; Kradin, 2004, P. 95–109; 331, с. 41 – 70; 182, с. 177 – 186; 183; 184, с. 209 – 212; 186, с. 205 – 214; 187, с. 24 – 27].

Реальным выходом из ситуации, если численность поголовья скота перешагнет 8-миллионный рубеж, Г.Ю. Ситнянский считает модернизацию традиционного скотоводства с интенсификацией отрасли. В этой связи он выступает за выпас скота больше на стерне, чем на естественных пастбищах, и за подсев некоторых видов растений, в том числе амаранта, огораживание пастбищных участков и орошение [259, с. 259 – 280)].

О.Б. Наумова считает, что экономические реформы в Казахстане – это попытка перейти от социалистической модернизации к капиталистической. Ее специальная работа посвящена этим “капиталистическим преобразованиям” в казахстанском животноводстве, отношению к ним сельского населения и социальным последствиям [218]. В изучении современного скотоводства в регионе научный интерес представляет статья О.Б. Наумовой и С. Сагнаевой, посвященная антропологии постсоветских преобразований в сельских районах Казахстана. В зависимости от социально-психологических особенностей и отношения к трудовой деятельности, проявляемых в новых экономических условиях, они делят группы людей на «пассивный», «активный» и «традиционный» стили поведения. Результаты их исследования показали быстрый распад коллективных хозяйств до уровня семейных. Они не встретили ни одного хозяйства, которое было организовано по родовому принципу. В

конце они приходят к выводу о том, что экономический кризис в республике не сопровождался демодернизацией социальной жизни [219, с. 235 – 251].

Об упразднении колхозов, а заодно с ним о солидарности в рамках этого предприятия, приведшего к детерриториализации и появлению беспрецедентного принципа социальной дифференциации, пишут французские участники международного проекта “Номадизм: этничность, идентичность, пространства и местная власть” (АСІ №501869). Пастушеская деятельность, по их мнению, значительно сокращается, и семьи обращаются к натуральному сельскохозяйственному производству (думаю, что это происходило в первые самые трудные годы после приватизации. – А. Ж.). Вдоль дорог появляется множество небольших магазинов, торгующих преимущественно китайскими товарами. Многие бывшие колхозники занимаются торговлей с Китаем. В селах бывший государственный магазин превращается в частный киоск.

Кыргызское общество претерпело глубокие изменения с момента распада СССР. Помимо груза советского наследия во всех областях, нехватка ресурсов на местном уровне влечет за собой необходимость принятия логики захвата для обеспечения воспроизводства общественной жизни. Это подразумевает построение отношений солидарности далеко за пределами местного пространства. В этом контексте концепция взаимопомощи и различий в современном кыргызском обществе была глубоко трансформирована. Экономическая приватизация, политическая либерализация и открытость общества порождают новые формы солидарности. Они материализуются с появлением циркулирующих территорий, пересекающих границы страны, и с появлением политических деятелей, которые строят свою политическую легитимность, собираясь захватить ресурсы за пределами их традиционного социального пространства [338].

Заслуживает внимания статья Дж. Фарингтона, написанная на основе полевых материалов, собранных в некоторых точках Кыргызстана в 2004 г. с охватом некоторых кооперативных хозяйств («Заря», «Айкол») и хозяйств семей разных типов. Приватизация скота после развала Советского Союза, как он

считает, – это бремя риска, так как поголовье впервые передается отдельным лицам, а не коллективам или кланам. Делая краткую историческую ретроспективу, автор пишет об этапе истории полукочевников кыргызов, когда происходило сокращение пастбищных угодий, которое привело к нарушению сезонных миграций. Коллективизацию он выделяет как следующее крупное событие, которое было проведено принудительным путем, и указывает на сокращение количества юрт, рассматривая данный факт, как показатель отсталости. В это время снижается потребность в лошадях и верблюдах в качестве транспортных животных, поскольку стали использовать механизированные средства. Однако здесь напрашивается оговорка о том, что выючные животные все-таки продолжали использоваться многими коллективными хозяйствами в течение десятилетий, потому что элементарно не хватало тракторов, автомобилей, отсутствовали дороги на большинстве пастбищ. Третий этап автор связывает приватизацию скота и имущества с началом обретения независимости республики.

Автор концентрирует внимание на вопросах неравномерного использования сезонных пастбищ, приватизированных транспортных средств, которые по частям были проданы дилерам из Китая, разделения труда в разных типах хозяйств, структуры и количественного состава отдельных семей, диверсификации экономики. Делается анализ, выявляются причинно-следственные связи происходящих процессов. Им делается вывод о том, что потомки полукочевников не растеряли хозяйственные навыки, а культурная идентичность сохраняется [313, с. 171 – 197].

Пасторализм в плане исторической антропологии тщательно исследовала С. Жаксон в нескольких научных публикациях. В своей монографии она обращается к теоретическим подходам европейских антропологов и историко-этнографическим исследованиям советских ученых. Несмотря на интерес к теориям и моделям, она не пытается исследовать их применительно к кыргызам. Скорее она ставит хорошие вопросы, на которые хотела получить ответы в своем

исследовании, связанные со спецификой системы скотоводства, с влиянием пасторализма на социальную структуру и организацию нынешних потомков кочевников. К их числу относится и определение роли современного поколения и пастушеской экономики в процессе интеграции. В работе достаточно большое внимание уделяется колониальному и советскому периодам. Видимо, автор ставила перед собой цель исследовать не только современные антропологические проблемы пасторализма у кыргызов, но также показать траекторию исторического пути, особенно начиная с колониального периода.

Анализируя проблемы демонтажа советской системы, автор обращает внимание на либерализацию индивидуальной деятельности, земельной реформы, включая пастбища. Рассматривая ход разгосударствления на селе, она показывает влияние фактора родственных отношений на приватизацию скота и сельскохозяйственного имущества колхозов, а также поливных участков. Приводит конкретные примеры, где показана, какая доля приватизированного скота, земельных наделов и имуществ досталась разным семьям [322, с. 203 – 244; 323].

Социально-экономические проблемы полукочевых сообществ Кыргызстана и Казахстана проанализированы в статье Р. Рахимова. Автор выделяет несколько исторических периодов, оказавших влияние на структуру скотоводческого хозяйства кыргызских кочевников. Рассматривая проблему социального противостояния местных сообществ в связи с появлением иностранных компаний на месторождениях золота в местности Жер-Уй Таласского района, автор обращает внимание на изменения ландшафта со времени проведения коллективизации. Нынешних же чабанов волновали вопросы определения границы, возможного ограничения доступа к пастбищам, выплаты компенсации в случае смены участков для выпаса скота и, что немаловажно, сохранения окружающей среды с водными источниками в хорошем экологическом состоянии. В вопросах взаимоотношения с государством, как он пишет, важно проанализировать проблемы формирования

государственной и местной политики по отношению к кочевым сообществам [246, с. 385 – 391].

Объектом интереса Б. Петрик стал вопрос солидарности в постсоветском кыргызском обществе в контексте создания идентичности. Группы солидарности, по мнению автора, – это не просто традиционная племенная принадлежность, а сложные отношения внутри и за пределами родства, которые обеспечивают доступ к ресурсам. В условиях стремительного падежа скота, кризисного состояния сельского хозяйства на передний план выдвигается роль торговли, которая была простимулирована открытием границ. Автор рассматривает эти вопросы, в широком плане акцентируя свое внимание на вопросах идентичности, формирования экономической и политической власти.

Оглядываясь в прошлое, автор пишет о советском планировании, следствием которого стали стандартизация стад, повышенная специализация профессий, приоритет общественной собственности. Им затрагиваются и вопросы породной, видовой структуры стад. Доступ ко всяким ресурсам в сельских районах осуществлялся через колхоз, в определении значения которого автор обращается к трудам О. Роя и К. Хамфри. Делая ссылку на работу последней, автор пишет о том, что общественная система была организована вокруг колхоза, который выступал в качестве ключевого института не только в экономической, но и в политической и социальной жизни.

Рассматривая вопросы шоковой терапии, приватизации, аренды пастбищ, сохранения за государством контроля значительной части земельных ресурсов, миграции и другие, автор отмечает преобладание животноводческих хозяйств семейного типа. Приватизация земли и скота не привела к появлению крупных поместий или ферм. Животноводство, как и сельское хозяйство в целом, носит натуральный характер. Это другие ресурсы, которые играют фундаментальную роль в создании новых социальных и политических связей [339, с. 345 – 366; 340].

Видовая структура, техника скотоводства кыргызов Китая, исследованные А. Асанкановым, могут представлять интерес в плане сравнительного изучения. Ценность книги заключается в том, что оригинальные этнографические данные, на базе которых написан соответствующий раздел, собраны автором в 2000 – 2010-е годы. Асанканов пишет о разводимых видах, породности скота, в особенности яководства, а также их функциональных назначениях. Им рассмотрены вопросы использования пастбищ, совершения кочевков [84, с. 132 – 149].

Функционирование животноводства, где действовали полулегальные правила, имело определенное распространение в колхозах и совхозах Кыргызстана советской эпохи, затем оно плавно перетекло и продолжалось в начальные годы обретения независимости. Об этом на материалах одного из таджикских колхозов пишет С.Н. Абашин. Слабый контроль количества скота, находящегося на горных пастбищах, “позволял местным жителям содержать личный скот вместе с общественным, ... делая грань между понятием “личный” и “общественный” очень условной”. В своей монографии автор описывает организацию управления, особенность арендных отношений, а также приватизацию, проведенную в 1990-е годы, в процессе которого возникали спорные ситуации [62, с. 374 – 382].

Подвижное скотоводство в целом, а коневодство в частности стали объектами пристального внимания К. Ферре. Основная идея одной из ее статей заключается в том, что порода лошади может явиться критерием для определения того или иного сообщества (в данном случае автор скорее подразумевает этническую общность. – А.Ж.) так же, как и язык, территория и другие маркеры культуры. После обретения независимости лошадь в некоторых странах стала, по ее мнению, показателем самобытности, возвышающим национальное чувство.

Касаясь вопроса возрождения местной кыргызской лошади, о которой говорили в обществе, она пишет об активных поклонниках данной породы – А.

Акунове, Ж. Рипар, которые предпринимали определенные шаги по ее сохранению, так как рассматривали ее как символ кыргызской национальной культуры. Проводимые мероприятия могли дать толчок развитию экотуризма в республике. В то же время в официальной программе развития коневодства на 2003 – 2010 гг. новокиргызская порода рассматривается как отечественная. Она считает, что слишком маленькая для одних, слишком большая для других, кыргызская лошадь хорошо подходит для тех, кто ездит на ней и ест ее [316, с. 405 – 458].

В своей монографии, написанной на основе докторской диссертации, К. Ферре исследовала лошадей, разводимых в степях Средней Азии и тайге Сибири. Анализируя общие вопросы коневодства, связанные с историей отрасли, поголовьем лошадей, породностью, автор сосредоточила свое внимание на всех видах действия людей по уходу за ними (содержание, пастьба, опознание, выездка, продажа и т. д.), на том, что дает это животное для человека в виде сырья, услуг, в повышении статуса. Детально рассмотрены вопросы, связанные с даром, продажей, обменом, затронуты ритуалы, конные игры и многие другие стороны. Часть этих проблем рассмотрена в другой ее статье [314; 315, с. 211 - 253].

Современные вызовы, стоящие перед сельскими жителями в процессе адаптации к новым условиям, были обсуждены на международном симпозиуме по вопросам пасторализма, организованном летом 2011 г. Центром исследований горных сообществ Университета Центральной Азии (ЦИГС УЦА) и Швейцарской программой научных исследований (NCCR) «Север–Юг». На основе ряда докладов симпозиума в специальном номере авторитетного научного журнала под названием “Горные сообщества Центральной Азии в условиях переходного периода” был опубликован ряд статей В. Креветт, К. Лихти, А. Дёрре и П. Борхардт, Р. Де ля Мартинье, К. Кэрвен и других, написанных на базе оригинальных данных, собранных авторами в течение последних лет [335].

Политические, экономические и социальные перемены в странах Центральной Азии стали общей темой специального номера журнала на французском языке. Координатору номера Ж. Торез удалось сформировать авторский коллектив, который предложил весьма интересные статьи на базе оригинальных данных [343]. Крупный рогатый скот в системе агропасторализма, производство продукции земледелия и садоводства, коммерциализация мяса и молока, проблемы использования пастбищ на примере конкретных эмпирических материалов по Чуйской области исследовала Р. Де ля Мартинье [245. с. 137 – 166].

Устойчивость вековых традиций кыргызского общества, связанная с взаимопомощью и солидарностью, продолжала функционировать при советской власти. Прочные родственные связи выступали серьезной гарантией в предотвращении административных, уголовных преследований от наказания пастухов и других работников скотоводческой отрасли, наносивших определенный экономический ущерб колхозам и совхозам в силу разных причин. Такие проблемы гасились в рамках колхозов и совхозов, руководители которых не могли не учитывать особенность социальной организации, вековых традиций местного населения, членами которых часто и сами являлись. Однако вопросы взаимодействия государства и родственных отношений не стали объектом внимания исследователей в период господства советского режима. К этой фактически не изученной в антропологическом плане проблеме обратился Б. Исаков. Он справедливо считает, что в современной научной литературе уделяется недостаточное внимание постсоветскому периоду. Между тем некоторые стороны жизни сегодняшнего дня можно объяснить на основе изучения опыта прошлого. Автор исследует вопросы о том, как местным сообществам на периферии удалось интегрировать традиционные социальные (в значительной степени родственные) отношения с советской модернизацией.

Конкретные эмпирические материалы, собранные им в селе Куртка Ак-Талинского района, показывают роль родственных, общинных связей в

принятии решения по переходу на рыночные отношения и в вопросах приватизации. Нельзя игнорировать также отношение государства к родственным отношениям и связям, которые вполне успешно существовали параллельно в советское время, на что акцентировал свое внимание упомянутый автор. Показывая роль родственной солидарности, которая никогда не прекращалась в прошлом, он прогнозирует, что такие отношения будут развиваться и иметь серьезное значение [311, с. 33 – 48; 316, с. 55 – 81]. Что касается заключения автора о сохранении устойчивости родственной взаимоподдержки в перспективе, то имеются основания для сомнений. Однако время покажет.

Ж. Де ля Круа в своей статье сосредоточила внимание на исследовании таких двух важных экономических ресурсов, как пастбища и гидроэнергетика. Она подробно останавливается на значении летних пастбищ и горного ландшафта для местного населения. Для этого автор приводит даже строки из текста местного поэта в переводе на английский язык. Интерес представляет степень значимости пастбища для представителей разных поколений. Так, если активиста НПО Розу волнует состояние пастбищ, то для ее сына это не представляет особого интереса, более того, он проявляет откровенное равнодушие. В статье также нашли отражение проблемы хозяйственно-культурной идентичности. Информаторы данного автора причисляли себя к кочевникам [319, с. 49 – 67]. Другая работа этого антрополога основана на ее наблюдениях на одном из летних пастбищ Токтогульского района, где рассматриваются вопросы, касающиеся отношения к труду людей по степени состоятельности, а также разделения обязанностей, выполнения наемной работы. Из публикации можно заметить раздвоенность чувств респондента, которая скучает по городской жизни, но, с другой стороны, как и ее муж, ценит чистый воздух, джайлоо, а также устоявшиеся прочные социальные связи с родственниками и соседями [278, с.195–203].

И. Местре посвятила свои исследования такому ключевому ресурсу скотоводческих обществ, как пастбища в контексте проблемы устойчивости развития местных сообществ. В своей докторской диссертации она дает историческую репрезентацию, хотя этим сильно не увлекается, что, на мой взгляд, вполне оправдано. Она отмечает позиции Мирового банка, ООН, агентств развития, которые выступали за быстрый переход республики на рыночную экономику в транзитный период, в том числе для преодоления бедности.

Проблемы реорганизации нерентабельных коллективных хозяйств, распределения земельных наделов в 1991 – 1993 гг., демонтажа колхозов и индивидуализации аграрного сектора в 1994 – 2004 гг. исследованы на базе конкретных статистических, полевых этнографических материалов. По мнению автора, после 2004 г. улучшаются сервис и инфраструктура для сельскохозяйственной деятельности, животноводческий сектор стал получать больше поддержки. Она обращает внимание на деятельность и трансформацию местной власти, которые были ответственными за приватизацию. Автор поддерживает точку зрения о том, что руководители колхозов и совхозов, оставшиеся под влиянием советской идеологии, выступали против приватизации.

В своих трудах И. Местре акцентировала внимание на проблемы пастбищ, детально проанализировала соответствующие законы и другие нормативные документы на основе эмпирических данных, полученных на таких объектах исследования, как местные сообщества “Эмгекчил”, “Эмгек-Талаа”, “Жерге-Тал” Нарынской области. Она проводит определенную типологизацию людей, имеющих дело со стадами, характеризует их экономическую деятельность. Так, скотоводы-фермеры, живущие на своих фермах, в минимальных объемах занимаются выращиванием растений. Бывшие руководители колхозов и совхозов, обладающие важным статусом, имеющие иногда и большие стада, заняты больше в земледелии, а также нередко развивают другие виды

деятельности, такие как коммерция или предоставление технических услуг. В поле зрения автора оказались также интересные практики, связанные с приемом туристов, добычей золота. Она показывает, как деятельность по кустарной добыче золота стала фактором изменения территориализации и практики пастушества в местности, где расположен рудник. В летнее время мужчины чередовали работу на руднике с выпасом скота на пастбище.

По мнению автора, общинное управление скотоводческими ресурсами в целом оказывает положительное влияние на устойчивость сельских общин, которая достигается в результате открытости, где семьи, включая маргинальные, могут участвовать в управлении ресурсами, облегчении доступа к пастбищам благодаря улучшению инфраструктуры. Кроме того, общинное управление создает новые типы взаимодействий между пользователями агропасторальных и неагропасторальных пастбищ, а также между местными и национальными субъектами. Общинное управление пастушескими ресурсами является фактором расширения местных социально-экологических систем, диверсификации и интенсификации их взаимодействия внутри системы и с системами более высокого уровня. Автором определены качественные показатели отношений между обществом, окружающей средой и территорией, а также между пространственными объектами [333; 334].

Итоговой работой международного исследовательского проекта «Номадизм, общества и окружающая среда в Центральной и Северной Азии», в котором принимал участие автор диссертации, стала коллективная книга «Номадизм в Центральной и Северной Азии» под редакцией Ш. Степановф, К. Ферре, Г. Лаказ и Ж. Торез с привлечением широкого круга авторов. Структура книги включает такие большие разделы, как среда обитания и передвижения, обустройство территории, тело и мир, человек и животное, кочевые и оседлые народы. В данной работе нашли отражение также проблемы кризиса постсоветского периода и адаптации к современным условиям жизнедеятельности [346].

Некоторые проблемы антропологии современного скотоводства в горных районах Кыргызстана были исследованы в нескольких публикациях автора данной диссертации, отдельные из которых сделаны в соавторстве. В них затронуты изменения, происходящие в социальной, культурной, экономической жизни современных пастухов. Рассмотрены технологические, социальные, экологические аспекты скотоводства. В центре внимания автора находились вопросы, касающиеся особенностей приватизации скота и сельскохозяйственного имущества, этапов раздробления колхозов-совхозов, выбора стратегии для адаптации к условиям рыночных отношений, семьи, разделения труда, материальной культуры и прикладного искусства жителей горных районов [136, с. 67 – 81; 137, с. 313 – 318; 138, с.153 – 157; 139, с. 380 – 388; 140, с. 49 – 53; 141, с. 235 – 244; 142, с. 55 – 72; 143, с. 186 – 191; 144, с. 239 – 245; 145, с.166 – 180; 196, с. 106 – 124; 309, с. 379 -392; 347; 348, с. 325 – 342; 346, с. 267 – 269]. Некоторые вопросы постсоветских трансформаций и современного пасторализма были освещены А.З. Жапаровым в работах в кооперации с другими авторами [337, с. 69 – 89; 310].

Заслуживает внимания книга Э. Көчүмкуловой и М. Көчүмкулова “Советтик Ўзбекистандын кыргыз чабандары”, предназначенная для широкого круга читателей. В этом историко-этнографическом очерке, кроме прочих, изложены воспоминания около двадцати чабанов, что делает работу привлекательной. Социальные, межкультурные, хозяйственные связи с народами соседних республик нашли отражение в некоторых примерах [354]. Немалый интерес представляет серия изданий Фонда развития села (RDF) “Традиционные знания кыргызов в помощь животноводам” [351; 352; 353; 356; 358; 360; 362; 363].

В плане сравнительного исследования проблем социально-экономической трансформации скотоводства с некоторыми другими народами, имеющими сходство в хозяйственно-культурной традиции, представляют интерес публикации о народах Сибири, Забайкалья, Монголии. Так, например, в статье С.П. Тюхтеновой рассматривается особенность адаптации алтайцев к современным условиям. Автор связывает возвращение их к скотоводству прежде

всего этнической традицией, где скотоводство являлось престижным в способе жизнеобеспечения. Кроме того, выделяются два других аспекта. Один из них политический и связан с существовавшим в советский период запретом содержать в личном подворье не больше лимитированного количества скота. Другой аспект рассматривается в ее диссертации в качестве концепта имущества в этнической культуре народа и обусловлен представлениями алтайцев о собственности и социальном статусе человека, где скот всегда занимал ведущее место. Используя диахронный подход, она показывает роль скотоводства в процессе интеграции в более широкое социально-политическое пространство, включая постсоветскую Россию. Решающими факторами сохранения этнической культуры алтайцев она считает природную среду и социальную структуру общества. [272, с. 178 – 218; 273, с. 120–123; 274]. Процессы, происходящие в этой сфере у монголов в транзитный период, были рассмотрены в целом ряде исследований как местных, так и зарубежных ученых [297, с. 235-243; 86, с. 178; 87, с. 175-194; 301, с. 73-82; 308; 341].

Исследованиями вопросов адаптации сельского населения к постсоветским социально-экономическим условиям на примере Бурятии занималась группа ученых, результаты которых нашли отражение в коллективной монографии под редакцией Т.Д. Скрынниковой. Авторов интересовало влияние на адаптацию как требований новых экономических условий, так и этнокультурных, хозяйственных особенностей локальных сообществ. Приведены интересные фактические общехарактерные особенности переходного периода на более широком пространстве. В Бурятии, так же как в Кыргызстане, многие люди, занятые в животноводстве, наделенные имуществом коллективных хозяйств в ходе приватизации, не смогли рационально распорядиться своим “паем” и быстро лишились своего имущества [114].

Ценное исследование постсоветских трансформаций в азиатской части России на примере Бурятии проведено британским антропологом К. Хамфри,

которое имеет также немаловажное методологическое значение. Ей удалось проследить болезненный процесс перехода от колхозно-совхозной организации к фермерским, крестьянским хозяйствам. В повседневной жизни людей, как она пишет, наблюдалось нечто похожее на “окрестьянивание”. На заре аграрных реформ люди с воодушевлением восприняли призыв властей выделиться из колхозов. Однако рыночные условия для функционирования таких хозяйств не были созданы. По ее мнению, приватизация, которая ассоциировалась у сельского населения с “распродажей” колхозной собственности, подорвала эмоциональную связь между работниками и коллективом. Автор на основе восприятия населения и реального содержания анализирует такие ключевые понятия, как “фермерские” и “крестьянские” типы хозяйств [287].

Нерациональная, неравномерная утилизация сезонных участков для выпаса, факторы, влияющие на ухудшение их качества, рассматриваются также в трудах геоботаников Гипрозема Кыргызской Республики, географов, биологов. Экономические, правовые, зооветеринарные аспекты современного скотоводства нашли отражения в монографиях и статьях Т.А. Акматалиева [74], В.В. Бабурина, М.Д. Шаменова [85], К.А. Абдыкеримова [65], С.А. Ажибекова, А.Д. Дуйшеева, К. Абдыкеримова [69], Е.М. Луцхиной, Д.В. Чебодаева [203], В.А. Черткова, М.К. Касмалиева [290], А.З. Тулобаева, Р. Салыкова [196], К.С. Касиева [162] и др.

Мировым банком и Международным банком реконструкции и развития также были проведены исследования, которые преследовали в первую очередь прикладные цели для содействия устойчивому развитию как местных сообществ, так и страны в целом [43]. По инициативе Всемирной продовольственной программы летом 2005 г. в Бишкеке была проведена международная конференция, где были широко обсуждены проблемы опустынивания и деградации пастбищ в бывших советских республиках Центральной Азии, Монголии и южной части России.

Несмотря на проделанные исследовательские работы, существует множество вопросов, которые все еще не получили достаточного отражения в научной литературе. Данная диссертационная работа направлена на то, чтобы в определенной степени восполнить пробел в исследовании антропологии современного скотоводства в горных районах Кыргызстана.

ГЛАВА II

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Источниковая база

Основную источниковую базу диссертационной работы составили полевые этнографические материалы, которые автор собирал на протяжении многих лет. Основная часть сбора полевых этнографических материалов была проведена в Ак-Талинском, Ат-Башинском, Кочкорском районах Нарынской области. Эмпирические материалы также собраны в Алайском районе Ошской, Тонском районе Иссык-Кульской областей. В районах Нарынской области этнографические ежегодные исследования велись с 1998 по 2009 год в летние и осенние периоды. С учетом специфики темы, направленной на изучение условий жизни, быта и труда скотоводов высокогорных районов, концентрация основного внимания на Нарынскую область, где животноводство было главным направлением также в экономическом районировании в эпоху СССР, думается, вполне оправдана. Вначале такая экспедиция нами была организована в рамках проекта Висконсинского университета в Мэдисоне “Влияние экономических реформ на скотоводство в Центральной Азии” PCE-G-98-00036-00 (руководители: А. Хазанов, К. Шапиро. Координатор проекта по Кыргызстану – С. Кляшторный). Для лучшего представления повседневной хозяйственной, социальной жизни скотоводов мною были проведены полевые исследования и в зимний период (села Ача-Кайыңды, Төлөк, Кара-Ой).

В 2000 – 2009 гг. в селах Тоголок Молдо, Куртка, Тилектеш Ак-Талинского района и в некоторых других деревнях Нарынской области были собраны полевые этнографические материалы в ходе экспедиций международных исследовательских проектов “Номадизм: этничность, идентичность, пространства и местная власть” (АСІ №501869), “Номадизм, общества, религия в тюрко-монгольском и Сибирском пространствах” (2001–2009 гг. Руководитель – А. Буржо), “Номадизм, общество и окружающая среда в Центральной и

Северной Азии” (2010 – 2013 гг. Руководитель – Ш. Степановф). Параллельно в 2010–2013 гг. удалось провести полевые исследования при поддержке фонда Фольксвагена по проекту Университета Мартина Лютера в Галле (Германия) с участием французского антрополога С. Жаксон.

Документы и материалы местных государственных администраций (айыл өкмөтү) послужили в качестве другого типа источников исследования. К ним относятся хозяйственные книги местных жителей, в которых содержатся сведения об их собственности (земельные наделы, скот, другое движимое и недвижимое имущество). К данной группе источников относятся также официальные отчеты и сведения разных управлений, отделов районных, областных администраций.

Следующую группу источников составляют законы и другие нормативно-правовые документы. Изучение их может способствовать раскрытию особенностей процесса трансформации аграрного сектора в целом, скотоводства в частности в условиях обретенного суверенитета после распада Советского Союза. При исследовании процесса демонтажа колхозно-совхозной системы, сопровождающегося приватизацией земельных наделов, скота и другого имущества, акцент сделан на Закон Республики Кыргызстан “Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства в Республике Кыргызстан” от 20 декабря 1991 г. № 683-ХІІ [10], который служил правовой основой для регулирования общественных отношений и процессов по мере накопления необходимой практики.

Закон Кыргызской Республики “О крестьянском (фермерском) хозяйстве” от 3 июня 1999 г. № 47 [11] регулировал порядок создания и деятельности указанных в названии закона типов хозяйств, ставших широко распространенными в условиях перехода из социалистической системы к рыночным отношениям.

Правовой базой реформ, проводимых в аграрном секторе, стал Закон Республики Кыргызстан “О земельной реформе” от 19 апреля 1991 г. № 433-ХП [13]. Помимо целого ряда других компонентов данного закона, для диссертации большой интерес представлял порядок преобразования неэффективно работающих колхозов и других сельскохозяйственных предприятий.

В постсоветское время новое независимое молодое государство регулировало порядок пользования пастбищами принятием двух важных документов, которые имели существенные отличия друг от друга. Так, согласно Постановлению Правительства Кыргызской Республики от 4 июня 2002 г. “Об утверждении положения о порядке предоставления в аренду пастбищ” [14], владельцы стад имели право арендовать сезонные пастбища. Несмотря на временный характер, они пользовались этим природным ресурсом как приобретенными у государства участками. Однако в 2009 г. пришлось принять Закон Кыргызской Республики «О пастбищах» [5], где была введена норма коллективного пользования сезонными выпасами. Эти документы были использованы при анализе вопросов, имеющих отношение к организации пастбищ и изменениям в пользовании ими в комбинации с полевыми этнографическими и другими материалами. Таким образом, законы, постановления, различные положения, принятые в целях реализации законодательства, входили в состав источниковой базы диссертационной работы.

Не менее значимую группу источников составили статистические данные, подавляющая часть которых была взята из Национального статистического комитета Кыргызской Республики. В его бюллетенях можно найти обзоры развития сельского хозяйства за все годы постсоветского периода. Для данной диссертации интерес представляли сведения о поголовье разных видов скота в республике в целом и в Нарынской области в частности, которые являются базовым объектом исследования. Статистические данные по этому показателю, опубликованные в отчетах, бюллетенях, обзорах, позволили составить таблицу,

отражающую динамику роста численности скота по годам. Не менее важно было показать площади сезонных пастбищ, которые содержались в публикациях указанного государственного ведомства, отчетах Всемирного банка, отдельных научных трудах. В работе даны также некоторые сведения о численности населения республики и Нарынской области. В процессе работы были использованы статистические данные местных самоуправлений, отчеты неправительственных организаций.

Чрезвычайно интересно и полезно было работать с материалами международных и отечественных неправительственных организаций, которые реализовали проекты, носившие в основном прикладной характер. Очень полезным был отчет Мирового банка по животноводству 2005 г. Изменение климата и биокультурное разнообразие было темой ОФ “Ак-Терек”, что нашло отражение в его финальном отчете. САМР «Ала-Тоо» при поддержке различных организаций, в том числе Германского общества по международному сотрудничеству (GIZ), уже в течение многих лет проводит исследования, обучающие семинары, мониторинг состояния природных ресурсов с участием представителей местных сообществ. Опубликованные им каталог пастбищных растений Кыргызстана, брошюра по общинному управлению пастбищами, руководство по оценке воздействия выпаса на пастбища, информационные бюллетени отличаются хорошей информативностью, наглядностью, убедительностью проводимых анализов.

Интересные материалы содержатся в книгах по святым местам каждой области республики, опубликованных усилиями сотрудников культурно-исследовательского центра “Айгине”. В каждом из них составители этих книг дали слово выходцам соответствующих областей, где есть некоторые сведения о трудностях переходного периода после распада СССР и об адаптации людей к новым условиям. Особый интерес для меня представлял посвященная Нарынской области [355].

Источниковая база диссертационной работы была расширена также за счет привлечения материалов средств массовой информации. На страницах газет и журналов, сайтах информационных агентств было найдено немало нужных материалов, прежде всего в таких рубриках, как события, хроника. Репортажи с мест о событиях в социальной, экономической жизни местного населения, которому пришлось преодолеть трудные годы 1990-х, были хорошим дополнением к полевым этнографическим материалам. Аналитические статьи специалистов, журналистские расследования представляли в качестве источника безусловную ценность. Были проанализированы необходимые для диссертации материалы газет “Кыргыз Туусу”, “Слово Кыргызстана”, “Теңир-Тоо”, “Вечерний Бишкек” и др.

Другую группу источников составили аудио и видеоматериалы, размещенные на различных информационных сайтах и радио (Akipress, 24 kg, kabar, bbc, Azattyk и др.), а также на ютуб-канале. Немало заслуживающей внимания информации дают материалы, которые знакомят посетителей таких интернет-ресурсов с крестьянскими, фермерскими хозяйствами, кооперативами, их опытом по организации производства. Такие сведения, как оказание помощи скотоводам, стада которых оказались в состоянии бескормицы, территориальные споры по использованию летовок, состояние пастбищ и другие в текстовом, графическом, звуковом видах и видео были важными источниками, носящими наглядный характер. Так, например, нерешенные на должном уровне спорные вопросы по территориальной принадлежности отдельных летних пастбищных участков в последние пару лет породили конфликтные ситуации между общинами скотоводов разных районов. Такие события размещались в том числе по инициативе отдельных людей в Интернете, что, безусловно, может считаться одним из видов источников для диссертационной работы.

Таким образом, источниковая база диссертации отличается большим разнообразием. Полевые эмпирические материалы, документы местных сообществ, законы и другие нормативно-правовые акты, материалы СМИ,

отчеты и публикации международных и неправительственных организаций наряду с научной литературой помогли проанализировать происходящие изменения в сфере скотоводства после развала Советского Союза.

2.2. Методология исследования

Прежде всего важно было четко обозначить для себя основную проблему для изучения. Так, скотоводство в высокогорных районах Кыргызстана в постсоветское время и люди, занятые в этой сфере, стали **объектом исследования** настоящей диссертации. **Предметом исследования** являются процессы трансформации, происходящие в хозяйственной, социально-культурной жизни скотоводов. Сюда же следует отнести изучение вопросов видовых моделей скота, адаптации к рыночным условиям, состояния сезонных пастбищ и их использования, организации пространства.

В разработке какой бы то ни было проблемы, в достижении поставленных целей и задач ключевую роль играют выбранные методы исследования. Они, как и используемые источники, обычно обуславливаются характером и особенностью научной работы, а также уровнем современной разработанности исследуемых проблем. Каждая дисциплина имеет в своем арсенале немало количество специфических подходов, применение которых позволяет раскрыть тему исследования, которые могут быть еще более эффективными, если они будут дополнены более универсальными, общенаучными методами. Основу методологии данной работы составили структурно-функциональный, системный, междисциплинарные подходы.

После распада социалистической системы в бывших советских республиках ученые стали критически относиться к подходам, основанным лишь на трудах классиков марксизма-ленинизма, в том числе на учении об антагонистической непримиримости основных классов. Особенно это

характерно исследованиям последних десятилетий, где видны “отказ от жестких однолинейных теорий и схем, наличие множества концептуальных подходов, преодоление европоцентризма и колониализма” [264, с.6]. При этом не всегда отвергается все подряд, так как во всяком учении, в том числе в марксизме, имеются рациональные зерна, которые, “несмотря на свою размытость, сохраняют свою привлекательность для специалистов во всех отраслях гуманитарного знания” [75, с. 88]. С учетом такой тенденции, что, безусловно, идет только на пользу науке, в написании диссертационной работы мною было предпринято усилие по использованию ряда общенаучных и сугубо этнографических методов исследования.

В изучении антропологии трансформаций современного скотоводства в горных районах Кыргызстана нам казался методологически оправданным выбор объектов, значимыми критериями которых могли быть горная экосистема, наличие сравнительно большого количества пожилых животноводов бывших колхозов, совхозов, а также молодых скотоводов, совершающих сезонные кочевания. В исследовании проблем современного скотоводства они могли дать много информации, которая для нас оказалась бы очень ценной, поскольку основана на личных опытах таких людей. Использование такого способа заметно облегчило мою задачу по сбору нужных эмпирических данных для последующей интерпретации. При выборе географических и административных точек для проведения полевых исследований учитывался также фактор сравнительно хорошего сохранения многовековых хозяйственных навыков и культурных традиций в практике местного сообщества. Было интересно проследить изменения, происходящие в среде скотоводов в условиях перехода от колхозно-совхозной системы к свободным рыночным отношениям. Выбранные объекты должны были отражать характерные для скотоводов всех горных территорий республики происходящие социально-экономические, культурные процессы.

Исследование на локальном уровне комплекса вопросов, касающихся земледелия у современных скотоводов, позволяет лучше и глубже раскрыть особенность функционирования этого сектора в определенном географическом и социальном пространстве. В результате такого подхода, который мы считаем просто необходимым, можно получить ответы на такие вопросы, как динамика развития отрасли, отношение пастушеских обществ к земледелию с учетом современного этапа развития.

Изучение скотоводства в отрыве от таких отраслей хозяйства, как земледелие, охота, других видов экономической деятельности, некоторые из которых являются новыми для сельского населения, не могло бы дать целостное представление об этой теме. Думаю, интерпретация собранных полевых материалов по структуре производственной деятельности и оказываемых услуг населению в горных районах республики с объяснением причинно-следственных связей в определенной степени способствовала пониманию антропологии трансформаций в жизни самих скотоводов.

Интересные опыты полевой работы с респондентами описывают и анализируют А. Алымбаева и А. Исмаилбекова, которые дают определенную пищу для размышления по проблемам методов полевых исследований антропологов. Вероятно, они в известной степени правы, когда пишут о том, что изучение собственного общества сковывает антрополога, в результате чего не совсем легко взглянуть на него свободным взглядом «пришельца извне» [79, с. 17-35]. Мне самому в ходе не только настоящего, но и предыдущих исследований тоже приходилось испытывать подобные чувства в связи с принадлежностью к культуре изучаемого народа, что создавало некоторые трудности. Однако в конкретном случае возможный неоправданный подход мог быть связан с обманчивой верой в то, что автор хорошо знает о жителях села своей республики и о процессах, которые происходят. Учитывая это, стремился глубже понять особенности современного скотоводства, старался вести свою работу с точки зрения, как бы стороннего, несведущего в этих вопросах исследователя.

В одной из экспедиций участвовал крупный антрополог Гюнтер Шлей, что помогло мне обогатить исследовательские навыки по сбору эмпирических материалов. Нельзя не отметить определенную поддержку двух французских первых проектов со стороны Французского института исследований Центральной Азии (IFEAC), который частично финансировал полевые исследования отдельного участника, и международного colloquium по проблемам нomaдизма, прошедшего в Бишкеке.

Между экспедициями, а также после завершения указанных проектов сам выезжал на “поле”, где продолжал собирать нужные эмпирические данные, которые составили основную источниковую базу настоящей работы. В проекте общественного фонда “Ак-Терек” “Изменение климата и биокультурные ландшафты”, реализованного при финансовой поддержке фонда Кристенсена (руководитель Н. Эсенгулова), участником которого я был, приходилось вести совместные работы с геоботаниками, экологами, со специалистами сельскохозяйственных наук, что предусматривало углубленное применение междисциплинарного метода.

Сбор полевых материалов осуществлялся преимущественно с использованием стационарного метода, который может способствовать исследователю провести детальное, глубокое изучение разных аспектов в периоды относительно долгого пребывания на конкретном месте [298, с. 51]. Такая работа была проведена в селах Тоголок Молдо, Тилектеш (Ак-Талинский район), Төлөк (Кочкорский район), Кара-Суу (Ат-Башинский район), Корул (Алайский район), на летних пастбищах Сон-Куль, Кашка-Суу, Беш-Белчир, Кара-Кужур (Нарынская область), Ичке-Төр (Тонский район). Длительное нахождение на выбранных объектах не ограничивалось лишь глубокими качественными интервью с респондентами. В течение полевых экспедиций и командировок нам удалось окунуться в среду кочующих скотоводов, жить вместе с ними и чувствовать на своей шкуре то, что они испытывают. Совершенно кстати в этой связи вспомнить замечание К. Леви-Стросса об его

значимости, который пишет: «Возможность примерки на себя интимного опыта другого – это одно из имеющихся средств для получения окончательного эмпирического подтверждения, потребность в котором ощущается и естественными, и гуманитарными науками; это не столько доказательство, сколько ручательство» [198, с.363]. Такой подход, получивший название в этнографической науке как включенное наблюдение, стал одним из приоритетных при накоплении материалов и их анализе.

В процессе работы над диссертацией не стал отвергать и маршрутный объезд, преследуя цель охватить для обследования более широкий круг населенных пунктов, пастбищ и скотных рынков. Мы находились в таких точках относительно недолго и пытались установить контакты со скотоводами и членами их семей для получения необходимой информации. Данный метод по сравнению со стационарным в принципе менее полезен в плане глубины исследования, однако он помогает охватить более широкое географическое пространство и социальный круг. В моем конкретном случае маршрутный метод позволил проверить, проанализировать материалы, собранные в ходе стационарного изучения, и получить некую репрезентативность. К числу таких объектов относятся села Ача-Кайыңды, Ак-Муз, Кара-Булуң Ат-Башинского района, Ак-Тал, Терек, Куртка Ак-Талинского района, Лахол, Куланак, Учкун Нарынского района, Көк-Жар, Ак-Кыя Кочкорского района, Ала-Баш, Кара-Коо, Бар-Булак Тонского района, Санташ, а также летние пастбища Сарала-Саз (Кочкорский район), Кызарт (Джумгалский район), Арпа (Ат-Башинский район), Сары-Бел (Тонский район). По большому счету трудно было представить процесс сбора нужных материалов без комбинации стационарных и маршрутных методов полевой этнографической экспедиции.

Выявление респондентов из числа хорошо знающих историю и культуру местного сообщества людей, опытных и молодых скотоводов, пользователей пастбищ, представителей официальной власти и других являлось важной частью начальной работы над темой. Для того чтобы иметь круг лиц, с кем можно было

бы беседовать, я предварительно ознакомился со справочной литературой, с энциклопедическими изданиями, консультировался с выходцами села, куда собирался на экспедицию. Бывали случаи, когда в моем распоряжении еще до поездки на объект исследования был список из двух–трех человек – потенциальных информаторов. Если в одних случаях первая встреча была с такими людьми, то в других приходилось первым делом совершить визит в сельские управы, где получал общие сведения о населенном пункте и его населении. Тут же удавалось получить имена рекомендованных людей для проведения интервью по теме настоящей работы.

Эффективность полевой работы по поиску и сбору нужной информации как в маршрутном, так и в стационарном видах экспедиций достигается во многом за счет предварительно составленной программы исследования. Перед каждым выездом мною составлялись (дополнялись) такие программы, вопросники, ставшие важными инструментами, помогающими вести предметный разговор вокруг изучаемой проблемы и способствующими накоплению сравнительно богатого, охватывающего разные стороны темы эмпирического материала, отражающего как общие, так и частные явления. В проведении такого исследования очень полезно замечание Ф. Барта, который писал: “Первым методологическим правилом в таком подходе должно быть использование или разработка техники поиска, которая позволила бы нам исследовать частное в его изменчивости, вместо следования шаблонам и схемам, побуждающим нас к поспешному схватыванию и характеристике (предполагаемой сущности) целого. Это означает, что нам следует выработать более осознанное отношение к тому, как мы проводим наше наблюдение, и быть менее озабоченными теми, что предстоит найти” [91, с. 48].

В большинстве случаев интервью с респондентами проводилось с применением структурированного качественного метода и длилось в среднем от полутора до двух часов, без внешних препятствий и вмешательств в разговор. Почти во всех индивидуальных беседах чувствовались открытость, взаимное

доверие. За исключением редких случаев информаторы не запрещали указывать их фамилии в исследовании. Часто через них удавалось найти других людей, которые могли бы дать интересные сведения по нашей теме. По возможности было предпринято усилие охватить для интервью людей разных возрастов, пола, социального и материального положения, профессий. Вместе с тем предпочтительными для меня были современные скотоводы, кочующие по сезонным пастбищам, опытные животноводы бывших колхозов и совхозов, руководители высшего и среднего звеньев советских коллективных хозяйств, люди, занятые другими видами экономической деятельности на селе.

Нередко приходилось вести беседы с несколькими скотоводами одновременно. Иногда это происходило естественным образом, когда в одном месте находилась группа таких людей. Были случаи, когда работа с группами была инициирована руководителями указанных выше проектов. В ходе беседы одни выступают в качестве ведущих информаторов, а другие участвуют в беседе пассивно. Бывали и споры, когда приходилось проверять отдельную противоречивую информацию и восстанавливать реальную картину в процессе дальнейшей работы. Глубокие беседы с группами скотоводов были проведены на летних стойбищах пастбищ Кашка-Суу, Сон-Куль, в селах Төлөк Кочкорского, Кара-Ой Ак-Талинского районов. Следует отметить, основная часть полевых этнографических исследований была проведена в таких базовых населенных пунктах северных районов Центрального Тянь-Шаня, как Тоголок Молдо, Төлөк, Кара-Суу, которые могли дать характерные картины происходящих трансформаций в сфере скотоводства.

Полезная информация о состоянии пастбищ получена в ходе нескольких семинаров с участием пользователей этого вида природного ресурса, проведенных в селах Көк-Жар, Төлөк, в городе Бишкеке в рамках проекта “Изменение климата и биокультурные ландшафты”. Во время подобных встреч пытался вести беседу с пастухами о таких вопросах, как организация годовичного производственного цикла, технология разведения разных видов домашнего

скота, проблемы использования пастбищ и их состояние, влияние климатических изменений на хозяйственную деятельность, и т. д.

В ходе полевых экспедиций и командировок для меня важно было применить метод включенного наблюдения. Проживая со скотоводами, приходилось не только видеть то, чем и как занимаются пастухи и их семьи, обращать внимание на социально-психологические стороны их жизни, но и участвовать в каких-то работах, в том числе в перегоне стада одного хозяйства с альпийской зоны с наступлением прохладных дней осени. В связи с этим нужно отметить, что меньшее значение придавалось визуальному изучению особенностей географического ландшафта мест пребывания, структуре растительности и водного обеспечения для того, чтобы лучше представить себе взаимообусловленность природного фактора и хозяйственно-культурных традиций и навыков.

Для лучшего осмысления трансформаций в скотоводстве пришлось обращаться также к специалистам государственных структур (отделы Министерства сельского хозяйства, продовольствия и водного хозяйства, департамент пастбищ, управления сельского хозяйства районных, областных администраций), экспертам.

Исследование ряда проблем современного пастушеского скотоводства трудно осуществить без исторической ретроспективы, поскольку ответы на некоторые вопросы кроются именно в хозяйственной практике и социальной жизни минувших эпох. Кроме того, хотел проследить динамику развития отдельных элементов системы в относительно длительном временном измерении. Тем не менее основной акцент сделан на изучение нынешней, постсоветской хозяйственной и социальной жизни скотоводов одного и того же времени. Необходимость выполнения такого двойного характера поисковой работы обусловила применение диахронного и синхронного методов исследования, которые дополняли друг друга. Хотелось бы попутно отметить, что известный

исследователь-номадолог Н.Э. Масанов в своей фундаментальной монографии опирался главным образом на указанные методы, что также повлияло на меня в выборе методологических подходов [206].

После распада СССР во многих союзных республиках происходили глубокие социально-культурные, экономические, политические процессы трансформации. Общество по-разному реагировало на происходящее, где одни радовались, другие испытывали своеобразный психологический надлом. С разрушением социалистической системы и переходом на рыночные отношения стали по-разному вести себя сами люди, свидетельствующие об изменениях в их ментальности. Происходящие изменения не могли обойти стороной пасторальные общества, которые должны были найти достойный ответ на современные вызовы, чтобы адаптироваться к новым условиям.

Какие особенные и общие характерные черты наблюдаются в этой связи у современных скотоводов-кыргызов, среди которых немало бывших животноводов колхозов, совхозов, и их детей? В выявлении и раскрытии их важное место отводилось методу сравнительного изучения с привлечением опубликованных материалов о других народах бывшего Советского Союза и дальнего зарубежья.

Многовековой опыт кочевого образа жизни с богатыми хозяйственными навыками, накопленными в течение долгого исторического периода, и приоритетное значение животноводства в экономическом районировании в годы функционирования колхозов, совхозов стали основными факторами выбора объектов для сравнения. Этот критерий натолкнул меня использовать сведения о других народах Центральной Азии в широком географическом понимании, включая монголов. Анализируя накопленные данные, пытался найти объяснения различиям [295, с. 13-36], не ограничиваясь иллюстрацией сходных черт и явлений.

В антропологии следует важное место отводить познанию себя именно через различия. “Сравнительный метод, – как пишет А.Р. Радклиф-Браун, – представляет собой такой метод, благодаря которому мы переходим от частного к общему и от общего к еще более общему, надеясь подойти к универсальному, т. е. к характеристикам, которые в тех или иных формах могут быть обнаружены во всех человеческих обществах” [243, с. 89 – 105]. Применение данного метода позволило проанализировать немалую долю локальных эмпирических данных в контексте с более глобальными общими проблемами современного пасторализма.

В рамках диссертации не просто было охватить разные аспекты выбранной темы. Тем не менее предпринималось усилие дать анализ наиболее значимым, на наш взгляд, проблемам с целью создания общей картины в жизни современных скотоводов. В этом отношении старался следовать примеру К. Хамфри, которая заметила необходимость целостного подхода, для того чтобы “понять все стороны жизни общества, которые она так или иначе затрагивает” [287, с. 32]. В отличие от нее, исследовавшей в своей монографии обширный круг проблем современных трансформаций, я ограничивался конкретной узкой темой. А с другой стороны, именно со скотоводством связана экономическая, социальная, культурная, да и политическая жизнь многих людей, которые ассоциируют себя с потомками кочевников. Другой вопрос, насколько эффективно был применен данный метод, на который мне трудно ответить.

“Трагедия общинных ресурсов” является одним из важных теоретических вкладов в науку, предложенных известным американским географом Г. Хардиным. В связи с исследованием экологического аспекта пастбищ горных районов Кыргызстана не мог себе представить его без обращения к основным положениям этой теории, чтобы понять, в какой степени она отражает реальную ситуацию и может ли быть применена к кыргызским скотоводам в практическом плане. Порядок использования участков сезонных пастбищ в условиях перехода

к рыночным отношениям, где плохо обстоит дело с социальным контролем, попробуем рассмотреть с точки зрения “теории игр”.

Выбранная методология исследований и использованные разнообразные источники, на которых остановились выше, помогли проанализировать происходящие трансформации в сфере скотоводства после распада коллективных типов хозяйственной организации советского периода и прийти к определенным выводам, имеющим как практическое, так и научно-теоретическое значение.

ГЛАВА III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННЫХ СКОТОВОДОВ

3. 1. Структура занятости населения горных районов

Прежде чем перейти к видам экономической деятельности целесообразно дать вкратце общую характеристику Нарынской области, являющейся базовым объектом где были собраны полевые этнографические материалы использованные для сравнения.

Нарынская область расположена к востоку от Ферганского хребта на территории Внутреннего ТяньШаня и обладает сложным, высокогорным рельефом. Длина горных хребтов достигает в основном 100 – 300 км., ширина – 10 – 40 км., высота которых составляет в среднем 3000 – 4000 м. над уровнем моря. Самым длинным хребтом является Какшаал-Тоо (580 км). Мощные горные хребты чередуются межгорными впадинами, классифицированные специалистами на низкогорные (Кёкмерен-Нарынская); среднегорные (Кочкорская, Джумгальская, Средненарынская); высокогорные (Аксайская, Арпинская, Ат-Башы-Каракоюнская, Верхненарынская, Сонкельская) типы. [155, с. 10 –11].

Особенность географического положения и рельефа детерминируют континентальный климат территории области с продолжительным холодным периодом и коротким летом годового природного цикла. Область располагает значительным запасом водных ресурсов. Истоки самой крупной реки Нарын, берет начало с ледника Петрова, и имеет огромное значение в гидроэнергетике. Реки Он-Арча, Ат-Башы, Ала-Буга главным образом питаются за счет снегов и ледников. На территории области имеются высокогорные озера Сон-Куль и Чатыр-Куль расположенные на высоте более 3000 м. над уровнем моря. Они входят в число крупных, после соленого незамерзающего озера Иссык-Куль.

Обширные пастбища Кара-Куджур, Аксай, Арпа, Сон-Куль и др. где произрастают сочные виды кормовых трав испокон веков являются излюбленными пространствами скотоводов. Часть межгорных впадин представляют как территории рискованного земледелия для выращивания зерновых культур.

Практически моноэтнический состав населения и наименее плотная по сравнению с другими регионами заселенность следует включить в число особенностей области. Расположение вблизи к границе Китая и отрезок ответвлений Великого шелкового пути позволял издавна поддерживать хозяйственные, культурные, торговые связи с Восточным Туркестаном и Ферганской долиной [196, с. 16]. В настоящее время через территорию области проходит шоссейная дорога международного значения Бишкек – Торугарт.

3.1.1. Скотоводство

В настоящее время в мире насчитывается около 40 млн человек, для которых скотоводство остается основой материального благосостояния. Особенно большой удельный вес в структуре экономики оно занимает в засушливых, полузасушливых регионах, где сезонное использование пастбищ может быть даже более рационально, чем земледелие. К числу скотоводов, имеющих многовековую традицию, можно отнести и кыргызов.

На протяжении многих веков местное население горных районов Кыргызстана, занимаясь скотоводческим хозяйством, вело кочевой образ жизни. Несмотря на то что земледелие, охота существовали как значимые виды хозяйства в структуре традиционной экономики, скотоводство оставалось всегда доминирующей отраслью, наиболее приспособленной к местным географическим условиям. Это давало возможность населению пользоваться естественными кормовыми угодьями среды обитания. Ими накоплен богатый опыт по культуре хозяйствования с учетом особенностей экологической

системы, имеющей важное практическое значение и на современном этапе развития общества.

А.М. Хазанов, касаясь роли кочевников в историческом развитии, в частности, отмечает, что в аридных зонах, а также в тундре мобильное скотоводство вплоть до новейшего времени было наиболее рациональным и эффективным видом производящей экономики, что, собственно, сохраняется и в наши дни. Экономические подсчеты показали, что в пустынях, полупустынях и даже во многих районах, занятых сухими степями, скотоводство, основанное на утилизации естественных пастбищ, требует меньших инвестиций и дает большую отдачу, чем земледелие, в том числе ирригационное [283, с. 12].

Скотоводческое хозяйство продолжало оставаться ведущей отраслью экономики республики на протяжении всего периода существования советской эпохи. При районировании отдельных направлений производства учитывались как природно-климатические условия в качестве наиболее выгодных для развития животноводства, так и приобретенные за многие века навыки по рациональному ведению этого вида хозяйственной деятельности местным населением. Еще в 1928 г. председатель Совнаркома Киргизской АССР Ж. Абдрахманов писал о значимости обеспечения качественного роста животноводства для валового дохода, отмечая при этом, что было бы ошибкой рассматривать его в отрыве от общесоюзного развития [17, с. 59].

Киргизская ССР в общесоюзном разделении труда являлась одним из крупных поставщиков животноводческой продукции. Вопросы развития отрасли в республике рассматривались на пленумах и съездах Коммунистической партии, являвшейся в то время руководящей и направляющей силой советского общества. Благодаря материально-финансовой поддержке государства была создана соответствующая инфраструктура животноводческого сектора. Тем более это поощрялось политическим центром. Были проложены автомобильные дороги вплоть до отдаленных летних пастбищ, проведено электричество к зимним стоянкам, построены такие животноводческие комплексы, как овцетоварные фермы (ОТФ), молочнотоварные фермы (МТФ), стригальные

пункты и др. Возле кошар для отары овец имелись построенные для семей чабанов специальные домики из двух – трех комнат [139, с. 381].

Со стороны государства проводилась серьезная идеологическая работа по поднятию уровня престижности профессии чабана, табунщика, яковода, доярки и др. Высокие показатели их трудовых достижений передавались по каналам радио и телевидения, публиковались на страницах периодической печати, такие люди удостоивались различных государственных наград. Из числа животноводов избирались депутаты разного уровня Советов вплоть до Верховного. С одной стороны, животноводам приходилось трудиться в тяжелых условиях, а с другой – их статус и материальное положение поддерживались государством, выступавшим в качестве гаранта [311, с. 43]. Скотоводы, как и представители других отраслей народного хозяйства, брали на себя социалистические обязательства в рамках планов колхозов и совхозов. Вопросами реализации произведенных продуктов скотоводы не занимались.

Возможно, значение географического детерминизма в принятии решений по социально-экономическому развитию не имело бы столь существенного значения, если республика и союзный центр направляли усилия на развитие и других отраслей, придавая экономике горных районов комплексный характер. Если учесть наличие немалых полезных ископаемых, разведанных специалистами-геологами, развитие промышленного сектора в этой горной территории выглядело вполне реальным. Однако роль животноводства оставалась на протяжении всего периода существования союзного государства наиболее важной. Обслуживанием отрасли занималось абсолютное большинство сельских жителей, включая земледельцев, механизаторов, руководителей колхозов-совхозов, районов и областей разного ранга. Надо было выполнить взятые планы по производству мяса, шерсти и других продуктов животноводства.

В Кыргызстане скотоводство является одним из наиболее значимых направлений экономической деятельности личных подсобных, крестьянских, фермерских хозяйств и в постсоветское время. По всей стране в среднем отрасль

дает сельскому населению половину их дохода. В современном кыргызском обществе скот продолжает иметь немалое социальное и культурное значение, остается экономической ценностью для населения, включая часть городских жителей. Определяющее значение здесь принадлежит исторической традиции народа, связанной с многовековыми навыками ведения кочевого скотоводства. Не менее значимую роль играет фактор наличия огромных пастбищных ресурсов.

Главным образом природно-климатические условия высокогорных районов детерминировали ведущую роль скотоводческой отрасли в структуре хозяйственной деятельности местного населения. Прежде всего это связано с наличием обширных пастбищных ресурсов, что составляет около 90% сельскохозяйственных угодий республики. Такие высокогорные пастбища, как Арпа, Ак-Сай, Соң-Көл, Кара-Кужур, Сарала-Саз, сырты Тонского и Жеты-Огузского районов, и другие занимают огромные территории и входят в число экономически важных ресурсов животноводства республики.

Трудовая занятость современного сельского населения, и в особенности высокогорных районов, преимущественно связана с разведением разных видов скота, что оказывает существенное влияние на особенность экономики и культуры кыргызского населения. В условиях неразвитости других секторов экономики подавляющая часть людей решают основную социальную проблему – общественно полезный труд, связанный с уходом за животными в своих стадах. Трудно было бы представить, например, чем бы занималось и каким другим источником дохода могло обеспечивать жизнедеятельность население Ат-Башинского или Алайского районов в трудные переходные годы постсоветского периода, если бы не было скота.

Ныне почти все сельские семьи имеют свои стада независимо от вида трудовой деятельности. Большое значение в этом, видимо, имеют исторические, хозяйственно-культурные традиции. Однако весомую роль играет здесь материальный интерес. В зависимости от активности, сферы деятельности подавляющее большинство сельских жителей вовлечено в процессы ухода за

животными в собственных стадах. Даже часть мигрантов, находящихся за пределами страны, для поднятия благосостояния и экономического развития семей предпочли вкладывать свободные деньги на расширение стада. Из множества примеров приведу одну. Так, например, по информации Үлпат Осмоналиевой, брат ее мужа Талант купил для увеличения численности стада семьи 100 голов овец (ПЗА, 1973 г.р., с. Корул, Алайский р-н, 28.10. 2008 г.).

Разведение разных видов скота – главное занятие сельского населения, которое продолжает занимать огромный удельный вес в экономике страны, когда в жизнь прочно входит такое понятие, как «рыночные отношения». Многие современники хорошо помнят, как в начале 1990-х годов, в условиях экономического кризиса, тяжело отразившегося на уровне жизни населения, домашний скот потерял былую значимость, а профессия пастуха стала не такой престижной, как раньше. В обществе проявлялось некое пренебрежительное отношение к нелегкому труду животновода. Вероятно, такое отношение характерно было для большей части постсоветского пространства, о чем свидетельствуют материалы этнографов, социологов. В Туве, к примеру, к середине 1990-х годов упал престиж профессии чабана, а юноши и девушки неуклонно утрачивали навыки кочевой жизни [123, с. 8].

Первая половина 1990-х годов характеризовалась перманентным сокращением поголовья всех видов скота, разводимых в разных типах хозяйств. «С разрушением советской системы изменилась сеть экономических связей, структура производства, сама форма собственности. В сельской местности сила кризиса материализовалась разрушительным падением численности скота (около 60%)» [342, с. 138].

Стремительное сокращение численности всех видов скота в начале суверенитета в результате изменения государственной политики по отношению к отрасли в сторону минимизации финансово-материальной поддержки было характерно и для Казахстана. Отмена правительственных субсидий негативно отразилась на качестве инфраструктуры и услуг в животноводческом секторе Монголии, который раньше был ориентирован на внешний рынок [207, с. 218;

Янзен, 301, с. 75]. Особенно остро ощущалось это в овцеводческой отрасли. По мнению части сельских жителей, разведение овец стало убыточным занятием. Для них показалось, что земледельческое хозяйство выгоднее и может оказаться более рентабельным, чем скотоводство. При этом многие люди, прежде активно занимавшиеся скотоводством, не учитывали особенностей местных природно-климатических условий, наличия огромных пастбищных ресурсов (пусть они и были деградированы к этому времени), последствий резкой переориентации и смены приоритетов.

Использование метода проб и ошибок сельским населением в массовом порядке породило серьезные экономические проблемы. Скот стал обесцениваться. Такая обстановка создала благоприятную почву для предприимчивых людей, которые умело воспользовались неадекватным отношением к скоту со стороны их владельцев. Они приобретали скот у сельского населения по очень низким ценам и перепродавали на рынке значительно дороже. В условиях острого дефицита наличных денег взрослые овцы, валухи, ярки стали использоваться в качестве единицы обмена и средства платежа. Иррациональные подходы в проведении различных праздничных мероприятий и юбилеев, ставшие следствием роста этнического самосознания, также оказали отрицательное воздействие на скотоводческий сектор. Во время пышных праздников и других мероприятий резалось много скота разных видов. По случаю юбилейных торжеств исторических личностей, широко известных и малоизвестных народных героев (*элдик баатыр*), партийных и государственных деятелей устанавливались десятки, а иногда сотни юрт, в каждом из которых варилось мясо зарезанного животного.

С 1990 г. до начала 2000-х годов в результате упадка скотоводческой отрасли многие специалисты, к числу которых относились как профессиональные животноводы, так и квалифицированные ветеринары, зоотехники, руководители ферм, остались не у дел. Многие опытные чабаны, табунщики вынуждены были адаптироваться к условиям жизни без больших стад, возле которых они находились постоянно. Некоторые ушли на пенсию.

Встречаются случаи, когда бывшие животноводы средних лет мигрировали в города, так же, как и молодые сельчане. Так, в частности, Самыйбек, проработавший в колхозе Карла Маркса Тонского района, переехал жить в Бишкек, где относительно быстро освоил некоторые виды строительных работ. Он признался, что удалось сравнительно легко решить жилищные проблемы, укрепиться материально и был счастлив жить в городе (ПЗА, Бишкек, 2010). Другие стали привыкать к постоянной оседлости на селе, несмотря на ностальгию по недавнему кочевому образу жизни.

В трудные кризисные годы после распада СССР некоторые люди активно занимались скотокрадством, сделав его своеобразной профессией. Воры настолько приловчились к этому «промыслу», что могли угонять скот стадами. Посягательство на чужое имущество и скот для некоторых людей стало выходом из сложной экономической ситуации, в каком они оказались. С 1992 по 1995 гг. в республике наблюдался резкий рост скотокрадства, статистика которой выглядит следующим образом: 1992 г. – 2736 фактов, 1993 г. – 3027, 1994 г. – 3182, 1995 г. – 4272 фактов кражи скота. Снижение темпов роста кражи скота начинается с 1998 г. в результате предпринимаемых мер нормативного и организационного характера со стороны органов внутренних дел республики. Таврирование крупных видов скота независимо от формы собственности по приказу губернатора, следует считать в качестве одного из положительного опыта Нарынской области в предотвращении кражи животных. [85, с. 20-22]. Обычно, хищения скота совершалось после тщательного изучения особенностей пастбищного участка где выпасают скот, возможные маршруты для угона, местонахождения пастухов, расположения кошар и загонов.

Кража скота наблюдалась и в других частях постсоветского пространства. В Казахстане, большинство краж совершали в осенне-зимнее время, когда имеется сравнительно большой спрос на мясо, что позволял быстро сбыть похищенное [288]. В Южной Сибири и Забайкалье этот вид уголовного преступления был широко распространен. В перечень территорий, подверженных нападением тувинских скотокрадов, входила не только Тува, но также соседние республики

– Хакасия, Алтай и Монголия [166, с. 149]. В 1990-е годы серьезные международные противоречия возникали между тувинскими и монгольскими скотоводами, обусловленные обоюдными кражами в приграничных территориях [184, с.209-212] Как видим, кража скота здесь нередко получали транснациональный характер.

К концу 1990-х годов, когда уже был нанесен колоссальный ущерб, большинство людей стали менять свое отношение к отрасли и больше обращать внимание на развитие скотоводства. обстоятельные глубинные беседы с информаторами, наши наблюдения непосредственно в высокогорных сельских районах Нарынской, Иссык-Кульской областей показывают, что к началу 2000-х годов увеличилось количество людей, занимавшихся скотоводством с большой охотой, а численность разных видов скота стала постепенно расти. Аналогичные процессы происходили и среди других народов, для которых скотоводство было ведущим направлением экономической деятельности. Так, возвращение к скотоводству как престижному, общественно одобряемому занятию и образу жизни с соответствующей системой жизнеобеспечения в постсоветский период наблюдалось среди алтайцев [273, с. 120]. Такое отношение в свою очередь положительно сказывалось на показателях произведенной животноводческой продукции, хотя это достигалось преодолением немалых сложностей.

Настоящим бичом в годы независимости стали, помимо кражи животных, нападения волков, создававшие серьезные проблемы для скотоводческой отрасли. В зимнее время волки стали спускаться до самых населенных пунктов. Мы не раз слышали такие факты, когда добычей хищников становились десятки голов скота одного хозяйства. Бейшен из долины Толок говорит об изменениях в поведении волков: «Теперь они стали более изощренными и хитрыми. Если человек пасет стадо, то нынче волки пасут человека и нападают на скот, когда последний не может составить реальную угрозу. Нередко они спускаются до деревни» (ПЗА, с.Толок, Кочкорский район, 2007). Примерно такие же мнения высказывали в других районах. Повсеместно скотоводы говорят об увеличении количества волков. Официальные власти установили премию за отстрел

хищника. Однако бывают случаи, когда такие охотники имели неприятные проблемы с органами милиции из-за отсутствия разрешительных документов на хранение и использование оружия. В конце 2010 года в средствах массовой информации сообщалось об интересном случае с задержанием волка без всякого оружия. Молодой пастух из Ат-Башинского района догнал на лошади волка, набросил на него свою шубу и схватил живого хищника. Скорее всего, появление волков в окрестностях сел в зимнее время связано с недостаточностью их кормовой базы в верхних поясах. В советское время в предгорьях, где имелись кошары и проводилась зимовка общественного скота, оставалось много отар. Эти пространства выступали защитной зоной, за пределы которых практически не спускались хищники.

Несмотря на указанные и другие имеющиеся проблемы, скотоводство переживает новый этап своего развития и ведется преимущественно в частных хозяйствах семей, кооперативах. Прилагаются усилия по улучшению качественного состава стад как по собственной инициативе владельцев, так и при содействии правительственных структур и неправительственных, международных организаций. С большим трудом, но идет постепенный процесс придания товарной направленности в скотоводческих хозяйствах, ведется работа по применению интенсивных методов разведения животных.

Таким образом, сохранение и развитие скотоводства в высокогорных регионах республики имеет как экономическое, так и социальное, культурное значение. Местное население хочет и может продолжать вековые традиции предков, что позволяет обеспечивать преемственность культуры кочевников. Перманентное сокращение поголовья скота сельского населения, происходившее в 1990-е годы, сменилось определенной стабилизацией отрасли, что сказалось на увеличении животноводческой продукции. Скотоводство как основа экономики жителей горных районов ведется силами многочисленных индивидуальных семейных, крестьянских и реже фермерских хозяйств, что говорит о его дисперсном характере. Как видим, после распада Советского Союза прослеживаются противоречивые тенденции с неоднозначными результатами.

Хорошее знание и навыки ведения традиционного хозяйства не гарантировали скотоводам легкого приспособления к новым вызовам постиндустриальной цивилизации.

3.1.2. Земледелие и огородничество

Обработка посевных площадей для получения продуктов земледелия всегда была одним из важных хозяйственных занятий кыргызов, несмотря на сравнительно меньшую развитость по отношению к скотоводческой отрасли. Земледелие давало кочевникам необходимые продукты растениеводства. Скотоводы обладали определенными хозяйственными навыками, знали тонкости в проложении ирригационных сооружений, вспашке участков и севе удобрений, поливе, уборке и обмолоте урожая и т. д. Продукты растительного происхождения составляли неотъемлемую составную часть рациона питания кыргызов, определенный дефицит которых восполняли в прошлом за счет обмена с оседло-земледельческими народами. Собственно, у кыргызов прогрессирующее развитие земледелия в XVII–XVIII вв. И. Петров расценивает как “начало глубинного широкого процесса, намечавшегося у киргизов в период окончательного расселения на определенной территории» [236, с. 86–87]. Тенденция роста в последующее время обрела необратимый характер, способствуя одновременно использованию элементов интенсивного ведения скотоводческого хозяйства.

О сравнительно широком развитии указанной отрасли сельского хозяйства говорят и разнообразные письменные источники, и материалы из Рукописного фонда НАН КР. Лекарь Зибберштейн, например, описывая распространение хлебопашества в Восточном Прииссыккулье, отмечал: “Во всю дорогу нашу я нигде не видывал такого изобилия в хлебе, как здесь: пшеница, ярица, овес, горох и другие произрастания имеют тут самое цветущее состояние” [111, с.241]. О том, что почти все “черные киргизы” занимались хлебопашеством и что оно

развито более, чем у киргизов Большой орды (т. е. у казахов), сообщалось и в одном из ранних русских источников [110, с. 140 – 153]. Ч. Валиханов писал: “Только земледелие составляет общенародное занятие. Каждый киргиз сеет хлеб и – относительно потребности номада в этом продукте – в большем количестве” [108]. Пшеница и просо выращивались и в долине Ат-Баши – на высоте 6 700 футов [94, с. 36].

Как видим, земледелие занимало свою нишу в структуре хозяйственной деятельности предков кыргызов. Они стремились придать в определенной степени комплексный характер своей экономике, получившей неуклонное развитие в последующие эпохи. В советское время сельскохозяйственные предприятия типа колхозов, совхозов, МЖС и других прилагали усилия по расширению посевных площадей. Были освоены для земледелия немало каменистых участков, строились ирригационные каналы, железобетонные лотки для орошаемой воды. Государство обеспечивало необходимой сельскохозяйственной техникой, удобрениями. В учебных заведениях готовились соответствующие кадры со среднеспециальным и высшим образованием.

Следует отметить, что в тех районах, где приоритетным направлением сельского хозяйства было скотоводство, земледелие выполняло, по сути, обслуживающую роль. Иначе говоря, ведущая отрасль оказывала непосредственное влияние на видовой состав культурных растений в хозяйствах, где выращивали зерновые культуры, многолетние, однолетние травы, такие как люцерна, эспарцет. В целях приготовления сочных кормов на зиму (сенаж, силос) сеяли кукурузу, горох. Почти весь выращенный ячмень шел на укрепление кормовой базы, поскольку он в дробленном виде наряду с другими видами фуража играл важную роль в зимовке скота. В хозяйствах собирали также солому пшеницы, ячмень, которые были хорошим подспорьем в продолжительный холодный период года. Колхозы и совхозы придавали исключительное значение заготовке кормов для общественного скота на зиму. На косовицу, сбор сена привлекались рабочие близких городов, поселков,

ученики средних школ, учащиеся профессионально-технических училищ. Ход этой важной сельскохозяйственной кампании широко освещался на страницах периодической печати, контролировался районными, областными органами Коммунистической партии.

Для развития данной отрасли прокладывались дороги, строились каналы и другие ирригационные сооружения, осваивались целинные площади, внедрялись новые достижения агротехники. Должное внимание уделялось вопросам обеспечения грузовыми автомобилями, тракторами, комбайнами, другими видами сельхозтехники, подготовки кадров и повышения социального статуса полеводов, механизаторов путем морального и материального стимулирования.

В то же время личные подворья в горных районах республики не проявляли усилий для развития земледелия, так как, во-первых, не ощущали особую необходимость в этом, когда продукты растительного происхождения можно было покупать в магазинах. К тому же обычно колхозы и совхозы привозили для своих работников и их семей муку, картошку, капусту, морковь и т. д. Здесь сказывалась доминирующая роль скотоводческого направления, остававшегося важным материальным источником, несмотря на то, что государство устанавливало лимиты на количество скота для содержания в личных подсобных хозяйствах семей. Во-вторых, в советское время, кроме своих огородов, сельчане не имели поливные обрабатываемые земельные наделы, что никак не стимулировало их на выращивание сельскохозяйственных культур. Недостаточное развитие земледелия в горных районах объясняется в числе прочих фактором обеспечения населения привозными зерновыми, овощными продуктами, в какой-то степени развивавшим у людей иждивенческое поведение. Такую психологию некоторые наши информаторы называют известным среди широкого круга населения выражением: *«Алма, быш, оозума туш»* («Яблоко, поспеи и упади мне в рот»).

Определенным индикатором недостаточной развитости культуры земледелия в районах, где скотоводческий сектор был доминирующим в

экономике, было и состояние огородно-садовых участков сельчан. Удельный вес семей, эффективно обрабатывающих свои огороды, был низким. На редких приусадебных участках выращивались овощные культуры. Относительно распространенным видом корнеплодов был картофель. В большинстве случаев сельские жители использовали огородные участки для заготовки корма для личного скота. Кроме люцерны и эспарцета, они засевали ячмень, горох. Следует отметить, что у многих семей огороды оставались необработанными, неухоженными, где часто можно было видеть сорные растения. В первую очередь к их числу относились чабаны, табунщики и другие категории людей, постоянно не проживающие в деревне, которые не вели оседлый образ жизни в течение года. А в некоторых случаях, как показывают результаты исследований, часть семей, занятых выпасом и содержанием общественного стада, получали земли для строительства дома и огородные участки намного позже. Так, например, некоторые скотоводы племенного завода «Соң-Көл», являющиеся выходцами из долины Толок, стали оформлять такие участки и строить индивидуальные стационарные дома лишь в начале 1990-х годов. До этого они пользовались казенными жилищами барачного типа без приусадебных участков, где сами бывали редко.

Наш информатор Темирбек Мырзакматов из села Көк-Жар Кочкорского района провел сравнение советской эпохи с постсоветским временем. По его рассказу, в советское время на посевных участках работало малое количество людей, в число которых входили полеводы-ирригаторы, механизаторы. «Тогда мы могли удовлетвориться двумя мешками картофеля. Сейчас же можно видеть активную деятельность людей по культивированию разных видов овощей и фруктов. Потребление же картошки сильно выросло, и люди намного расширили размеры посевных площадей для его выращивания».

Дальше он рассказал о собственном опыте: *«В 1990 году желающим колхозникам дали поливные участки размером 0,1 га. Я одним из первых решил взять в аренду такой участок. По договору я должен был сдать племхозу 1 тонну картошки. Вначале мне показалось очень трудным поливать, окучевать*

такую территорию. Оказывается, мы привыкли обрабатывать свои огороды, чем и ограничивались. Осенью собрал хороший урожай и получил солидную прибыль. В 1991 году по собственному желанию уволился с должности заведующего мастерским из-за хронической нехватки денег. Прибыль с одного гектара составила 20 тыс. рублей. В те годы сумма моей годичной заработной платы в племхозе была равна всего 5 тыс. рублей. Односельчане неодобрительно смотрели на мою инициативу, говорили “Ой бул жанын жейт го!” (“Он же не дает себе покоя!”). Сейчас же я вижу, как многие люди сами с большим усердием и охотой стали обрабатывать 3–4 гектара земли”. Нет сомнения, что Т. Мырзакматова следует отнести в категорию активных, смелых людей, не боящихся трудностей, так как он своим примером продемонстрировал односельчанам, что при желании и усердии многого можно добиться (ПЗА, с. Көк-Жар Кочкорского района, 19.01. 2006 г.).

С момента распада Советского Союза в земледельческой отрасли произошли глубокие изменения. Сельское население получило свои наделы в ходе приватизации, с которыми отныне имели право сами распоряжаться. Так, например, во время роспуска колхоза «Тилектеш» Ак-Талинского района на каждого члена семьи выделили по 0,60 га земли [44]. Респондент, проживающий в нижней части ущелья, где расположен средневековый архитектурный памятник Таш-Рабат (Ат-Башинский район), говорила нам о том, что при распределении паев ее семье досталось по 0,64 га на душу (всего получили 8 членов семьи), что составило всего 5,12 га [44]. Получив свои доли, сельчане пытались обрабатывать в силу возможностей и способностей. При этом нужно учитывать степень благоприятности для выращивания отдельных культур в разных районах области. Так, к примеру, треть территории Ат-Башинского района из-за климатических условий является рискованной для зерновых культур. К ней следует отнести северо-восточную часть, где расположены такие населенные пункты, как Ак-Муз, Ак-Моюн, Өзгөрүш, Первое Мая, Талды-Суу. В 1999 – 2000 гг. в с. Өзгөрүш выращиванием ячменя занимались лишь 6 – 7 семей. Люди при принятии решения учитывают фактор раннего наступления

зимы (на 1 месяц) и позднего прихода весны (тоже на 1 месяц). В постсоветское время местное население стало отводить поливные площади под выращивание картофеля и других видов овощных культур, в основном корнеплодов (чеснок, морковь), хотя удельный вес их остается минимальным. Часть скотоводов предпочитают сеять многолетние или однолетние травы (люцерна, эспарцет), что важно для обеспечения дополнительным кормом скота.

Несколько иная картина наблюдается в западной части территории района, где сосредоточены села Казыбек, Кызыл-Туу, Кара-Булуң, Кара-Суу и др. Микроклимат этого пространства, получившего название Кара-Коюн, отличается сравнительно лучшими условиями для вызревания таких зерновых культур, как пшеница и ячмень, хотя в отдельные годы погода преподносит неожиданные «сюрпризы», что негативно сказывается на земледелии.

В структуре посевов важное место с 1990-х и до середины 2000-х годов почти повсеместно занимало зерноводство. Кроме того, как и по всей территории, пригодной для обработки, выращиваются овощи (в основном корнеплоды). Люди стали отводить небольшие участки под морковь, чеснок, капусту и другие овощные культуры.

Наши ежегодные наблюдения с 1998 года показывают, что немало поливных площадей Ат-Башинского района оставались необработанными. Часть приватизированных земельных наделов индивидуальные хозяйства используют под сено. В 2000 году владельцы таких участков продавали 1 га травы на укос по 1000 сомов, так как в тот период эспарцет могли засеять главным образом отдельные богатые хозяйства. Позднее этим стали заниматься многие.

Недостаточное использование посевных площадей связано с рядом факторов, главными из которых следует считать: 1) вплоть до распада коллективных хозяйств ведущим видом занятий оставалось скотоводство, а земледелие ограничивалось лишь частичным обслуживанием этой отрасли; 2) с распадом колхозов и совхозов и переходом на рыночные отношения многие люди только начали активно заниматься полеводством; 3) отсутствие или недостаточность финансовых, материальных средств для возделывания

земельных наделов; 4) неприоритетность земледелия для отдельных хозяйств; 5) зависимость от неблагоприятных погодных условий; 6) недостаточная обеспеченность поливной водой.

Тем не менее земледелие стало для высокогорных районов одним из значимых видов экономической деятельности. Произведенные продукты направлены главным образом на внутреннее потребление, что говорит о преобладании натурального характера производства. Однако есть немало примеров, где овощи (картофель, чеснок, морковь и др.) выращивают для продажи на рынках. Такая практика в хозяйственной жизни местного населения свидетельствует об их стремлении пополнять бюджет и за счет земледелия, и огородничества.

Климатические условия Ак-Талинского района позитивно сказываются на выращивании зерновых культур. По мнению ряда наших информаторов, основные проблемы – недостаточность воды для полива и несоблюдение агротехнических требований. Несмотря на эти и некоторые другие проблемы, местное население стало активно проявлять себя в земледельческом секторе. Фермерское хозяйство З. Мусаева из села Тоголок Молдо Ак-Талинского района в 2000-е годы стабильно сеяло зерновые на 15,5 га, культурные травы – на 10 га, картофеля – примерно на 1 га земли (ПЗА, инф. З. Мусаев, Ак-Талинский район, 2004 г.). В сельском округе «Терек» Ак-Талинского района в 1999 г. одноименным кооперативом было посеяно 70 га пшеницы, 40 га ячменя, 60 га люцерны, 44 га картофеля, 4 га овощных культур. За оказание различных услуг в полеводстве были установлены следующие тарифы: вспашка, сев, боронование за 1 га – 270 сомов, уборку сена с 1 га – 400 сомов, укос травы за 1 га – 118 сомов (ПЗА, с. Терек, Ак-Талинского района, 2004 г.). Следует отметить высокое качество пшеницы, культивируемой в этом районе, которую в 1990-е, 2000-е годы нарасхват приобретали перекупщики и предприниматели из Джалал-Абадской и Ошской областей, иной раз прямо с поля. На большегрузных автомобилях они имеют возможность проезжать с коммерческой целью в

течение двух – трех месяцев, когда автомобильная дорога через перевал на Ферганском хребте открыта для сообщения.

Успехи в земледелии владельцы приватизированных участков связывают с обеспеченностью водой и своевременным поливом посевных площадей. В Тоголок Молдо полив сельскохозяйственных культур проводится начиная с апреля по ноябрь. За сезон осуществляют такие виды поливов, как *кара сугат* (зерновые) – полив одного гектара стоил в 2003 году 24 сома, *жер сугат* (многолетние травы) – 24 сома, огород обычно поливают 4 – 5 раз по 4 часа – 5 сомов. Имеется также вид полива – *дан сугат*. В ноябре, когда еще течет река Куртка, земледельцы орошают 400 – 500 гектаров земли для того, чтобы почва впитала влагу перед тем, как земля замерзнет. Такой вид полива называется *тоңдурма*. В местном самоуправлении функционирует ассоциация водопользователей «Көлмө», зарегистрированная при поддержке государства для реконструкции ирригационных сооружений, в том числе за счет привлечения средств Мирового банка, Азиатского банка развития, а также для решения вопроса распределения воды для полива. Директора ассоциации называют в народе по традиции *мурап*. Он имеет двух помощников, для обозначения которых используют термин *көк башы*. В указанном году в сельской управе орошались 127 гектаров огорода, 1 649 гектаров поливных земель, а фактическая площадь земли составила 3 200 гектаров. Большой проблемой для населения в течение десятков лет была недостаточная обеспеченность орошаемой водой из-за плохого состояния ирригационного сооружения и труднодоступного рельефа местности (ПЗА, информация представителей ассоциации водопользователей “Көлмө”, 17. 06. 2003 г.).

Интересные процессы, связанные с приобретением навыков земледельческого дела, происходили в долине Толок Кочкорского района. Нижняя точка, где расположено одноименное село, находится на уровне 2 015 м. Испокон веков люди в этой небольшой горной долине занимались пастбищным скотоводством. Если не считать единичные примеры, которые не носили устойчивого характера, местное население стало обрабатывать свои огороды

лишь с середины 1990-х годов. Сейчас в огородах высаживают картофель, чеснок, морковь. А на поливных участках, большая часть которых расположены в пойме реки Толок, люди выращивают главным образом ячмень для фуража. А. Бекболотов, бывший глава сельской управы, поведал нам в 2006 г. по этому поводу следующее: *«В советское время в Толоке выращивали ячмень с горохом для корма. В молодости слышал, что здесь созревает ячмень, однако до сих пор лично не убедился. Часто доходит до молочно-спелой зрелости. Возможно, мы занимаемся севом поздно, упуская время. Думаю, что на низко расположенных участках зерно созревает хорошо. В целом здесь люди не утруждали себя занятием земледелием и даже плохо знали его тонкости. Привозили по 2–3 мешка картошки из села Көк-Жар, которое являлось центром совхоза. Сейчас сами хорошо освоили способы выращивания картофеля. Все больше людей сажают в огородах чеснок, морковь. Я первым начал выращивать морковь. Это был 1990 год. Односельчане вот уже три года стали этим заниматься»*. По сообщению этого респондента, в 2000-е годы в Толоке возделывались около половины поливных и богарных участков. Местное сообщество в 2006 г. получило возможность расширить посевные площади путем решения проблемы с орошаемой водой. Их предложение по капитальному ремонту русла реки протяженностью 2 км было одобрено АРИС (ПЗА, инф. А. Бекболотов, 1955 г.р. с. Толок Кочкорского района, 25.03.2006 г.).

Некоторые старожилы говорили, что в 1940–1950-е годы ячмень, выращенный на полях этой горной долины, использовали в пищу. Вероятно, в трудные военные и послевоенные годы население вполне было удовлетворено и недозревшим зерном. Информатор Сагын Назарова вспоминает: *“Неплохо вызревал здесь ячмень. Поскольку он созревал до полной спелости, отдельные люди перерабатывали в толокно. Однажды мы взяли у человека по имени Кеңеш по мешку ячменя для приготовления толокна. Возможно, проблема связана с некачественным семенем. В советское время ячмень выращивали для скота фермы, смешивая с горохом”* (ПЗА, с. Толок Кочкорского района, 09.10.2007 г.).

Часть жителей села Толок уже продали свои наделы, полученные при распределении земель с территории Көк-Жара. Отметим, что общая площадь, полученная ими при приватизации, составила 124 га. Отдаленность расстояния и ограниченные материально-технические и финансовые возможности стали серьезным препятствием. Встречались случаи, когда посевные площади, принадлежащие толокцам, обрабатывали жители села Кок-Жар на определенных условиях вознаграждения (ПЗА, 08.10.2007 г.). На наш взгляд, жители из села Толок вполне могли бы использовать выделенные наделы с большей пользой. Для этого целесообразно было бы объединиться в группы людей, чтобы легче решать все вопросы, связанные с приобретением горюче-смазочных материалов, пахотой, поливом, уборкой урожая, перевозкой, на основе четкой организации труда с распределением обязанностей. Тем не менее исследования показали, что среди жителей долины Толок происходит динамичный процесс активного их приобщения к огородничеству и земледелию.

В Кочкорском районе насчитываются десятки семей, для которых выращивание отдельных видов растительных культур стало иметь не меньшее экономическое значение, чем скотоводство. Так, в частности, в селе Кум-Дөбө выращивание картофеля не только для собственного потребления, но и на продажу стало привлекательным занятием для многих семей. Вырученные средства многие местные жители направляли на покупку автомобиля, строительство дома и совершали другие крупные расходы для своих нужд.

В годы независимости сельские люди стали ещё лучше осваивать тонкости земледелия и садоводства, понимать их экономическое значение для своих семей. Многие стали активизировать производственную деятельность на своих обрабатываемых наделах. Здесь важную роль играли инициативные, предприимчивые люди, усилиями которых отрасль поднимается на новый уровень развития в условиях существования разных форм собственности. Ныне можно видеть, как богаче и разнообразнее стали виды убранных с земельных участков сельскохозяйственных культур. Тем не менее большинство жителей

высокогорных районов в структуре посева отдают предпочтение культурным травам, учитывая необходимость заготовки корма для скота.

Среди сельских жителей встречаются люди, критически оценивающие технику ведения земледельческого хозяйства новыми владельцами приватизированных наделов. По их мнению, выращивание разных культурных растений на небольших участках негативно влияет на севооборот, ухудшает качество почвы и снижает плодородность поливных земель. К минусам выделения земельных наделов в частную собственность считают небрежное отношение к земле со стороны некоторых владельцев. Не все соблюдают основные требования агротехнических работ. Наши информаторы Шаршенбек Мокеев, Медер, Темирбек Мырзакматов в этой связи сказали: “В советское время всего два полевода могли полить три–четыре гектара земли. Сейчас же мы не можем нормально полить даже один гектар в связи с тем, что каждый владелец прокладывает арыки так, как ему хочется, не считаясь с соседями. Несоблюдение агротехнических приемов приводит не только к потере урожая, но и эрозии почвы. Оказывается, не все одинаково относятся к приватизированным участкам. Например, один из собственников, имеющий свой надел повыше, не удаляет сорные травы, семена которых с водой приносит на другие участки. Не все правильно поливают. Некоторые из-за использования поливной воды сверх нормы превращают участок соседей в болото. В советское время ни капли поливной воды не расходовалось зря. Все бережно относились к воде и земле” (ПЗА, 19.01. 2006 г.).

Обращая внимание на использование сельскохозяйственных машин, транспорта и ведение земледельческих работ, видим определенный откат назад к традиционным доиндустриальным способам обработки, уборки и доставки урожая, что было характерно особенно для первых 12–15 лет суверенитета. Нередко отдельные крестьянские хозяйства стали вспахивать поливные участки плугом с помощью тягловой силы, а собранный урожай перевозить на гужевом транспорте. Встречались случаи перевозки зерна, картофеля вьюком. Сельскохозяйственному инвентарю, приспособленному для коня, придавали

значение и в масштабе государства. Так, в 1996 г. через объединение «Дыйкан-Ордо» раздали 130 наименований инвентаря членам крестьянских хозяйств, имеющим свидетельства. Глава такого типа хозяйства «Шарип» из села «8 марта» Ш. Арпачиев, выступая на этом мероприятии, выразил признательность высшему руководству страны за заботу. Далее он сказал, что полученный им конный инвентарь является бесценным богатством, так как мы не будем покупать дорогостоящие горюче-смазочные материалы, прибегать к услугам трактористов, за что надо платить тоже немало. Выращенные травы, картошку, зерно уберем и доставим сами. Здесь имеется все, начиная с хомута (*каамыт*) и вожжей (*божу*). Скоро нам обещают косилку, плуг, грабли [54]. Возврат к использованию традиционных методов ведения земледелия был распространен повсеместно. Такая практика продолжалась до начала 2000-х годов. Кроме того, в сельских управах функционировал небольшой парк сельхозтехники, получивший название техсервис, основной задачей которого было оказание услуг населению в проведении весенних, осенних сельскохозяйственных работ. Поскольку эта часть сельхозтехники еще не была приватизирована, руководитель техсервиса был в подчинении местного самоуправления. Физически устаревшие тракторы, комбайны, принадлежащие как техсервисам, так и отдельным частным механизаторам, часто ломались, требовали ремонта. Их не хватало, а люди стояли в очередях, чтобы вспахать участки или собрать урожай зерновых. В соседнем Казахстане, Сибири частным хозяйствам удавалось пользоваться техникой еще не полностью разрушенных колхозов.

Постепенно в деревнях стало увеличиваться количество сельхозтехники благодаря усилиям частников, которые покупали часто использованную сельхозтехнику. Затем стали появляться новые, приобретенные сразу или на условиях лизинга. В результате заметно улучшилось качество оказываемых услуг земледельцам. Однако проблемы, связанные с низким уровнем обеспеченности пахотными землями на душу населения (всего 12,3% земель страны являются пахотными), деградация таких наделов отрицательно сказываются на урожайности, о чем говорится в публикации группы Всемирного

банка. “Сельское хозяйство в значительной степени опирается на ирригационную систему, унаследованную с советского периода, а внедрение передовых методов отстает” [40, с. 56].

Подводя итоги, следует отметить, что земледелие для населения высокогорных районов в постсоветское время стало играть еще большую роль по сравнению с прошлым. Если в советскую эпоху в полеводстве были заняты колхозники, работники совхозов под руководством бригадиров и агрономов, ныне почти каждая сельская семья стала заниматься обработкой своих приватизированных наделов. В худшем случае поливные участки дают в аренду. Такие земельные наделы к сегодняшнему дню превратились в важный источник дохода сельского населения.

Трудно представить сегодняшнее скотоводство с сочетанием традиционных и интенсивных методов без земледелия. Скотоводы прекрасно понимают значимость поливных, богарных участков в расширении кормовой базы животноводства. В годы независимости многие люди, в том числе бывшие пастухи общественных стад, сумели освоить тонкости земледельческого дела в рамках частных, кооперативных хозяйств. В 1990-х годах сельчане вынуждены были возвратиться к уже уходящему в историческое прошлое опыту предков в проведении весенне-полевых работ с использованием тягловой силы и рабочего скота. Получившие земельные наделы сельчане не всегда имели достаточные средства, чтобы оплачивать механизированные услуги. Тем более что тракторы, комбайны, автомобили также были приватизированы, многие из которых требовали ремонта. Однако в нынешнее время, несмотря на имеющиеся проблемы с техникой, удобрениями, недостаточностью агротехнических знаний, земледелие и огородничество переживают очередной этап в своем развитии.

3.1.3. Охота

Предки кыргызов во все времена, начиная из глубины веков, занимались охотой, которая стала частью их хозяйственной деятельности, несмотря на то что

порой она имела развлекательный, спортивный характер. Этот вид традиционной деятельности занимал свою достойную нишу в структуре хозяйства населения, ведущего кочевой образ жизни. Археологические, письменные, этнографические и другие виды источников дают основание считать, что охота являлась одним из важных занятий кыргызов с древности и в Средневековье [68; 71; 195; 167; 253; 254; 255; 289; 350].

Важным фактором, обуславливающим роль охоты в структуре экономики народа в прошлом, следует считать наличие множества разновидностей диких животных и птиц. Богатство животного мира Кыргызстана в контексте с указанным видом хозяйства отмечали русские авторы в конце XIX в. [174, с. 42 – 43; 150, с. 10 – 11].

О том, что охота являлась важным видом экономической деятельности, говорит удельный вес дичи и птиц в пище кыргызов в разные периоды годового цикла. Об этом же свидетельствует наличие людей, специализировавшихся на охоте и уделявших много времени на подготовку охотничьих принадлежностей, уходивших в степи и горы для преследования и добычи дичи.

Настоящими охотниками в полном смысле слова главным образом выступали выходцы из семей рядовых кочевников. Они, занимаясь своим делом на регулярной основе, накапливали необходимые навыки, тогда как представители высших слоев общества рассматривали её больше как развлечение. Для простых людей охота была хозяйственным занятием для обеспечения семьи пищей. В этом плане заслуживает внимания автобиографичный рассказ известного акына-импровизатора Калыка Акиева, отец которого в трудные годы начала XX века кормил свою семью главным образом за счет охоты. Представители же верхушки общества занимались охотой намного реже, для организации досуга, отдыха. Причем принимали участие в составе групп, коллектива.

В советское время охотились с использованием ружей, капканов и других средств, а также таких необходимых приемов, как преследование, выжидание и т. д. Пушнина сдавалась государству, представителем которого являлось в этой

сфере «Заготживсырьё» [231]. Заядлые охотники, которые преимущественно были выходцами из семей скотоводов, часто уходили в горы, где отстреливали парнокопытных диких животных, горных индеек (*улар*), мясо которых кыргызы ценили и причисляли к деликатесам.

К началу 1990-х годов в условиях социально-экономического кризиса небольшая часть сельского населения продолжала заниматься охотой как одним из видов экономической деятельности. В 1992 году мы видели, как в селе Кара-Булун Ат-Башинского района местный кузнец изготавливал на заказ капканы для ловли сурков. В это время шкуры этого животного ещё ценились, из них шили головные уборы – *тумак*. Следует отметить, в это дело были вовлечены как кочующие по сезонным пастбищам скотоводы, так и некоторые жители села, работающие в других сферах. Как рассказывали информаторы, заказчики преследовали цель продавать пушнину на рынках, где имелся определенный спрос (ПЗА, с. Кара-Булун Ат-Башинского района, 25.08.1992 г.).

По рассказам местных жителей долины Толок, в 2005–2009 годы заметно уменьшилась популяция сурков на территориях пастбищ, в пределах которых они кочуют. Охотники отстреливали их, ставили капканы, силки (*тузак*) (ПЗА, Кочкорский район, 2006 г.). Если в прошлом люди ограничивались получением шкуры, то позднее некоторые стали употреблять его мясо. А жир сурка считался целебным средством, которое широко использовали в народной медицине. Один из молодых информаторов сообщил о применении жира указанного животного для приготовления традиционной жареной выпечки (*боорсок*) отдельными семьями. При этом они не всегда учитывали, что мясо и жир сурка могут стать и причиной болезни людей. Вероятно, об этом многие стали задумываться особенно после того, как в восточной части Иссык-Кульской долины был отмечен факт заболевания людей, где именно сурки стали носителями и переносчиками болезней.

Любители рассматриваемого вида присваивающего хозяйства после развала колхозов и совхозов продолжали заниматься отстрелом и ловлей дичи, съедобных птиц. Встречалось немало случаев, когда местные жители уходили

на несколько дней, сопровождая азартных охотников-земляков, проживающих в городах. Так, в частности, один известный общественный деятель приезжал на отпуск в родное село и уходил в горы за парнокопытной дичью (*кийик*) на несколько дней в район горы Кында Ат-Башинского района. С ним находились двое – трое местных, физически крепких, опытных парней, хорошо знающих местность, повадки животных (ПЗА, пастбище Беш-Белчир Ат-Башинского района, 17.07.1999 г.).

С середины 90-х годов XX века в течение нескольких лет небольшая часть сельских жителей увлекалась охотой на отдельные виды ловчих птиц. Их покупали представители стран из Ближнего Востока, которые контрабандным путем вывозили их в свои страны. За проданную птицу они платили, по оценкам местных, хорошие деньги. Поэтому ловлей таких птиц стали заниматься люди, не имеющие представления о технике охоты, но были мотивированы денежными вознаграждениями в случае успеха. Очевидно, в контрабандном вывозе птиц, в том числе занесенных в Красную книгу редких и исчезающих видов животных, было замешано немало людей и организаций, с которыми в обязательном порядке сталкивались потенциальные покупатели. Несмотря на то что их задерживают, возбуждают уголовные, дисциплинарные дела по факту попытки вывоза редких ловчих птиц, охота для указанной цели продолжалась ещё несколько лет.

Охота на волчат (*бөлтүрүк*), которых преподносят ценителям в качестве подарка, вызывает неоднозначную реакцию со стороны общественности. Подобные факты, несмотря на задержания, отмечены нами в долине Толк Нарынской области, когда в обмен на дарение люди получали вознаграждения в виде наличных денег или скота. В данном случае, как и в случае с ловчими птицами, охотники преследовали цели для получения экономической выгоды и в значительно меньшей степени у них было стремление поддерживать и расширять социальные связи.

В настоящее время некоторые скотоводы небольшими временными коллективами стали охотиться за волками, популяция которых увеличилась в

годы суверенитета. За отстреленные головы волков государство платит от 2 000 до 6 000 сомов в качестве приза. Однако охота на волков скотоводами в первую очередь направлена на минимизацию угрозы со стороны этого хищного животного для разводимого скота. Известны отдельные случаи, когда людям приходилось бороться с ними почти голыми руками, что опасно для жизни. Поэтому данная категория охотников не столько заинтересована в деньгах, хотя и они немаловажны для них, сколько путем отстрела волков они вынуждены защищать свои стада. Встречаются редкие примеры обработки шкуры волка для последующего использования. Информационный портал «Турмуш» поместил заметку “Карышкырдын терисинен тигилген А. Касымовдун 80 миң сомдук тон, ичиктерин кимдер алышат?” об уроженце Ат-Башинского района, который живет с 1996 г. в Чуйской области. Он шьет для людей верхнюю теплую одежду из волчьей шкуры – *карышкыр ичик* – и продает по 70 тыс. сомов. Для изготовления этой одежды требуется 6–7 волчьих шкур. Необходимое сырье он покупает у охотников всех областей республики [59]. Местные жители с. Кара-Булуң рассказывали, что некоторые охотники продают отдельные кости, зубы, шкуры волков, на которых есть спрос. Однако такие факты являются единичными и не имеют повсеместного характера, что, конечно же, зависит от спроса, который тоже не растет. В постсоветское время охотники занимаются также сопровождением иностранцев, получивших лицензию на отстрел трофейных животных, как, например, горный баран Марко Поло.

Описанная выше охотничья деятельность, связанная с ловлей сурков, ловчих птиц, носила временный характер и имела мало общего с подлинной охотой, где люди, вовлеченные в этот вид занятия, не только могут радоваться успехам, но и терпеть определенные лишения. В настоящее время в горных населенных пунктах имеются по несколько человек, продолжающих увлекаться охотой. При этом следует отметить, что этот вид деятельности привлекает главным образом истинных любителей и носит нерегулярный характер. Люди занимаются им в свободное от других более важных в экономическом плане занятий. Нам представляется, что ныне охотой занимаются не в связи с

недостатком пищи или ценной пушнины, все это сельчане имеют в своих подворьях или могут купить на базарах либо в магазинах. Если в одних случаях ходят на охоту для развлечения и добычи дичи, что может разнообразить пищевой рацион (*аркар, кулжа*), то в других случаях – вынужденно, в целях сохранения целостности стада (*волки, шакалы*). Уменьшение экономической значимости охоты характерно и для современных тувинцев [213].

В заключение отметим, что охота как традиционный вид хозяйственных занятий не имеет ныне ключевое экономическое значение для семей. Этим промыслом занимаются главным образом большие любители, которым процесс преследования и отстрел дичи доставляет внутреннее удовлетворение. Охота для некоторых является активным видом отдыха. Реже стали использовать различные силки, капканы в пассивной охоте, что объясняется как утерей навыков, так и материальной незаинтересованностью. Охота на хищных животных проводится обычно вынужденно, в целях обеспечения сохранности поголовья скота на отгонных пастбищах.

3.1.4. Торговля и обмен

В 1990-е годы как сельское население в целом, так и бывшие животноводы колхозов, совхозов пытались найти свою экономическую нишу для обеспечения жизнедеятельности семей. Немалой части людей пришлось заниматься непривычными, новыми для них занятиями. В мелкой торговле многие видели спасательный круг в условиях системного кризиса после распада бывшего Советского Союза. При этом в традиционном представлении кыргызов горных районов, где доминирующим видом хозяйственной деятельности было скотоводство, занятие торговлей имело негативный оттенок. Даже в годы перестройки, когда определенное распространение получили такие понятия, как “аренда”, “хозяйственный расчет”, в массовом сознании осуждались предприимчивые люди, занимающиеся торговлей. Однако занятие торговлей получило повсеместное распространение, и даже среди членов семей

некоторых скотоводов. На начальном этапе освоения нового вида экономической деятельности коммерсанты стали продавать свои товары на обочинах дорог и тротуаров, используя в качестве примитивных витрин столы или самодельные разборные лавки. При этом они должны были обеспечивать себя запасом необходимых товаров, за покупкой которых по оптовым ценам ездили в города, включая Бишкек, где можно было приобрести дешевле. На следующей стадии развития были налажены поставки нужных товаров, в результате чего появился выбор: либо коммерсант едет за товаром сам, или покупает привезенный. Отдельные предприимчивые люди стали приспосабливаться к мелкой торговле, в процессе которого мигрировали в урбанизированные населенные пункты, совершив «бегство в города». Среди людей, занятых в «челночной торговле», которые обеспечивали потребность людей в недостающих товарах, когда многие заводы и фабрики остановились, было немало активных сельских жителей. Для других же торговый бизнес оказался непосильным, в результате чего они вынуждены были вернуться к привычным или менее рискованным видам деятельности. Сейчас в сельских населенных пунктах высокогорных районов имеются маленькие киоски и большие магазины, которые появились в результате приватизации и неустанного труда людей, занятых в сфере торговли.

В годы гиперинфляции и огромного дефицита наличных денег (сначала рубля, затем национальной валюты – сома) средством платежа и единицей торгового обмена служила в основном овца, на которую обменивали продукты питания, товары повседневного спроса, одежду, кроме того, она служила платежным средством за выполненную работу. При расчете за такие дорогие товары, как юрта, ценовой единицей служили крупные виды скота (лошадь, корова).

В населенных пунктах высокогорных районов республики имеется категория коммерсантов, занимающихся заготовкой шерсти, шкуры, пуха. Приобретенные у местного населения указанные виды скотоводческого сырья в основном экспортировались в соседний Китай через предпринимателей этой

страны, имеющих коммерческие связи с заготовителями на местах. В последние 5 – 6 лет в связи с развитием производства предметов декоративно-прикладного искусства, функционированием предприятий по выпуску одежды, обуви наблюдается определенный спрос и на внутреннем рынке.

Коммерциализация переработанных молочных продуктов – еще одно направление в торговой деятельности семей, занятых в скотоводстве. По рассказам некоторых информаторов, сушеный соленый сыр круглой формы – *курут*, который продают в магазинах, на базарах, приносит ощутимую финансовую прибыль в семейный бюджет. Все больше скотоводов стали откармливать животных для продажи на рынках, сдавать молоко для переработки на маслозаводы.

Перекупщики скота относятся к категории людей, инициативных и обладающих способностью успешно реализовывать товар. Некоторые из них начали вовлекаться в такую деятельность уже в последние годы перестройки и достаточно четко раскрыли свой потенциал уже после разгосударствления и приватизации, проведенных в том числе в аграрном секторе в рамках государственной политики, направленной на переход на рыночные отношения. Перекупщики старались заработать деньги за счет торговой сделки, где они покупали скот ниже рыночной стоимости, а продавали непосредственно на рынках с накрутками. В целях извлечения прибыли от посреднической деятельности они должны регулярно следить за колебаниями цен на рынках, изучать спрос на разные виды скота.

Перекупщиков следует рассматривать как посредническое звено между производителем животноводческой продукции и покупателем. Несмотря на критику части населения и призывы государственных структур их ликвидировать, перекупщики оказались, на мой взгляд, в нужное время в нужном месте. Их деятельность можно оправдать хотя бы тем, что сами скотоводы уже пробовали сбывать скот на рынках. Получалось это у них не совсем хорошо, к тому же тратили много времени и усилий, от которых не получали удовлетворения. Оказалось, проще продавать перекупщикам по

устраивающей обе стороны цене, не выходя со своего двора или стойбища на сезонных пастбищах. В 2009–2010-х и в 2014-м годах в ходе полевых этнографических исследований у нас сложилось четкое представление, что многие скотоводы с охотой идут на сделки с перекупщиками. Последние же на регулярной основе отслеживают наличие упитанных лошадей, крупного рогатого скота, баранов у местного населения, среди которых и сами проживают. Как правило, они очень предприимчивы, имеют грузовые и легковые автомобили, хорошо налаженные связи, быстро выезжают на место, где можно приобрести живность, оперативно работают посредством мобильных телефонов.

На скотных рынках можно видеть перекупщиков, отличающихся от описанного выше типа. Речь идет о категории людей, способных не только торговать скотом, но и скупать животных непосредственно на рынках для последующей продажи здесь же и в этот же день с наценкой. Таких активных людей, заложивших основы нового вида экономической деятельности в условиях рыночных отношений, можно встретить на всех крупных скотных рынках страны. Они вполне заслуженно занимают свое место в трудовой сфере. На Ат-Башинском скотном рынке, где автор впервые побывал летом 2000 г., можно было купить сено, фураж из зерновых культур. Здесь же коммерсанты принимали шерсть, кожу. Со стабилизацией скотоводческой отрасли рынок намного расширился и оживился, там совершалось множество актов купли-продажи, а значение скотных рынков существенно повысилось. Многие предприимчивые богатые люди вкладывали материальные и финансовые средства на строительство таких объектов, так как почуяли прибыльность проекта. Кочкорский, Ат Башинский и другие скотные рынки области стали занимать важное место в социально-экономической, культурной жизни населения. Деятельность указанных рынков, кроме всего прочего, можно было бы рассматривать как своеобразный индикатор по определению состояния скотоводства, пастбищ, уровня жизни сельчан. Интересно наблюдать за социальными отношениями между отдельными индивидами, так же как и

группами людей, совершающих торговые сделки или просто изучающих спрос и предложение на рынке.

На подобных рынках можно приобрести и жилища переносного типа (юрта, палатки), такой необходимый скотоводческий инвентарь, как конские снаряжения (*ат жабдыктары*), веревки (*жип-шуу*), подковы для лошадей (*ат така*) и гвозди для подков (*таканын мыгы*) к ним и др. Для покупки скота на местные рынки приезжают коммерсанты, большинство из которых занимаются перепродажей по более высокой цене на крупном скотном рынке, расположенном в г. Токмоке.

3.1.5. Другие виды экономической деятельности

Одним из видов экономической деятельности в горных районах стало транспортное обслуживание скотоводов по перевозке отдельных видов животных, которым продолжают заниматься в первую очередь бывшие механизаторы общественных хозяйств, приватизировавшие грузовые автомобили колхозов и совхозов, а также поколение молодых людей, рожденных в годы перестройки и суверенитета. Обычно скотоводы привлекают их во время перекочевок на дальние пастбища для доставки юрт, палаток и других предметов домашнего обихода, а также для перевозки предназначенного на продажу скота на рынки. За доставку водители берут определенную плату на основе устного договора. При определении тарифа за услуги по перевозке учитываются, помимо прочего, вид и количество скота. Так, например, в 2007–2008 гг. скотоводы из с. Корул Алайского района пользовались грузовыми автомобилями для перевозки коров до летнего пастбищного участка Демей на Сары-Таше, расстояние до которого составляет 104 км. В зависимости от договоренности платили за такую услугу от 100 до 150 сомов (ПЗА, 2009 г. с. Корул Алайского района, 10.2009 г.). Услугами по доставке скота до летнего пастбища в последние 2–3 года стали активно заниматься в Тонском районе. Некоторые

владельцы стад предпочитают с наступлением прохладных дней перевести крупный рогатый скот на грузовиках, чтобы перегон не сказался на их упитанности.

В селах можно увидеть, кроме грузовых автомобилей, небольшие прицепы для легковых машин со сравнительно большим объемом мощности, специально оборудованные для перевозки скота. Их мы неоднократно видели в селе Кара-Суу Ат-Башинского, Көк-Жар Кочкорского, Гүлчө Алайского районов. Информатор из с. Көк-Жар говорил, что он нередко возит на Кочкорский скотный рынок телят на прицепе своего легкового автомобиля. Тем более дорога хорошая и короткая. Если учесть то обстоятельство, что у сельского населения горных районов существенно увеличилось поголовье скота и люди могут оплатить труд водителей, последние остаются востребованными, особенно накануне и в дни, когда рынок открыт для продавцов и покупателей.

В сельских местностях имеется категория людей, оказывающих услуги с использованием сельскохозяйственной техники во время вспашки, сева, уборки урожая, косовицы. Так, например, в селе Кара-Коо функционируют небольшие добровольные бригады со своей техникой, которые оказывают услуги вплоть до доставки и скирдования сена. Респондент Ж. Исмаилов (1957 г.р. с. Кара-Коо Тонского района, 21.07. 2015 г.) входит в состав такой бригады, где имеются косилка, приобретенная в Германии, автомобиль марки ГАЗ-53, пресс-подборщик, произведенный раньше на заводе сельскохозяйственного машиностроения в столице Кыргызстана. Бригада может выполнить весь трудовой цикл от уборки сена до складывания в указанном заказчиком месте. Только надо произвести оплату за услуги, согласно тарифу, принятому в местном сообществе.

Одними из видов трудовой деятельности для некоторых семей, отдельных общин стали валяние кошм, изготовление сувениров. Если в прошлом домашние виды промыслов обеспечивали предметами быта, скотоводческими снаряжениями потребность собственной семьи, то ныне этим занимаются также для извлечения прибыли. Войлочные орнаментированные ковры (*шырдак*),

произведенные в Нарынском, Ат-Башинском районах, продаются на рынках, магазинах. Их нередко берут туристы на местах. Кстати, некоторые скотоводы сочетают свое основное занятие с приемом туристов, которые предпочитают ближе ознакомиться с бытом современных пастухов.

Несмотря на то что производство меда было неплохо знакомо кыргызам [70, с. 71– 73], в советское время немногие занимались этим делом. В наши дни профессия пасечника стала привлекательной для некоторых выходцев из высокогорных районов. Мне приходилось слышать хвалебные отзывы в адрес молодых кыргызов, освоивших за короткое время тонкости работы с пчелами как во время медосбора, так и в зимнее время, со стороны опытных пасечников с многолетним стажем.

Женщины часто заняты сбором лекарственных трав, плодов дикорастущих кустарников. Добыча золота на месторождениях и реке Нарын – дополнительный источник для семейного бюджета отдельных скотоводов. Нельзя не упомянуть немногочисленных членов семей скотоводов, работающих в местных государственных администрациях, больницах, школах, детских садах, лесхозах, заповедниках и т. д. и получающих небольшую, но стабильную ежемесячную заработную плату.

Как видим, скотоводство имеет приоритетное значение в структуре экономики хозяйств высокогорных районов республики, не только благодаря географической обусловленности, но и способностью кыргызов лучше организовать и вести хозяйства благодаря унаследованных от предков навыков. Скотоводы горных районов Кыргызстана преодолевая трудные годы первого десятилетия суверенитета, стали активно чем в советские годы заниматься земледелием и огородничеством. Коммерческая деятельность, которая была малознакомой сферой для многих, успешно стала осваиваться членами семей различного социального происхождения. В условиях рыночных отношений появились новые виды экономической деятельности, к числу которых относятся: оказание платных услуг в обработке поливных земель, севе, уборке урожая с

использованием механизированной техники; транспортировка грузов и животных. Свою нишу заняли перекупщики скота, ремесленники, изготавливающие на продажу сувениры, войлочные изделия. С ликвидацией социального пакета, гарантированного советским режимом, в котором был предусмотрен самый необходимый набор для жизнедеятельности, сельские жители были вынуждены стать активными и расторопными, для того чтобы найти свое место в условиях рыночных отношений, заниматься определенными видами экономической деятельности для обеспечения своих семей.

3.2. Скот в социальной и культурной жизни агропасторального общества

В настоящей работе не ставится задача провести специальную типологизацию скотоводческих хозяйств. Однако, вкратце должен останавливаться на то, почему я использую дефиницию агропасторальное общество. В нынешних условиях фактически все скотоводческие хозяйства независимо от формы собственности параллельно занимаются земледелием. Даже те хозяйства материальное богатство которых основано на производстве продукции скотоводства, не игнорируют земледелие, где обычно кто-то из членов семьи или близкие родственники занимаются выращиванием культурных трав. Для современных скотоводов обрабатываемые земельные площади стали представлять большую значимость в обеспечении кормовой базы.

Часть скотоводов которые все сезоны года находятся рядом со стадами, кочуют по сезонным пастбищам продолжая осваивать в том числе дальние высокогорные альпийские пояса, что важно в жизнеобеспечении местных сообществ. Другая значительная часть жителей, несмотря на то, что в теплое время года могут отдать скот на выпас другим, в другие сезоны повседневно занимаются уходом за собственными стадами.

Сочетание скотоводство с земледелием оказывает влияние на образ жизни, особенность культуры, где элементы традиции предков сохраняется неплохо.

Таким образом, комплексное ведение скотоводства и земледелия при ведущей роли первого, дает основание использовать термин агропасторальное общество применительно скотоводам высокогорных районов Кыргызстана.

Теперь о значении скота. В современном кыргызском обществе скот продолжает оставаться одним из важных ценностей, как это было в традиционную эпоху. Главным образом это обусловлено заметной ролью скотоводческого хозяйства в структуре экономики как отдельных семей, местных сообществ, так и в масштабе страны в целом. Как известно, Кыргызская Республика остается аграрной страной, а другие отрасли экономики, соответствующие вызовам современных условий, пока еще не превратились в мощную движущую силу, где могли бы найти применение многочисленные люди с разным уровнем квалификации. Более того, фактически были разрушены существующие промышленные предприятия, разорваны бывшие торгово-экономические связи с бывшими союзными республиками, приведшие к негативным явлениям в социально-экономической жизни. В таких условиях скот остается материальным богатством для населения, включая даже некоторую часть городских жителей.

Главная социальная значимость скота в начальные годы транзитного периода заключается в том, что он обеспечивал многих людей трудовой занятостью. За стадами стали ухаживать не только рядовые труженики. Этим занимались и бывшие руководители высшего и среднего звена уже расформированных колхозов и совхозов, потерявшие в результате перехода к частной собственности свои должности. Естественно, определяющее значение здесь принадлежит хозяйственной и культурной традиции, так как предки нынешних кыргызов в течение многих веков успешно занимались кочевым скотоводством, обеспечившим наряду с другими отраслями экономики жизнедеятельность людей. Не менее важную роль выполнял фактор наличия огромных пастбищных ресурсов, благоприятно влиявших на разведение разных видов скота.

Традиционные вопросы, приветствия при встрече с представителями других общин, племен «*Мал жан аманбы?*» или «*Мал баш аманбы?*» (в смысле «Все ли благополучно?», «Все ли здоровы?», но дословно: «Скот и душа в порядке?») широко бытовали вплоть до последней четверти XX века, а позже стали употребляться все реже и реже. В то же время и в наши дни отдельные пожилые люди, хорошо знающие традиции предков и живущие на селе, подобным образом приветствуют людей, занимающихся животноводством. Термин *мал* в этой фразе означает домашний скот, а термин *жан* – душу человека. Как видим, здесь достаточно чётко обозначена роль скота, когда люди интересуются прежде всего целостностью разводимых животных, с чем непосредственно связано здоровье и благополучие человека, занимающегося скотоводством. При наличии достаточного количества животных у конкретной семьи, например, в доме становится тепло и уютно. Экономическая самодостаточность не позволяет ее членам быть материально зависимыми от внешних источников. Напротив, члены богатых хозяйств имеют возможность повысить социальный статус среди сородичей, соседей, сверстников. Учитывая значение скота в кыргызском обществе, многие люди стремятся достичь рентабельности своих хозяйств с достаточным поголовьем скота, обеспечивающего стадооборот. Это характерно прежде всего для высокогорных районов, где основным источником дохода населения продолжает оставаться скотоводство.

Как и в традиционную эпоху, скот продолжает выступать в качестве одного из важных средств в определении социального статуса сельских жителей. Как нам известно, в прошлом положение человека в значительной степени зависело от наличия скота и его количества. При этом обращали внимание не только на численность, но и видовой состав поголовья. Лошади и овцы были наиболее ценными видами животных. Такая традиция поддерживается и нынешними поколениями кыргызов. Состоятельные скотоводы отдают приоритет тем животным, удельный вес которых заметно превышает другие виды домашних животных. Однако в современных рыночных реалиях

повышается значимость и крупного рогатого скота. До сих пор социальный статус человека, занимаемое положение в социуме определяются наличием разных видов скота. Вероятно, его высокая роль в социальных отношениях будет сохраняться в кыргызском обществе и в ближайшие десятилетия. Для расширения и углубления социальных связей скот по-прежнему используется в качестве действенного средства (устройство общественных трапез, народных развлечений, оказание помощи бедным и одиноким).

Скот по-прежнему считается главным показателем зажиточности многих людей и семей, проживающих в сельской местности. Иначе говоря, скот – это мерило и главный маркер богатства (Жапаров, Жаксон, 2005. С. 67 – 81; Raphaelae de la Martiniere, 2012, С. 146). В кочевом обществе степень зажиточности людей издавна определяли размером стада. В наши дни приходится часто слышать о богатстве людей, имеющих большие стада скота, от их соседей, односельчан. Известность некоторых давно вышла за пределы сельских управ, района, чему способствуют большие стада овец, табуны лошадей, гурты яков. В горных районах Нарынской области развивают свои хозяйства немало целеустремленных и предприимчивых людей, использующих наемных пастухов и работников, занятых как в выпасе скота, так и на других подсобных работах. Сами владельцы больших стад скота, находясь во главе небольшой социальной общности, включающей членов семьи и наемных работников, принимают решение по организации производственного цикла. В условиях новых экономических отношений им же принадлежит последнее слово в реализации скотоводческих продуктов. Цену скота хорошо знают и люди, работающие в других сферах, стремясь содержать свои стада. «Многие из торговых деятелей продолжают заниматься скотоводством, так как оно по сей день гарантирует высокий социальный статус» [241, с.183].

В современных условиях продолжают использовать отработанные способы повышения авторитета среди сородичей, где мерилом выступает скот. К наиболее эффективным из них следует отнести устройство коллективных угощений, преподнесение дара, материальной помощи. Основная масса сельчан

отдают должное и лестно отзываються о состоятельных кочевниках, проявляющих определенную щедрость и оказывающих помощь бедным и одиноким.

В результате углубленных бесед, личных наблюдений, встреч с сельчанами, проведенных нами на протяжении последних 15 лет, мы пришли к выводу, что такие умудренные жизненным опытом люди, как А. Садыков из села Толок, умело могут использовать скот как инструмент для расширения своего влияния. Он является выходцем из знатного рода, одним из потомков известного Чоко баатыра. Родился в 1926 г. и провел раннее детство на горных просторах Ат-Башинского района. В годы коллективизации отца раскулачили, а остальные члены семьи вынуждены были переехать в Кочкорскую долину, где проживали ближайшие родственники матери. Проработал он на протяжении долгих лет чабаном совхоза. Затем поднялся по служебной лестнице, окончив сельхозтехникум в селе Күрментү Түпского района, ныне носящем имя академика К. Каракеева. Он занимал должность управляющего фермой №2 племенного завода «Соң-Көл», центр которого располагался в селе Көк-Жар Кочкорского района. Обладает твердым характером, лидерскими качествами и харизматичен. Интересуется историей и культурой края, соблюдает столпы исламской веры. Имеет большое стадо овец, табуны лошадей, другие виды скота. Его имя хорошо известно по всему району.

По рассказам жителей села Толок, А. Садыков каждый год устраивает в честь религиозных праздников мусульман *Орозо айта*, *Курман айта*, календарного праздника народов Востока *Нооруза* коллективные угощения с приглашением большого числа людей из ближайших сел. При этом обычно он режет крупное животное, где главным блюдом является *беш бармак*, или иначе “*нарын*”. Его супруга при помощи своих снох на *Нооруз* обычно готовит ритуальное блюдо *көжө* для угощения всех приглашенных, кроме того, всем гостям подают национальный напиток – *кымыз*. Кстати, этот напиток в данной семье всегда хранили и в осенне-зимний период. В конце первого десятилетия XXI века они стали по таким праздникам раздавать мясо, чтобы получившие

могли варить дома и угощаться всей семьей. В 2014 г. он оказал финансовую помощь в сумме 100 тыс. сомов для ремонта местной школы [57]. Естественно, это стало возможно благодаря наличию в его распоряжении большого стада.

Аналогичные методы для повышения статуса в обществе применялись и некоторыми кочевыми в прошлом народами, имеющими много общего с кыргызами. Так, например, С.Е. Толыбеков отмечал, что угощение для укрепления авторитета в народе у казахов было весьма действенным методом. В этой связи он писал: «Немаловажное значение для усиления политического и экономического влияния крупного скотовладельца на массу кочевников имели периодически проводимые пиршества, а также система гостеприимства. Чем обильнее и богаче было угощение, чем больше поток гостей, тем быстрее росло количество приверженцев и оруженосцев у данного скотовладельца» [267]. Сидящие за дасторканом обменивались мнениями, рассказывали новости, интересные истории, генеалогические предания, былины, вели речь о традициях предков, обсуждали животрепещущие вопросы и могли принимать какие-то решения по проблемам, представляющим общий интерес. Молодые люди, обслуживающие гостей, подрастающее поколение имели возможность в таких случаях приобщиться к культуре своего народа. И здесь имел место активный процесс формирования социальной памяти, что служило гарантией преемственности поколений в широком смысле этого понятия. Естественно, предмет разговора между сотрапезниками сегодня претерпел определенные изменения, что обусловлено социальными, экономическими, политическими, культурными и другими факторами.

По информации, полученной от односельчан, после приплодной кампании 2006 года один из богатых скотовладельцев раздал социально уязвимым семьям около 30 ягнят в качестве помощи, которая, надо отметить, была оказана и в последующие годы. В тех случаях, когда собирали средства для нужд местного сообщества или для ремонта инфраструктуры села, инициаторы обычно обращаются в первую очередь к таким людям. По сообщениям информаторов, в большинстве случаев они обычно вносят больше, чем остальные жители

местного сообщества. Когда требуются материально-финансовые средства в интересах всех жителей (ремонт дорог, общественных зданий, проведение культурных мероприятий и т. д), идут к владельцам состоятельных хозяйств, рассчитывая на их поддержку.

Среди местного населения осязаемое влияние имеют главы семей, оказывающие в таких случаях помощь на нужды общества. Отдельные из них пользуются своим материальным положением, оказывая влияние на людей, принимающих официальное решение на уровне сельской управы. Выступают в роли заботливого патрона, успешно манипулируя коллективным сознанием односельчан. Видимо, щедрость части богатых людей объясняется как готовностью оказать помощь слабым, так и стратегией, направленной на обеспечение себе социального, политического капитала.

Богатые семьи, владеющие большими стадами, имеют хорошую возможность для налаживания контактов с чиновниками районных, областных администраций, республиканских ведомств, успешными предпринимателями, преподавателями учебных заведений, пользуются случаем и приглашают нужных людей погостить во время отпуска. Встречается немало примеров, когда владелец стада выделяет скот для проведения общественных или частных мероприятий. Некоторые городские жители, в том числе государственные служащие, нанимают пастухов для ухода за своими стадами. Все эти люди знают цену и значение домашнего скота, который всегда помогал устанавливать и расширять социальные связи.

Однако нельзя утверждать, что подобные примеры имеют на селе широкое и повсеместное распространение. Помимо прочего, меньшую активность в использовании скота можно было бы объяснить как отсутствием властных амбиций многих богатых владельцев скота, так и индивидуализацией сознания вследствие признания разной формы собственности на законодательном уровне. В данном случае мы имеем в виду прежде всего частную собственность.

Заметим, что истоки традиций, связанных с повышением авторитета человека посредством скота, уходят в прошлые века. Так, в частности, отцы и

деды людей нынешнего поколения много вели разговоров о широте души и щедрости известного манапа второй половины XIX – начала XX в. Шабдан баатыра. Среди людей ходили разговоры о том, что он мог слезть со своего коня и отдать его нуждающемуся. Такая его характеристика встречается и в научной, и в художественной литературе. Народный писатель Кыргызстана Абдрасул Токтомушев приводит факт, когда Шабдан в качестве помощи дал старухе Бөйтө лошадь и дойную корову с телятком, завоевав таким образом непререкаемый авторитет [361, с. 66 – 67]. Представляя самый высший слой социальной иерархии на основе именно таких отношений, Шабдан баатыр стремился сформировать и отшлифовать в своем характере благородные человеческие качества. В то же время без особого труда были удовлетворены его потребности: табуны лошадей, стада овец пригоняли для него многие богатые кочевники [357, с. 48], которые, вероятно, хотели быть замеченными и желали упрочить связи с таким известным человеком, обладающим значительной властью. Поэтому, на наш взгляд, ему не стоило большого труда повысить свое социальное положение и укрепить авторитет среди разных слоев населения путем перераспределения полученного в свое распоряжение скота.

Угощение как эффективная форма поддержания престижа используется кыргызами не обязательно в связи с семейными торжествами и народными обрядами. Нередко тои на своей малой родине организуют люди, проживающие за пределами места, где они родились и выросли. Часто устроителями праздников для своих родственников, односельчан выступают чиновники, занимающие государственные должности, коммерсанты, более или менее хорошо зарабатывающие, представители криминальных структур. Поводом для устройства коллективной трапезы может быть, например, тризна (*аш*) в честь своих отцов и дедов, умерших 10, 20 и более лет тому назад. В южной части страны в честь таких обрядов предусматривают проведение конноспортивной игры – *улак тартыш*. Осенью 2009 г. мы наблюдали весь процесс поминального мероприятия в местности Корул Алайского района, где в качестве главного приза на козлодрании был выставлен легковой автомобиль (ПЗА, село Корул

Алайского района, 25.10.2008 г.). Следует отметить, что в учреждении призов, помимо устроителя праздника, участвуют его близкие родственники, друзья и др. Они могут внести какую-то сумму наличных, ковры и другие предметы интерьера и быта в качестве приза, с учетом степени близости их отношений с хозяином мероприятия. Здесь социальные связи имеют большое значение: в зависимости от степени родства или близости кто-то может выделить тушу зарезанного телят, предназначенного для угощения, или козы для национальной игры – козлодрания, коней, на которых выступают участники игры.

В прошлом устроителями коллективной трапезы по случаю праздничных и траурных обрядов, помимо главного человека, от лица которого они организовались, выступали его близкие родственники. Их называли в народе *той ээси* [177]. Сегодня, несмотря на тенденцию к индивидуализации, такая традиция в целом сохраняет свое значение. В качестве хозяев, устраивающих обильное угощение, приглашенные воспринимают членов семьи – братьев, сестер и других ближайших родственников. И на самом деле нередко встречаются примеры, когда именно они несут как материальные, так и моральные обязательства в организации и проведении такого угощения.

В конкурентной борьбе для занятия ключевой должности в системе государственного управления коллективное угощение продолжает использоваться в качестве эффективного механизма привлечения сторонников. Это относится в равной мере как к людям, претендующим на должность главы местного самоуправления, так и к кандидатам в народные депутаты и президенты страны. Устроитель угощения рассчитывает на распространение позитивной информации участниками трапезы и получателями подарков среди более широкого социального круга, имеющего право голоса. На массовое сознание оказывает определенное воздействие неожиданная помощь человека, обладающего властью, конкретной семье в устройстве ритуальных угощений (*жентек, аш и т.д.*).

Обильность угощения по-прежнему вызывает положительные эмоции у приглашенных гостей, а гостеприимство хозяина становится предметом разговора. Нередко примеры одних могут служить образцами для подражания. Если же скот, зарезанный для угощения гостей, оказался неупитанным или же угощение не отличается богатством накрытого стола, то это, напротив, наносит устройтелю трапезы моральный ущерб, снижает его авторитет в конкретном случае. Многие четко понимают, что предки кыргызов старались это учитывать, так как ясно осознавали, что хорошая организация общественной трапезы (встреча, хорошее обслуживание, угощение, проводы) могла повысить репутацию человека, а допускаемые изъятия и недостатки негативно повлиять на авторитет в глазах родственников, соседей, друзей, других возможных участников угощения. Согласно традиции, участники трапезы давали благословение (*бата*) с произнесением вслух самых лучших пожеланий в адрес хозяина дома и его семье. Распространение обычая *бата алуу* во всех регионах страны в современных условиях говорит о функционировании традиционных норм социальных отношений в наши дни, хотя и в несколько трансформированном виде.

Хорошо понимая роль скота в жизни любого человека, семьи, родители прививали своим детям знания и навыки, связанные с разумным ведением кочевого хозяйства, участием в коллективных взаимоотношениях с родственниками, соседями. Каждый отец и каждая мать хотели видеть в лице своих детей достойных продолжателей традиций предков, преуспевающих и на должном уровне представляющих фамилию во взаимоотношениях с разными категориями людей. Особенность хозяйственно-культурного типа не могла не оказать существенное влияние на социализацию детей. Многие игры для маленьких способствовали познанию уклада жизни кочевников. В играх использовались отдельные кости животных, игрушки и предметы, сделанные из скотоводческого сырья. Со временем они ясно осознавали свою принадлежность к потомкам кочевников. Приобретение первого животного для ребенка было целым праздником, он обычно в такой ситуации находился в превосходном

настроении, делился впечатлениями со сверстниками. С момента, когда ему сказали, что этой твой ягненок или жеребенок, он испытывал чувство хозяина и стремился быть похожим на взрослых. В таком случае ребенок начинает с большой охотой ухаживать, следить за своим животным, сохраняя и оберегая его. Такие традиции не потеряли своего социального значения и соблюдаются немалой частью нынешнего поколения, в особенности среди тех, в хозяйствах которых скотоводство имеет значительный удельный вес.

На высокогорных альпийских лугах Сон-Куля, Аксая, Арпы, Кара-Кужура и других летних пастбищах нам неоднократно доводилось видеть, как помогают своим родителям и близким взрослым родственникам дети, в том числе младшего возраста. Несмотря на еще совсем юный возраст, они уже имеют те минимальные навыки, что позволяют отогнать, пригнать стадо, присматривать за отдельными видами скота. Среди детей потомственных скотоводов можно встретить детей, которые начали садиться на лошадь, когда им исполнилось всего один – два года, правда, вместе со старшими при перекочевках с одного сезонного пастбища на другое. Так, например, Нуржан, с ранних лет начала ездить верхом на коне с матерью, будучи грудным ребенком [348]. Ещё в дошкольные годы она, уверенно управляя конем в окрестностях стойбища, умела без затруднений пригнать или отогнать отару овец, пасущуюся недалеко от стойбища.

Как известно, в советское время государство проводило политику, направленную на повышение престижа профессии животновода, в особенности овцевода, табунщика. Социальный статус овцеводов, табунщиков, доярок поднимался за счет сравнительно хорошей оплаты труда, материального и морального стимулирования, пропаганды их успехов на страницах периодической печати, собраниях, пленумах и съездах, передачах по радио и телевидению. Организовались социалистические соревнования, а победителям вручали призы, грамоты. Опыт наиболее успешно работающих нередко предлагали распространять среди других хозяйств. Присуждение передовым

животноводам высоких государственных наград оказывало влияние на некоторых молодых людей в выборе стратегии трудовой жизни.

Через партийные, комсомольские организации проводилась работа, чтобы стимулировать выбор юношей и девушек, решивших связать свое будущее с трудной, но почетной профессией скотовода. На их примерах стремились привлекать к такой деятельности других молодых людей. На собраниях колхозов и совхозов можно было видеть ритуальную передачу чабанского посоха отца сыну, что воспринималось как сложение династии профессионалов-чабанов и обеспечение преемственности.

Для детей животноводов специально открывались школы-интернаты с соответствующими условиями. Запросы и нужды пастухов ставились на передний план, поскольку от результатов их труда во многом зависело выполнение планов колхозами и совхозами. За несвоевременную доставку фуража для общественного скота, товаров повседневной необходимости, продуктов питания, газет и журналов довольно серьезно спрашивали на заседаниях правлений хозяйств и бюро партийного комитета. Как вспоминает бывший главный зоотехник из села Баетов Ак-Талинского района, в советскую эпоху в случае если чабан жаловался на сбои в обслуживании, вопрос могли рассматривать на заседании партийного бюро райкома. Первый секретарь нередко угрожал нерадивым руководителям среднего звена административными, уголовными видами преследований в присутствии прокурора, начальника районного отдела милиции. Виновные, отделившиеся испугом, затем отмечали с другими ответственными работниками такое событие. Естественно, это было характерно особенно для тех районов, где приоритетной отраслью сельского хозяйства было скотоводство.

Тем не менее идеологическая работа отчасти носила декларативный характер. Нередко встречались факты, когда распадались бригады животноводов, сформированных из молодых людей, так как некоторые из них, испытав все тяготы профессии скотовода, предпочли получить среднеспециальное и высшее образование в столице республики и в других

городах. Некоторые молодые люди специально работали в течение одного–двух лет, рассчитывая получить направление колхоза или совхоза в вуз, при наличии которого поступление было почти гарантировано, особенно если они выбирали сельхозтехникумы или сельскохозяйственный институт им К.С. Скрябина, расположенный в г. Бишкеке.

Отец одного из наших информаторов по имени Мамбет, с которым мы проводили подробные интервью несколько раз, даже жили в его доме в разные периоды года, был известным табунщиком, хорошо знакомым животноводам всей Нарынской области. За высокие показатели он был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Впоследствии сын стал продолжателем дела отца, а вся его трудовая биография была связана с коневодством. В глазах односельчан за ними прочно закрепился образ табунщика. Традиция, связанная с трудовой династией семьи, поддерживается и его детьми, что позволяет утверждать о реальной преемственности, выступающей в качестве важнейшего связующего звена между прошлым, настоящим и будущим в обеспечении преемственности хозяйственных, культурных традиций народа, исторической и социальной памяти. Одновременно глава семьи выполняет функцию, способствующую формированию самосознания членов своей семьи, включая отдельно живущих взрослых детей [348]. Достигается это путем участия в воспитании детей и внуков, в ходе которого не последнее место занимают воспоминания о его родителях, детстве и последующих этапах биографии.

Социализация человека, о котором идет речь, происходила в рамках семьи и общества, где были законсервированы народные традиции, проявляющиеся в быту и культуре, социальных отношениях. Он родился и вырос в пределах горной экологической системы, где люди занимались кочевым скотоводством. Кстати, вся его жизнь фактически проходит на его малой родине, что оказало огромное влияние на успешное освоение хозяйственно-культурных традиций предков, стереотипов и норм поведения. То же самое можно сказать и об эстетических запросах и предпочтениях.

Среди современных жителей высокогорных районов в целом сохраняются вековые народные традиции предков. В большей степени такая картина присуща скотоводам. Очевидно, особенность производительной деятельности, связанной с сезонными передвижениями, оказывает на это сильное влияние.

Почти все виды скота, которых разводят в высокогорных районах, в той или иной степени используются при проведении различных семейных, общественных церемоний, похоронно-поминальных ритуалов. В одних случаях, например, он может стать жертвенным животным, в других – средством развлечения, например, скакуны, иноходцы на скачках, боевые кони – на коллективных состязаниях наподобие козлодрания, чтобы создавать праздничную атмосферу. На крупных и других мероприятиях с угощением достаточно строго сохраняются традиции распределения костей с мясом (*устукан*) с учетом возраста сотрапезников, что имеет важное социальное и культурное значение в сохранении преемственности.

В кыргызском традиционном обществе были хорошо развиты домашние промыслы, которые в конце XX – начале XXI века стали терять былую значимость, т. е. в семьях намного меньше стали использоваться такие виды сырья, как шерсть, кожа, шкура, конский волос, для изготовления войлока (*кийиз*), подстилки из мерлушек (*көлдөлөң*), кожаных сосудов (*саба, чанач*), крепких веревок (*аркан*) и т. д. Еще с конца 1980-х годов они стали вытесняться фабричными изделиями, импортированными из других стран. Тем не менее во многих селах высокогорных районов все еще сохранились традиции по применению некоторых видов скотоводческого сырья, например шерсти, которая используется для производства стеганых войлочных ковров с узорами – шырдаков, не только украшающих интерьер жилища, но и служащих в качестве приданого, дара. В наши дни их делают также по заказу и в целях продажи туристам, на рынках [145, с. 166 – 180].

Следствием снижения удельного веса семей, обрабатывающих скотоводческое сырье для изготовления предметов быта, хозяйственного снаряжения, становится утрата знаний и навыков. В принципе это естественный

процесс в условиях современного этапа развития с открытой рыночной экономикой.

Сейчас, когда мы можем говорить о массовости ремесла с большой натяжкой, активно стали демонстрировать свое мастерство представители нового поколения дизайнеров, модельеров, работающих с использованием войлока. При этом они используют весь накопленный опыт кочевников по созданию предметов материальной культуры, удовлетворяющих одновременно эстетические вкусы потребителей. Имеется множество частных предприятий, отвечающих вызовам новых экономических условий, которые четко представляют значение овцеводства, в том числе для сохранения и развития культурной самобытности народа.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в сельских районах республики скот продолжает быть не только богатством в экономическом смысле слова. Наличие стада дает возможность многим семьям в разной степени активности быть вовлеченными в процессы выпаса, ухода за животными. Без последних невозможно было бы представить трудовую занятость населения высокогорных районов, имеющего большие площади пастбищ. Неоднократно подчеркивалось, что менталитет народа мало изменился и наличие скота у человека способствует повышению его социального статуса в обществе, установлению и расширению сети социальных связей, привлечению сторонников, даже помогает владельцу заработать политический капитал.

В высокогорных районах с обширными пастбищами скот опосредованным образом оказывает влияние на социализацию детей. Любовь к животным, трудовые биографии отцов и дедов становятся факторами, определяющими будущую профессию молодых людей. Овечья шерсть в отличие от конских волос, кожи все еще широко используется в изготовлении традиционных и современных вещей.

3.3. Трансформация скотоводческих хозяйств и приватизация

Переход к другим условиям хозяйствования и обобществление средств производства в годы установления советской власти породили немало социальных противоречий и конфликтных ситуаций. Насильственные методы коллективизации не только разрушили основные элементы производительных сил сельского хозяйства, но и вызвали ответную реакцию со стороны скотоводов-кочевников: организовались мелкие террористические акты в отношении официальных должностных лиц, в некоторых местах массово забивали скот. Противники новой власти таким образом демонстративно выражали свое отношение к проводимой политике по отношению к кочевникам. Они считали, что лучше поступить так, чем отдавать свой скот в распоряжение коллективного хозяйства. Были случаи, когда отдельные кочевники бежали из республики, преимущественно в Китай [77, с. 117-118; 119]. При этом таких «перебежчиков», которые угнали свои стада, было немало. В идеологической обработке массового сознания лидеры противников новой власти нередко использовали услуги представителей духовенства. В частности, такие действия были совершены в Ат-Башинском районе, о чем говорили пожилые респонденты. Так, в частности, жители западной части долины из племени черик открыто протестовали, когда советская власть стала отбирать скот для организации коллективного хозяйства. До создания сельских советов трудно было справиться с местным населением, немалая часть которого выступала за сохранение привычного образа жизни. Духовные лидеры в лице молдо говорили людям, что при новой власти им придется стать неверными, есть свинину (ПЗА, инф. А. Шералиев, 1928 г.р.; М. Иманалиев, 1927 г.р. Ат-Башинский р-н, с. Кара-Суу, 10.09.2007 г.). Необходимость менять привычный образ жизни в сложившихся политических условиях для части кочевников оказалась чрезвычайно трудной задачей, учитывая, что процесс перехода к новым условиям сопровождался раскулачиванием не только богатых, но и средних

скотовладельцев. Нередко жертвами репрессивных методов становились даже главы средних по размерам хозяйств [76, с. 38-40; 90; 103; 119, с. 149]. Эти сложные годы становления советского государства сопровождались порой соперничеством родов, в результате чего выявляли в том числе мнимых богачей для раскулачивания. Прекрасно интегрированные в местные аппараты, люди иногда с успехом использовали силу советской власти в интересах своего рода, о чем пишет И. Оайон. Преобладающую силу родовой солидарности по сравнению с классовым антагонизмом хорошо представляли и местные партийные ячейки в Казахстане. “Они использовали информированность населения о существующем соперничестве между какими-либо родами и их экономико-политическими элитами. Иначе говоря, коренные представители советской власти на уровне районов и сельсоветов опирались на родовые связи в процессе проведения политики центральной власти” [223, с. 69 – 70].

В то же время основная часть скотоводов стала связывать свои перспективы с советской властью. Вследствие обобществления скота и сельскохозяйственного инвентаря, а также совместной производственной деятельности на первый план вышел интерес государства в лице новых хозяйственных единиц (ТОЗ, сельхозартели), которые впоследствии трансформировались в колхозы [151]. В советскую эпоху «заботливая» опека колхозов и совхозов приводила в конечном итоге к распространению среди населения патерналистской психологии. Инициативы предприимчивых людей и отдельных хозяйствующих субъектов должны были не выходить за рамки экономической политики государства, носившей директивный характер.

Отрицательные тенденции в развитии скотоводческого хозяйства начали проявляться еще в 1970-е годы прошлого столетия, которые в первую очередь были связаны с погоней за увеличением общественного поголовья разных видов скота, прежде всего овец, где недостаточно учитывались возможности пастбищных ресурсов. Так, в 1980-е годы в республике насчитывалось до 12 млн голов овец, 1,2 млн голов крупного рогатого скота и 300 тыс. лошадей.

Чрезмерное увеличение численности скота и превышение его количества на единицу площади в условиях экстенсивного хозяйства привели к неуклонному нарастанию процесса деградации пастбищных угодий. Более одной трети были засорены некормовыми растениями и закустарены, 1,7 млн га деградированы, из них 170 тыс. га в сильной степени [116, с. 168–169; 168, с.7].

Низкая емкость подножного корма компенсировалась за счет заготовленных грубых сочных кормов и фуража, оказавшихся спасением для животных в условиях серьезной деградации пастбищ. В колхозах и совхозах значительная часть посевных площадей отводилась для обслуживания животноводческого сектора. Иначе говоря, на них выращивались такие многолетние травы, как люцерна, эспарцет, ячмень, кукуруза, горох, для заготовки концентратов, сенажа и силоса. В период приплодной кампании и зимовки скота каждому стаду доставлялись указанные виды заготовленных кормов согласно разработанному рациону. Следует при этом отметить, что они предназначались главным образом маточным животным и молодняку, тогда как валухи, ярки, лошади оставались в основном на отгонах. Это было присуще для тех районов, которые отличались малоснежностью или бесснежностью зимнего времени.

Негативное воздействие на развитие скотоводства в эпоху СССР оказал и запрет на содержание в индивидуальных хозяйствах сельчан более 10 овец, одной коровы и одной лошади. Через сельские советы личным подворьям обязывали сдавать государству мясо. В случае невыполнения плана чабаны вынуждены были сдавать в пользу колхозов и совхозов шерсть, состриженную со своих личных овец, а полученный приплод причисляли в счет общественного стада. Когда производили изъятие телят, жеребят, ягнят в пользу колхозов и совхозов, получившее название в народе «сдача в контракт», использовались методы устрашения, силовые приемы, обыски домов и хозяйственных построек и навесов для частного скота. Как призналась А. Бегматова, 1940 г.р., из участка Кең-Жылга сельской управы Корул Алайского района, проработавшая

секретарем, а затем председателем сельсовета, когда возникала опасность срыва плана сдачи государству мяса, они обходили каждое подворье. Обычно такая работа проводилась к концу года. Мы увозили лишний скот, даже если владельцы были против. Часто мне приходилось выявлять это, давать команду, чтобы вывели их из дворов. Сейчас думаю, из-за того что я была женщиной, они вынуждены были мириться с этим, не поднимая шума (ПЗА, с. Корул Алайского района, 30.10.2008 г.). Следствием такого отношения к личным подсобным хозяйствам сельчан стало подавление их инициативности и предприимчивости, а также сокрытие части поголовья животных от учета в хозяйственных книгах. Среди населения нередко возникали не проявленные в открытой форме недовольства. Разрешение содержать минимальное количество скота, которое действовало вплоть до конца 1980-х годов, отрицательно сказывалось на общем благосостоянии сельского населения.

В условиях функционирования государственной и колхозно-кооперативной собственности на средства производства сельские жители для непосредственного ухода за общественными животными привлекались дважды, т. е. во время проведения искусственного осеменения (*куут мезгили*) и в период приплодной кампании (*мал төлдөтүү*). Строители, механизаторы, полеводы занимались в основном строительством и ремонтом кошар, овцетоварных и молочнотоварных комплексов, заготовкой грубых и сочных кормов. Соответствующие по своим специальностям услуги оказывали зоотехнические и ветеринарные кадры. На развитие животноводческой отрасли отпускались немалые финансовые средства. Тем не менее к началу 1990-х годов рассматриваемый нами сектор сельского хозяйства испытывал серьезные кризисные явления.

Однако все же необходимо отметить, что в советский период было реализовано много хороших проектов, способствовавших социально-экономическому, культурному развитию села, в том числе районов, специализировавшихся на животноводческом секторе. О создании хорошей

инфраструктуры и проявленной заботе государства к животноводам и их семьям с охотой вспоминали наши информаторы в ходе наших полевых исследований.

К моменту распада СССР скотоводческая отрасль экономики в Кыргызстане находилась уже в кризисном состоянии, которая началась еще до политики перестройки. В условиях разрыва былых общесоюзных хозяйственно-экономических связей, отсутствия государственной поддержки в обеспечении техникой, горюче-смазочными материалами, фуражом, ветеринарным сервисом и удобрениями колхозно-совхозная система, основанная на административно-командной, директивной экономике, оказалась “на мели”. Стала сокращаться численность поголовья общественного скота, снижалась его продуктивность, так же как и урожайность в земледельческой отрасли. Преодоление этой кризисной ситуации оказалось крайне сложной задачей и было связано с необходимостью реформирования всей системы. Одни утверждали, что разделение колхозов и совхозов может привести к развалу многих крепких хозяйств, а производственные мощности не могут быть использованы в полную силу. Здания и сооружения, конюшни и коровники и другие объекты могут остаться бесхозными. И это в то самое время, когда крестьянские хозяйства не имеют зернотоков, мастерских, свидетельствующих о слабой материально-технической оснащенности [165, с. 5 – 6). Известный экономист А. Орузбаев поддерживал позицию тогдашнего советника президента страны Т. Танаки, который выступал за постепенный переход сельского хозяйства к рыночным отношениям [230, с.66–109]. Досбол Нур уулу писал, что надо учитывать особенности и последствия разгосударствления и приватизации для сельского хозяйства и что этот процесс должен осуществляться постепенно и только на основе полной добровольности трудовых коллективов совхозов [124, с. 230 – 231].

Среди исследователей существовала и такая точка зрения, согласно которой приватизация и создание различных форм собственности являются единственным путем выведения сельского хозяйства из кризиса [148, с. 85]. Г.Ю. Ситнянский считал, что выходом из кризисного состояния является

быстрый переход к рыночным отношениям. Он писал: "... необходимо приватизировать общественный скот, передав его в собственность сельским жителям. Эта мера поможет решить проблему переизбытка скота, поскольку хозяин не станет держать больше, чем сможет прокормить, зато вырастет продуктивность каждой отдельной головы скота. Будет решена и проблема перевыпаса: сокращение поголовья улучшит ситуацию на пастбищах" [256, с. 49].

Уже в первые годы 90-х годов XX в. обозначились тенденции по разгосударствлению и приватизации общественной собственности в аграрном секторе. Они были связаны с упразднением колхозов и совхозов путем разукрупнения, разделения, ликвидации и создания на их базе крестьянских и фермерских хозяйств. Вероятно, Ж.К. Боконтаева права, отмечая: "Особенностью преобразований в сельском хозяйстве Кыргызстана является форсированное создание новой аграрной структуры, основывающейся на позиции "рыночного экстремизма". В результате задача формирования многоукладной экономики, проводимая со стороны МСХП Кыргызской Республики, свелась к волевому административному реформированию колхозов и совхозов, беспорядочному образованию крестьянских и фермерских хозяйств без учета принципа добровольности" [102, с.17]. Тем не менее при всех издержках, упущениях, допущенных несправедливостях такой шаг был оправданным, если учесть патерналистскую психологию жителей села, которые привыкли работать по команде.

В плане сравнения немалый интерес представляют процессы, происходившие в постсоветское время в других республиках бывшего СССР. Как пишет О.Б. Наумова: «Экономические реформы независимого Казахстана в сельском хозяйстве, в частности в животноводстве, имели целью смену собственника средств производства. Предполагалось, что разгосударствление совхозов и передача скота крестьянам, которые могли бы затем объединяться в кооперативные хозяйства, стимулируют личную заинтересованность новых мелких хозяев и повысят эффективность животноводства. Одновременно

государственная поддержка животноводства была сведена к минимуму» [218, с. 4]. В Горном Алтае с середины 1990-х годов стали организовываться крестьянские и фермерские хозяйства, СПК. При реорганизации и роспуске колхозов и совхозов, согласно решениям общих собраний, все движимое и недвижимое имущество (скот, техника, стоянки, кошары) были разделены на паи. Наиболее предприимчивые алтайцы, объединив полученные на паи скот и технику, создали частные хозяйства. Определенная часть этих хозяйств вскоре была ликвидирована в связи с неплатежеспособностью [272, с.194].

Многие информаторы говорили, что еще с последних лет политики перестройки начинается сокращение численности стада в колхозах и совхозах: «... только за июль – ноябрь 1991 г. поголовье овец сократилось на 2 млн 638 тыс. голов. Проверка показала, что только 17,6% скота была реализована, а остальные 82,4% исчезли в хозяйствах под различными предлогами. Сложившаяся ситуация в агропромышленном комплексе республики поставила вопрос разработки самостоятельной аграрной политики» [149,с.9].

Бартер, который доминировал в те годы, открывал перед колхозными руководителями большие возможности для злоупотреблений, когда они обменивали скот на топливо, моторные масла, запчасти, строительные материалы и т. п. В этой связи интерес представляет работа британского антрополога К. Хамфри по материалам Бурятии. Она писала, что бартер вездесущ. Так, директор одного из предприятий жаловался, что он может расплачиваться только мукой [287, с. 131]. Отдельные руководители, понимая, что старая система разрушается, попросту использовали для личного обогащения такой прием, как списание скота и другого имущества. В условиях когда государственный контроль и спрос явно ослабли, реальная экономическая власть, которой эти руководители обладали на местном уровне, предоставила им возможность работать на себя. Республиканская инвентаризационная комиссия Министерства сельского хозяйства и продовольствия, работавшая в колхозах и совхозах в течение двух месяцев, выявила, что «из 1 124 проданных хозяйствами

грузовых автомобилей треть приобретена руководящими лицами. Им «досталось» и больше половины легковых автомобилей» [52]. Это позволяло им существенно укрепить свое материальное положение и накопить первоначальный капитал. Подобный сценарий в разгосударствлении и приватизации наблюдался по всему Кыргызстану.

В соответствии с политикой государства, направленной на переход к новым рыночным отношениям в экономике, было принято решение реформировать аграрный сектор. Реформы, в частности, предусматривали разгосударствление и приватизацию сельскохозяйственного имущества и скота. Закон «Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства в Республике Кыргызстан» регламентировал осуществление приватизации «путем передачи на возмездной и невозмездной основе государственных и коммунальных предприятий ... в собственность трудовых коллективов, чабанских, других крестьянских и семейных хозяйств» [1, с. 694]. Этот закон и Указ президента страны А. Акаева «Об особенностях разгосударствления и приватизации совхозов и других государственных (коммунальных) сельскохозяйственных предприятий в Республике Кыргызстан» [2, с. 78-80] стали правовой основой проведения аграрных реформ. В колхозах и совхозах стали проводить раздел земли, скота и другого имущества между сельским населением. В эти годы фактически было положено начало процессу формирования крестьянских и фермерских хозяйств, которые в правовом отношении были базированы на законах о крестьянском хозяйстве, о предпринимательстве, об аренде и арендных отношениях.

Племенные заводы в целом были зажаты в тиски экономического кризиса. Несмотря на то что они оставались на балансе государства, они испытывали хронический дефицит материально-финансовых средств. Сами овцеводы были вынуждены заниматься не привычными для них ранее и другими видами трудовой деятельности (заготовка фуража, стрижка и др.), чтобы выжить в таких условиях. Относительно судьбы племенных заводов были жаркие споры и дискуссии

среди политиков и аграрников. Если одни выступали за передачу их в частные руки, то другие считали, что они должны оставаться только в государственной собственности. Как бы то ни было, но племхозы подверглись приватизации в последнюю очередь.

С ликвидацией колхозов и совхозов на некоторое время основными типами сельскохозяйственных предприятий стали небольшие кооперативы, объединенные крестьянские хозяйства, которые были базированы на осколках тех же колхозов и совхозов. Например, в Алайском районе в 1991 г. совхоз «Социализм» был разделен на два колхоза: «Тогуз Булак» и «Курманжан датка». С 1993 г. начали образовываться крестьянские хозяйства. В 1994 г. был приватизирован скот и другое имущество. В процессе приватизации участвовал айылыный кенеш, потому что здесь имелись подворные книги (*чарбалык китеп*), где содержались сведения о членах каждой семьи, приусадебном участке, принадлежащем им скоте. В то же время в приватизации основную роль играли руководители колхозов и совхозов – *раисы* (ПЗА, инф. Т. Маназаров, с. Корул Алайского района, 31.11.2008 г.).

Указ Президента Кыргызской Республики “О мерах по углублению земельной и аграрной реформы в Республике Кыргызстан” от 22.02.1994 г. послужил правовой основой для проведения основного этапа реформы в сельском хозяйстве. Люди могли выбрать оптимальные, на их взгляд, типы организации хозяйства. В 1996 г. в результате реформирования племхоза Сон-Куль были образованы 3 сельскохозяйственных кооператива и 16 крестьянских хозяйств, ориентированные уже тогда на индивидуальный путь развития (ПЗА, инф. А. Бекболотов, с. Төлөк Кочкорского района, 25.03. 2006 г.). Основу таких хозяйств обычно составляли выходцы из одного села. Затем и такие кооперативы стали дробиться на еще мелкие объединения, основанные по родоплеменному признаку. Последним же этапом реорганизации стала сегментация отдельных «больших семей», которые создавали самостоятельные крестьянские и фермерские хозяйства. Наш респондент Т. Исаков из села Көк-Жар Кочкорского района говорил, что в 1995 г. поливные земли были

распределены таким образом, чтобы члены определенных родов получали свои наделы в одном месте по соседству. Сам он стал во главе родовой ветви акынбек, входившей в состав одного из четырех частей села, получившего название Арал. Из техники им достались 5 тракторов и 1 комбайн. После года совместной работы в рамках кооператива 23 двора рода акынбек разошлись по своим семейным крестьянским хозяйствам. Аналогичным образом поступили и другие роды. Все это произошло в течение очень короткого отрезка времени продолжительностью около 10 лет (ПЗА, с. Көк-Жар Кочкорского района, 2007 г.).

Дробление коллективных хозяйств кооперативного типа на более мелкие происходило в условиях, когда государственное богатство, подлежащее приватизации, еще не полностью передали в собственность сельских жителей, а с другой стороны – последние в недостаточной степени проявляли активность в разумной организации хозяйств, ожидая по-прежнему заботливую опеку со стороны государства. Немало новых руководителей, вызвавшихся быть во главе таких кооперативов, не имели достаточного опыта, квалификации, организаторских способностей. К тому же часть из них стала больше заботиться о собственных интересах, пытаясь прибрать себе больше земельных наделов, скота, техники, что не могло не вызвать недовольства членов коллектива. Многие такие хозяйства распались также по причине несоблюдения равномерного участия всех его членов в трудовом процессе и несправедливом распределении произведенных продуктов. Некоторые члены кооператива, изредка участвующие в трудовой деятельности, добивались получить такую же долю урожая, как и активные работники, которые регулярно занимались делами коллектива. Если одни не могли трудиться во благо коллектива по причине занятости в разных сферах трудовой деятельности (школа, районная администрация и др.), то другие уходили в города в поисках работы. Кооперативы потерпели неудачу, помимо прочего, в результате отсутствия опыта управления и бизнес-планов, бухгалтерского учета, стратегий развития и даже концепции частной собственности (Farrington, 2005: 175).

Сельскохозяйственный кооператив рода куттуксейит «Карагер» (с. Куртка, Ак-Талинского района), включавший девять домохозяйств, спустя несколько месяцев после создания перестал существовать именно под влиянием указанных причин, а имущество было распределено между семьями. В 1998 г. на несколько мелких групп был раздроблен кооператив «Жаманак» (Baktybek Isakov, 2014. P. 40).

Таким образом, отсутствие достаточного опыта организационной работы, углубляющийся системный кризис и поиск других путей зарабатывания средств существования, социальная несправедливость в конце концов вынудили многие семьи выйти из состава кооперативных хозяйств. Процесс ускорения темпов преобразований на селе и увеличения мелких крестьянских и фермерских хозяйств подстегивали реформаторы сельского хозяйства, переносившие опыт западных стран на кыргызскую почву. В начале 1990-х годов происходил активный процесс создания фермерских и крестьянских хозяйств, регистрация которых предусматривала упрощенную процедуру. Активная часть сельского населения спешила придать своим хозяйствам статус юридического лица, что служило весомым аргументом в получении кредитов, привлеченных государством для проведения реформы в аграрном секторе. Однако функционирование многих фермерских хозяйств носило непродолжительный, временный характер. Тем не менее период до 1994 г. можно охарактеризовать как период нерешительности со стороны сельского населения, после которого более быстрыми темпами стал проводиться демонтаж колхозно-совхозной системы.

В указанных типах коллективных хозяйств земельные пай всех членов обрабатывались сообща. В структуре культурных растений в начале 1990-х годов имелись и многолетние травы, выращиваемые для укрепления кормовой базы скотоводства. Однако со временем они были вытеснены с посевных площадей и на их местах стали выращивать главным образом зерновые культуры, картофель и др. На наш взгляд, это объясняется, во-первых, тем, что в то время крайне

остро стояла проблема обеспечения внутреннего рынка страны мукой. Республика вынуждена была импортировать крупные партии пшеницы для муки, в том числе и из стран дальнего зарубежья.

В таких условиях крестьяне стремились сами как-то обеспечить себя этим основным продуктом питания, хотя не всегда и не везде удавалось получить достаточный урожай. Во-вторых, в абсолютном большинстве сельских местностей скот содержали в своих личных подворьях и они не использовались в качестве паев при создании коллективных хозяйств кооперативного типа. Поэтому содержание скота, проведение зимовки, заготовка фуража оставались заботой частных владельцев, тогда как судьба урожая от земледелия волновала членов всего коллектива и требовала совместных усилий в проведении агротехнических и других работ.

К середине 2000-х годов в Кыргызстане наибольший удельный вес в животноводстве составили хозяйства, к категории которого относятся личные подсобные хозяйства и коллективные сады, а также крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства индивидуальных предпринимателей, которые осуществляли свою деятельность со статусом юридического лица или без ее образования. Их деятельность основана преимущественно на личном труде членов одной семьи, родственников и других лиц, совместно ведущих производство сельскохозяйственной продукции. Так, по статистическим данным 2003 г., в республике насчитывалось: 726 969 хозяйств, имеющих поголовье скота, 255 882 крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств индивидуальных предпринимателей, тогда как количество государственных хозяйств составило 648, а коллективных – 1 195 единиц [27, с. 242, 245].

В результате приватизации сельские жители получили обрабатываемые земельные наделы и определенное количество разных видов скота (Jaquesson, 2010: 210–217). Совхоз «Көк-Ойрок» Кеминского района был одним из первых хозяйств в Кыргызской Республике, который решил на раздел своего

имущества и скота. При этом каждая семья независимо от количества его членов получала по 30 голов овец и по 4 гектара обрабатываемой поливной земли. Тракторы, автомобили и другие виды сельскохозяйственной техники также были распределены для приватизации. Такая информация была получена нами в с. Тегирменти Кеминского района летом 1998 г.

В процессе приватизации должны были учитываться такие показатели, как размеры посевных площадей, численность скота, наличная техника, кошары и другие материальные ценности бывших коллективных хозяйств, а также численный состав индивидуальных семей, стаж их работы и. т. д. Однако на практике эти принципы соблюдались далеко не всегда. Так, некоторые люди могли получить земельные наделы и скот по поддельным документам, а другие, переселившиеся в города, становились на учет в селах, временно меняя свою прописку. В 1995 г скот одного из колхозов Ак-Талинского района распределялся между колхозниками из расчета одна овца за три года работы, одна корова или лошадь – за шесть лет. При этом стаж работы в колхозе учитывался начиная с 1964 г. Исходя из этого расчета, в среднем 5–10 семей в зависимости от численного состава получили в собственность одну кошару для скота, построенного в годы советской власти. В ходе распределения земли, скота важно было учитывать количественный состав семей.

Как рассказал нам тогдашний директор департамента сельского и водного хозяйства Нарынской области Н. Карыбеков, *“в ходе приватизации скот и землю раздали сразу, не учитывая имеющиеся задолженности перед государством другими организациями и предприятиями. Долги до сегодняшнего дня остаются не возвращенными, а некоторые организации просто перестали существовать. И сейчас государство проявляет заботу, как отец, по отношению к сыну. Так нельзя приучать”!* [45]. Во время роспуска колхоза «Тилектеш» Ак-Талинского района выделили по 0,60 га земли, 17 голов овец на каждого члена семьи и 2 лошади на семью (ПЗА, сентябрь 2005 г.). Полевые материалы французского антрополога Ж.Ф. Гуссьо, любезно переданные мне, свидетельствуют о том, что при приватизации в колхозе имени Тоголока Молдо скот распределялся из

расчета: 3 года трудового стажа = 1 овца, тогда как 10 лет стажа = 1 лошадь. Всех яков к этому времени уже съели и обменивали на запчасти и горюче-смазочные материалы. Согласно информации К. Касмалиева из с. Толук Кочкорского района, при распределении скота племенного хозяйства «Соң-Көл» на одного человека приходилось 2,5 головы овец, тогда как одна голова крупного рогатого скота и лошади приватизировалась из расчета на 11 и 14 человек соответственно (ПЗА). Таким образом, одна семья в большинстве случаев из-за меньшей численности не могла получить в частную собственность крупные виды скота. Для этого часто приходилось включать в список самых близких родственников (н: выделенных детей с членами семьи, братьев и т. д.). В этом хозяйстве 30 кошар, построенных в эпоху Советского Союза, были приватизированы жителями долины Төлөк группами людей из 35–55 человек в зависимости от размера этих объектов. Здесь предлагалось распределять кошары на основе учета родоплеменной принадлежности, что и было сделано. Так, в частности, респондент Тейишов был в составе 38 человек из рода *монолдор*, оформивших кошару в частную собственность в местности Карагатты. В процессе приватизации земли, скота и сельскохозяйственного имущества могли иметь свои доли и маленькие дети, родившиеся раньше 1996 года.

Бывшая доярка из Ат-Башинского района информировала нас о том, что их семья состоит из 11 человек. Они получили при приватизации по 0,53 га обрабатываемой земли в качестве надела (*үлүш жер*), 3 овцы из расчета на каждого члена семьи. На все домохозяйство досталась 1 лошадь. К 2000 году активы этой семьи стали больше (ПЗА, Ат-Башинский район, июль 2000 г.). Местным жителям села Төлөк досталось от приватизации, кроме скота и доли в кошарах и технике, по 0,32 га земель, из которого 0,21 га – в рискованных для земледелия зонах (в самой горной долине), а 0,11 га находился в окрестностях с. Кок-Жар – бывшего центра племхоза (ПЗА, А. Бекболотов, с. Толук Кочкорского района, 25.03. 2006 г.). Новые владельцы таких земель из Толока испытали двойное неудобство. Во-первых, приватизированные участки малопригодны для

возделывания разных сельскохозяйственных культур. К тому же удельный вес богарных земель доминирует. Во-вторых, поливные участки расположены очень далеко, что затрудняет проведение весенне-полевых и осенних уборочных работ. Плюс еще надо доставить урожай до дома. Все это требовало больших финансовых затрат и времени. Поэтому некоторые семьи потом продали свои земельные наделы.

Одним из критериев для определения размера надела и количества скота в ходе приватизации служил стаж работы в колхозах и совхозах. В частности, такой подход применялся в Ак-Талинском районе [338, с. 27]. В сравнительном плане определенный интерес представляет опыт Монголии, где при проведении приватизации учитывали комбинацию следующих критериев: возраст, стаж работы, размер семьи [320, с. 251 – 252].

Ход приватизации скота и другого сельскохозяйственного имущества показал, какое важное значение имеет характер социальной организации. В совместной организации труда в рамках небольших кооперативов прослеживалось противоречие между коллективным сознанием родственников и личными экономическими интересами отдельных семей. Влиятельные представители племен могли умело использовать чувства родственной солидарности для своей выгоды. В таких случаях, как и в практике других кочевых в прошлом народов, родственно-соседские связи довольно эффективно приводят в действие механизмы взаимопомощи, но они же активно используются для мобилизации «родовичей» местными лидерами в ходе их скрытой борьбы за контроль за ресурсами [233, с. 216].

При приватизации кошар необходимо было сформировать отдельные группы людей с учетом размера этой хозяйственной постройки. При этом часто это делалось по принципу клановой принадлежности. Так, в одном случае кошара досталась группе людей из 50 человек, куда входили и дети. Представители племени *кушчу* (42 человека) вынуждены были пригласить в

свою группу одну «большую семью», поскольку его глава приходился им зятем. Тем более она не смогла бы самостоятельно собрать достаточное количество людей в ходе распределения кошар[323, с.214–215]. Приватизированные кошары на первом этапе делились на несколько частей, где делали свои входные двери, поскольку совладельцы состояли из отдельных семей со своими стадами. Так, нам приходилось видеть четыре входа в одной кошаре. Тем не менее постепенно хозяевами таких кошар становилась во многих случаях одна большая семейная община. Обычно они договаривались с другими семьями, имеющими юридическое право на долю такого вида недвижимого имущества. В других случаях некоторые люди, имеющие право на долю в общей собственности на кошары, мигрировали в города, меняли сферу хозяйственной деятельности. Семьи же, стремившиеся стать единоличными собственниками кошар, либо возмещали какую-то часть суммы денег (установленной по обоюдному согласию) «отказникам», либо сами платили за них за приватизацию. Встречались случаи мелких конфликтов и споров по поводу права собственности на свою долю на приватизированные кошары. Однако в наших исследованиях почти не зафиксированы случаи судебного разбирательства. Недовольство одних гасилось другими за счет уговоров, доказательств, оплаты части остаточной стоимости. Здесь сыграли свою роль значение родственных отношений чем пользовались одни ущемляя интересы менее активных сородичей. Бейшен из долины Төлөк взял в частную собственность кошару, объединившись с двумя братьями и тремя братьями своей жены с их семьями, за остаточную стоимость которой должен был внести сумму в размере 27 тыс. сомов в фонд Госкомимущества. Так как другие не имели достаточного количества скота и имущественных претензий, в конечном итоге кошару он стал использовать с одним из братьев Мелисом. В то же время они выпасают скот других участников приватизации, если они просят об этом (ПЗА, инф. Бейшен Жумашев, 1951 г.р., с.Төлөк Кочкорского района, 08.10.2007 г.).

В местности Кең-Суу долины Төлөк при приватизации членам рода *тастар* выделили две кошары. Однако для получения второй кошары у них не

оказалось достаточного количества людей, из-за чего они были вынуждены пригласить к себе семьи, представляющие другие малочисленные роды. Так, Курманбеку и его семье досталась доля из кошары, выделенной для 72 человек из расчета 2 метра на душу. Самые близкие его родственники, включая мать, пятерых братьев, составили 21 человек. Недостающее количество людей были восполнены из семей других родов. В частности, К. Абиев относится к роду *көкчө* (ПЗА, инф. Сакеева Жамалкан, 1938 г.р. из рода тастар, 06.10.2007 г.).

Многие кошары, перешедшие в частную собственность, впоследствии были демонтированы [338,с.28]. Материалы разобранных сараев использовались при строительстве домов, других хозяйственных построек. Были случаи перевозки балок, досок, арматуры в новые жилые массивы города Бишкека, что обходилось застройщикам индивидуальных домов дешевле. Такие вторичные строительные материалы, как кирпичи, доски, арматура, разобранные из скотоводческих комплексов и сараев, продавались на старом толчке в Бишкеке, а также по рекламе. Следует отметить, что этот период совпал с большими экономическими трудностями вследствие разрыва былых хозяйственных связей, дефицита наличных денег и недостаточности и дороговизны строительных материалов. Указанные материалы оказались привлекательными для людей в силу хорошего качества, прочности. В частности, арматура, прутья, привезенные из Китая, а также произведенные на кустарных предприятиях, по мнению многих людей, занятых строительством жилых домов, не соответствовали требованиям стандартов.

Однако в республике имеется положительный пример бережного отношения к кошарам, построенным в годы советской власти. Речь идет о жителях долины Төлөк, где не был снесен ни один сарай из 32, которые используются по настоящее время по назначению. Только стригальный пункт племхоза «Соң-Көл», где трудились представители долины, был разобран, поскольку не смогли разрешить спор с выходцами села Көк-Жар, которые также относились к указанному хозяйству. Вероятно, здесь свою роль сыграла

особенность среды обитания горной долины, наиболее благоприятствующей скотоводству. В сыртовой долине Тарагай Жети-Огузского района все дома, построенные специально для пастухов общественных отар в советское время, были приватизированы в 1998 г. бывшими животноводами, которые раньше уже занимали их, либо сотрудниками метеорологической станции по остаточной стоимости [322, с.227]. Эти приватизированные дома, расположенные в небольших урочищах, стали стойбищем современных скотоводов.

В процессе приватизации не всегда был соблюден принцип социальной справедливости. Согласно данным наших полевых исследований, это вызывало большое недовольство бывших членов колхозов и совхозов, так как руководители высшего и среднего звена злоупотребляли своим служебным положением. Наши информаторы сообщали, что председатели колхозов (башкарма), директора совхозов и их окружение, имевшие доступ к “кормушке”, в начале приватизации “сняли сливки” с общественного имущества, а затем пошли по второму кругу приобретения и получали распределяемый скот и другое имущество уже вместе с основной массой сельского населения. Несколько лет спустя после приватизации бывшие колхозники одного из хозяйств упрекали местные власти за то, что они распределяли общественный скот, когда уже 65% поголовья было ликвидировано [338, с.28]. Р. Мартинер на основе материалов, собранных в ходе ее неоднократных исследований в Кыргызстане, пришла к следующему выводу: «Сельская элита, преимущественно специалисты, контролировали распределение ресурсов ферм на их территориях. В момент деколлективизации эти элиты находились в благоприятной позиции, чтобы конвертировать свой социальный капитал в монетарный» [342, с.143 – 144].

Некоторые бывшие председатели и директора колхозов, совхозов быстро превратились в фермеров, имеющих в своей собственности сравнительно большие стада и поливные земли. В этом контексте интерес представляет результат проверки Министерства сельского хозяйства и продовольствия. Так,

согласно данным комиссии, к началу 1992 г. «из оставшегося поголовья овец 1,2 млн сдано на мясокомбинаты, 500 перекочевало в частный сектор. Фермерам же досталась малая доля – 182 тысячи» [53].

В целом у колхозников и рабочих совхозов было недостаточное представление о разгосударствлении. Многие жители села Куртка Акталинского района не понимали, что такое приватизация и как она началась. Они не придавали серьезного значения понятию «частная собственность». Местные колебались, причем часто этому способствовали публичные выступления ответственных работников. Б. Исаков приводит интересный пример, когда глава районной администрации говорил колхозникам, что приватизация – это неправильный процесс. При этом он призывал обратить внимание на соседние деревни, где сложилась нехорошая ситуация в результате приватизации. Тем не менее в 1993 г. из-за неопределенности с разгосударствлением колхоз «Куртка» был расформирован [311, с. 40]. В такой ситуации колхозникам оставалось лишь довольствоваться тем, что им было выделено в процессе приватизации в виде скота или другого имущества, какая-то часть которых была уже растеряна.

Известные политические события марта 2005-го и апреля 2010 годов, приведшие к уходу с политической арены президентов страны А. Акаева и К. Бакиева, повлияли и на племзаводы, где яблоком раздора стало общественное поголовье овец. Так, в ГПЗ «Соң-Көл» на следующий же день после событий 24 марта 2005 года бывшие и действующие члены хозяйства вынудили приватизировать оставшихся в так называемом ядре племенных овец и производителей численностью 5 тысяч голов. Распределены были также около 50 голов лошадей и 50 голов яков. При этом выходцев одного из двух сел обделили. Здесь сыграл свою роль фактор удаленности от центра. Согласно рассказу информаторов, 11 объектов хозяйственного, социального назначения были переданы на баланс сельской управы. К этому времени племхоз сохранял статус мини-кооператива, в распоряжении которого оставалось 25% овец, 25% техники и 25% земельного фонда от имевшегося показателя после первой

приватизации, проведенной в 1995 г. (ПЗА, инф. Ачакеев Мурзабек, 1950 г.р., с. Көк-Жар Кочкорского района).

Анализируя рассказы респондентов, мы приходим к выводу, что местное население не задумывалось о необходимости сохранения племенного скота, что могло бы в том числе отразиться на качестве стада самих же частников. Этого можно было добиться в результате рациональной организации дела с учетом накопленного опыта по ведению хозяйственной деятельности в племенных заводах, заинтересованности в сохранении и умножении общественного поголовья. Однако в таких хозяйствах трудно было справиться с такими задачами, что объясняется не только объективными причинами. Зачастую сами руководители высшего и среднего уровней не болели за интересы племхозов в качестве организаций для всего населения. Они в принципе были заинтересованы постепенно превратить их в частные хозяйства. Такое отношение к общественному поголовью, находящемуся в составе ядра бывшего племхоза «Соң-Көл», нередко вызывало недовольство сельских жителей. Поэтому распределение оставшегося общественного скота среди местного населения в 2005 г. многие восприняли с одобрением и считали правильным шагом.

По информации бывшего директора Государственного племенного завода «Тянь-Шаньский» С. Чолуева, после апрельской (2010 г.) революции глава сельского округа Кара-Кужур Нарынского района Курманбек Алиев подписал постановление об изъятии овец этого хозяйства. Созданная им комиссия из 15 человек вынесла решение изъять у завода 6,5 тысячи голов племенных овец и раздать их жителям сел Лахол и Жер-Көчкү, в результате которого люди получили по 12 овец и 4 ягненка. Общая сумма нанесенного ущерба, по его подсчетам, составила 34 миллиона сомов [51].

Таким образом, в соответствии с политикой государства, направленной на реформирование аграрного сектора, проводились разгосударствление и приватизация сельскохозяйственного имущества и скота, распределялись земельные наделы. Жители деревни получили обрабатываемые земельные

наделы, скот. Фактически это привело к изменению экономических отношений, а также социальной организации [322; 323; 338]. Получив в частную собственность скот, земельные наделы, люди отныне должны были самостоятельно определиться с выбором более рационального, на их взгляд, типа организации хозяйства. Если обобществление скота в период коллективизации означало вступление людей в колхозное строительство, принудительное или по своей воле, без которого потом они уже не могли представить свои жизни, приватизация общественного скота привела в конечном итоге к разрыву с советским прошлым. Это отразилось на сознании и поведении людей, которые оказались в большинстве случаев в состоянии беспомощности и с большим трудом преодолели трудности и лишения.

3.4. Проблемы адаптации скотоводов к рыночным условиям

Естественно, после многих десятилетий, когда люди трудились в соответствии с правилами директивно-плановой командной экономики, переход к свободным рыночным отношениям не мог произойти без издержек. Требовалось определенное время, чтобы они могли четко осознать влияние этого фактора. Государство не только должно было заниматься структурными преобразованиями организации сельскохозяйственного производства, но и оказывать содействие в адаптации к новым экономическим условиям путем применения рыночных механизмов, что не всегда делалось эффективно.

В условиях экономического кризиса, тяжело отразившегося на уровне жизни населения, домашний скот потерял былую значимость, а профессия чабана стала не такой престижной, как раньше. Многим известно, что животноводы колхозов и совхозов ощущали, как в советское время со стороны государства проводилась серьезная идеологическая работа по обеспечению престижности профессии чабана, табунщика, яковода, доярки. Высокие показатели их трудовых достижений передавались по каналам радио и

телевидения, публиковались на страницах периодической печати. Такие люди удостоивались различных государственных наград (грамоты, ордена и медали и т.д.), им были адресованы теплые слова на собраниях разного уровня. Опыт наиболее успешно работающих нередко предлагали распространять среди других хозяйств. А начиная примерно с 1980-х годов вдруг всего этого не стало, в результате которого указанная категория людей начала испытывать чувство ущемления, морально-психологический спад и с большим трудом пыталась приспособиться к новой жизни.

Резкое сокращение поголовья всех видов животных, особенно овец, стало одной из причин безработицы в деревне. Немало людей опустили руки, в их среде стали частыми явлениями тунеядство и пьянство. Они не проявляли активности и инициативы в принятии рациональных решений, напротив, растеряли часть нажитого общими усилиями семьи и развлекали себя разными посиделками. В этой связи интересно исследование, проведенное среди бурят, где ритуалы, несмотря на то что приносили душевное облегчение и укрепляли групповую солидарность, в условиях роста преступности давали слабый нравственно-воспитательный эффект [233, с. 216].

Между тем жизнь выдвигала перед бывшими колхозниками и работниками свои требования, соответствующие изменившимся условиям, которые были не совсем простыми и легко выполнимыми. Однако по поведению, действиям можно было проследить привычное советское мышление, а не стремление изучать суть рыночных отношений и приспособливаться к ним [261, с.9 – 10].

В начальный период реформ абсолютное большинство сельских жителей оказалось не готовым к содержанию приватизированного скота без потерь. В условиях недостаточного снабжения фуражом, отсутствия надлежащего зоотехнического и ветеринарного ухода, а также плохого качества пастбищ большинство скотоводов не смогли предотвратить массовый падеж скота,

который стал повсеместным явлением. Доходы же рядовых сельских жителей были очень низкими. Скот перешел в частную собственность, но стал быстро девальвироваться. Это во многом было связано с катастрофической нехваткой наличных денег и дефицитом товаров первой необходимости. Скот начал выполнять у сельских жителей функцию единицы торгового обмена и продолжал играть эту роль в течение всех 1990-х годов. Перманентное сокращение численности всех видов скота в 1990-е годы в результате прекращения государственной поддержки было характерно и для соседнего Казахстана [207, с.218].

Помимо сугубо экономических факторов, связанных с кризисным состоянием всех отраслей экономики Кыргызстана, свою негативную роль сыграла и укоренившаяся в сознании многих людей патерналистская психология. Люди привыкли работать по указке колхозно-совхозных руководителей разного ранга. Следствием радикальных шагов государства в аграрном секторе стала неопределенность положения основной части сельских жителей, которые оказались в шоковом состоянии. И здесь на передний план начали выходить социально-психологические проблемы. Некоторые информаторы признавались: люди боялись, что ликвидация колхозов и совхозов будет означать для них «конец света», и выступали за их сохранение. Альтернативных взглядов придерживались некоторые представители хозяйств и выходцы села, выступающие за радикальную приватизацию всех ресурсов, чтобы появились крупные собственники [338, с.34].

Многие люди оказались не способными бороться с экономическими трудностями и боялись делать опрометчивые шаги. В то же время выходцы из колхозно-совхозной верхушки и некоторые бывшие рядовые колхозники принялись выработать правильную стратегию развития своих хозяйств, проявляли смелость в принятии решений, активность и настойчивость в их реализации, улавливали конъюнктуру рынка. Они не стали оглядываться назад и ждать помощи от государства. Аналогичные процессы происходили и в

Казахстане [218; 219, с.235–251]. Скотоводы, обладающие необходимыми производственными навыками, осознавшие специфику происходящих изменений, начали прилагать усилия по укреплению своих хозяйств.

В трудные 1990-е годы некоторые скотоводы переселялись на удаленные от села стойбища, в связи с чем оказывались в выигрыше в использовании пастбищ. Преимущественное положение, выразившееся в возможности разведения домашнего скота, позволяло им расширять стадо, тогда как основная часть сельского населения стремительно теряла скот. Люди, быстро преодолевшие социально-психологические трудности, занимались также диверсификацией экономики своих хозяйств. Мы видели, как одна семья, проживающая на весеннем кочевом участке Кочкорского района, кроме большого стада скота, разводила много кур и индеек. Для сельских жителей началась новая эра, в которой им нужно было полагаться только на себя и строить будущее своими руками [313, с.178].

В условиях острого дефицита наличных денег овцы стали использоваться в качестве единицы обмена и средства платежа. Натуральный обмен получил сильный размах. Летом 1999 г. респондент из Кочкорского района отмечал: *«После распада колхозов и совхозов все сельское население вынуждено было продавать или обменивать скот. Овца стала нашим денежным средством. Одну голову отдавали за мешок муки, несколько пачек чая, 4–5 бутылок водки (часто «самопала»).* Одним словом, все покупаем за овцу, и чихнешь тоже давай овцу» (ПЗА, Кочкорский район, 1998 г.). Действительно, продукты питания, лекарства, одежда, товары первой необходимости требовали немалых денежных средств, которых катастрофически не хватало. Все они приобретались за счет скота и часто путем обмена. Скот обменивали и на горюче-смазочные материалы для проведения весенне-полевых, уборочных работ, на запасные части тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Высокие цены на горючее и низкие цены на скот стали основными причинами растраты скота в

крестьянских хозяйствах и в Западно-Казахстанском регионе Казахстана [218, с. 9].

В начале 1990-х годов животноводческое хозяйство во многих районах стало обслуживать земледельческий сектор, хотя это не могло продолжаться долго в таких высокогорных областях, как Нарын. Скотом расплачивались и с долгами перед государством, другими организациями за услуги. Причем использование скота в качестве средства платежа имело место и со стороны государственных структур. Так, в середине 1990-х годов встречались случаи раздачи скота для тех, кому предусматривались пособия. Так, в связи с отсутствием наличности в Ак-Талинском районе матерям, получающим пособие за детей, раздавали более 100 овец. Взрослые овцы были оценены в 230 сомов, а ярки – в 150 сомов [55]. Вот другой пример: акционерное общество «Ак-Кыя» вынуждено было ликвидировать задолженность за использование электрической энергии 110 тоннами сена и 350 валухами [56].

Племенное хозяйство по разведению тянь-шаньских полутонкорунных овец во второй половине 1990-х годов использовало арендную форму организации труда. Так, в селе Лахол Нарынского района мы встретили известного чабана племенного хозяйства, который перешел работать на условия арендных отношений. Он сказал: «Согласно заключенным договорам, я со своей семьей, состоящей из 13 человек, круглогодично содержу 300 голов овец и сдаю в пользу общественного хозяйства по 45 ягнят из 100 овцематок, сдаю 1,5 килограмма шерсти с каждой головы. Полученные сверх этой нормы приплод и шерсть остаются в нашей собственности. По договору, племенное хозяйство оказывает помощь в предоставлении баранов-производителей на время осеменения, дает методические советы. Ветеринарная служба проводит медицинский осмотр и вакцинацию животных». Для содержания общественного поголовья овец арендаторам была предоставлена кошара с жилыми домами для животноводов (ПЗА, с. Лахол, 1999 г.).

Существует мнение об огромной роли приватизированного скота, за счет которого многочисленным семьям удалось пройти самые трудные начальные годы конца XX века. Известный фермер из с. Ак-Муз Ат-Башинского района К. Арабаев сказал, что в 1992–1995 гг. за голову овцы сельские жители приобретали соль, чай, водку. Если бы не раздавали общественный скот, население Нарынской долины голодало бы так же, как в 1936 г. Не имея наличных денег, они обменивали овец на необходимые продукты и другие товары. Коммерсанты сыграли важную роль в снабжении населения в эти трудные годы [355, с.356].

В Казахстане в 1994–1995 гг., да и в последующие годы, также господствовала “бартерная форма сделки. За один мешок муки или сахара крестьяне отдавали перекупщикам несколько овец. Точно так же обстоит дело с приобретением топлива, горюче-смазочных материалов, запасных частей» [159, с.247]. Однако, как показал пройденный опыт, через трудности распада административно-командной директивной экономики такой шаг, несмотря на многие издержки и неэквивалентность обменов, был вынужденным и начальным этапом адаптации сельских жителей к новым условиям хозяйствования, куда стали проникать правила рыночных отношений.

Распад коллективных хозяйств лишил многих людей стабильных источников для бюджета семьи. Отсутствие опыта не позволило им быстро приспособиться к изменившимся условиям. Владельцы приватизированных стад продавали скот за бесценок частным торговцам, неэквивалентно обменивали на продукты питания и товары повседневного спроса. Многие безуспешно пытались заняться земледелием и коммерческой деятельностью. Отсутствие работы со стабильным доходом и обусловленные этим трудности привели к активной миграции части населения в урбанизированные центры, часто в город Бишкек и его окрестности. Одновременно небольшая часть сельчан, хорошо представляющих специфику природно-климатических условий и неплохо

приспосабливающихся к изменениям, стали накапливать материальные ресурсы в виде обрабатываемых земель, транспорта и сельхозтехники, скота.

К началу 2000-х годов положение на селе стало выправляться, что было связано прежде всего с постепенным увеличением поголовья скота в хозяйствах. Многие люди уже не ждали, как это было раньше, указаний сверху, надеялись только на себя. Постепенно число людей, которые стремились к самосовершенствованию, увеличилось. Они сформировали новый сегмент общества, которые опирались друг на друга, делились знаниями и объединяли ресурсы [311, с. 41]. Сравнительно успешно вовлеченные в рыночные отношения хозяйства старались быть информированными по вопросам сельскохозяйственного преобразования, изучали спрос и предложения на основные произведенные продукты, стремились расширить источники для пополнения бюджета хозяйства. Следствием такой адаптации к новым экономическим условиям стало формирование рентабельных хозяйств и богатых скотоводов. О.Б. Наумова в процессе адаптации к новым условиям на материалах Западно-Казахстанской области выделяет «инициативных» руководителей хозяйств, высокий образовательный уровень которых позволяет им лучше ориентироваться в экономических вопросах. В отличие от «пассивных» руководителей они знают, сколько доходов получили, каковы их расходы, могут назвать количество произведенной продукции [216, с.238].

Полевые материалы, собранные в Нарынской области, свидетельствуют о том, что скотоводам удалось оставить позади самые трудные этапы постсоветского периода и они сравнительно лучше стали организовывать экономику своих хозяйств к началу нового XXI века, хотя это было на экстенсивной основе. Отмечалось немало фактов возвращения мигрантов, не находивших лучшего применения своим силам в городах в силу большого удельного веса безработицы и низкой квалификации. Сельчане заново по достоинству оценили ценность скота, особенно для населения тех районов, природно-климатические условия которых благоприятствуют его разведению.

Они осознали, что скотоводческий сектор может являться основной частью экономики семей. Постепенно им удалось вернуть чуть было не утраченную в годы глубокого кризиса хозяйственно-культурную идентичность [348, с. 330 – 331].

Скотоводы стали больше внимания уделять качественному составу стада, ветеринарному уходу, кормовой базе, использованию отдаленных пастбищ с сочными кормами, производству продуктов животноводства уже в других условиях, где отсутствуют государственное управление, дотации. В результате массовых распространений отдельных видов болезней скота, отмеченных в последние годы, люди научились принимать превентивные меры, чтобы хоть как-то минимизировать такое нежелательное явление, в чем не всегда проявляется оперативность со стороны соответствующих структур правительства. Появилась категория людей, специализирующихся на отдельных видах услуг (ветеринары, наемные пастухи, перевозчики скота и др.). За счет выпаса скота односельчан в теплое время года пастухи мелкого и крупного видов скота, во-первых, зарабатывают деньги, во-вторых, в их семьях занимаются переработкой молока. Топленое масло, сушеный сыр (*курут*), традиционный напиток кымыз, полученные ими, идут на продажу [137; 139]. В этой связи интересен пример памирских кыргызов у которых несколько видов сушеного сыра *курут* (*аралаш курут, хам курут, пышкан курут* и др.) имеет спрос в качестве товара [157, с. 63-77].

Издавна у кыргызов существовал запрет на продажу молока и переработанных из него продуктов, на этот счет есть даже выражение “*акты сатпайт*” (“молочные продукты не продают”), который в настоящее время уже не действует, хотя совсем еще недавно, в 1980-е годы, этого мнения многие придерживались. Время внесло свои коррективы, и теперь продажа молочных продуктов, включая кумыс, стала обычным явлением. В 2000-е годы компания “Шоро” стала покупать у скотоводов кобылье молоко для изготовления и продажи кумыса на внутреннем и внешнем рынках [100, с. 12]. Летом 2019 г. на

летнем пастбище Ичке Ат-Башинского района литр кумыса продавали по 35 сомов, а на летних стоянках сыртов Тонского района – по 15 сомов (ПЗА, июль 2019 г.). Сравнительно намного дороже продают кумыс и другие молочные продукты на тех участках, где имеются неплохие дороги и большой поток людей. Как правило, это происходит на летних пастбищах в теплое время года.

Отдельные бывшие руководители, специалисты колхозов занялись выпасом скота и их содержанием. Так, Бейшеев Аманат, проработавший зоотехником, заведующим фермой одного из ведущих хозяйств Кочкорского района, решил отдать предпочтение занятию яководством. В 1989–1992 гг. он работал управляющим фермой совхоза. В период начала распада колхозов он старался убедить жителей села отказаться от их роспуска, а продолжать работать, как и прежде, но в рамках уже компактного кооператива, так как был уверен, что так они не только смогут выжить в годы кризиса, но и будут развиваться. Однако люди, информированные о ходе набирающей обороты приватизации, не поддержали его предложение, что подтолкнуло его предпринять шаг в сторону создания крепкого частного хозяйства.

Из совместного интервью с доктором антропологии С. Жаксон стало понятно, что А. Бейшеев достиг известности в качестве яковеда и одного из богатых людей в результате его предприимчивости, смелости, своевременной и правильной оценки ситуации, связанной с тенденцией развития экономических отношений. В 1992 г. он и еще два человека проявили инициативу для содержания стада яков племенного хозяйства «Сон-Куль» в количестве 300 голов на условиях аренды.

Согласно заключенному договору, они должны были сохранять поголовье яков в целостности и упитанности, сдавать племхозу по 3% за сохранность. В эти годы от ста маток получили 89 самок. Арендаторы имели право оставить в личной собственности лишнее количество от указанного в договоре самок, если им удастся сделать это. У нашего информатора прежде всего было желание получить потомство (*тукум*), чтобы затем постепенно увеличивать количество

этого рентабельного вида скота. Однако члены небольшой группы арендаторов работали неодинаковое количество лет по уходу за поголовьем общественного стада, что отразилось потом при распределении оставшихся в их распоряжении 132 голов яка после возвращения арендованного стада общественному хозяйству. Это произошло в 2002 г. Речь идет об учете стажа работы, где один проработал три года, второй – четыре с половиной лет, а Аманат – семь лет. В результате последний по трёхстороннему согласию получил 70 яков, составивших базу для расширения. Знание тонкостей ухода за яками, рациональная организация хозяйства привели к увеличению их количества, которое, по рассказу собственника, в 2007 г. составляло около 400 голов. Интересно заметить, что численность яков этого скотовода, по мнению нескольких его односельчан, была равна не менее 600 голов (ПЗА, А. Бейшеев, с. Толок, 2007 г.). Естественно, в его хозяйстве, как и у других, имеются и другие виды скота, однако як являлся приоритетным видом, за счет которого получали основную прибыль в денежном выражении. Приведенный пример показывает, как хорошие стартовые возможности помогают в обеспечении успеха отдельным хозяйствам.

В 1990-е годы сложившейся критической ситуацией по сбыту произведенной продукции воспользовались китайские коммерсанты, покупающие шерсть, кожу, пух через местных деловых людей, выполнявших функции заготовителей за определенную плату за труд. Со временем некоторые активные женщины стали приспосабливаться к новым реальностям и занимались изготовлением стеганых войлочных ковров – *шырдак*, вязали для членов семьи и близких родственников шерстяные носки – *жун байпак*, теплые свитера.

Со становлением и с развитием экологического и этнографического туризма такие женщины начали изготавливать небольшие войлочные коврики, различные сувениры. Не всегда успешно удавалось продать свой товар, который был дополнительным источником пополнения бюджета семьи, но сам факт

активной деятельности остается положительным моментом в экономической адаптации людей к рыночным отношениям.

С начала 2000-х годов основной массе кочевников все же удается более или менее адаптироваться к изменившимся экономическим условиям. Некоторые владельцы стад пытались придать своим хозяйствам товарный характер. В современном пасторальном обществе кыргызов производство мяса, молока, шерсти, кожи, козьего пуха продолжает иметь существенное экономическое значение. Такие продукты, как скот в живом виде, находят спрос среди сельских и городских потребителей, а также на внутренних рынках. На развитие коммерциализации заметное влияние оказывали казахские и китайские предприниматели. Однако для реализации местной продукции животноводства требуется, чтобы она соответствовала международным стандартам качества, имела необходимую сертификацию, поэтому государство и местные органы власти должны провести большую работу. В этой связи стоит обратить внимание на то, что к началу 2015 г. в Монголии впервые зафиксировано более 50 млн голов скота, однако возникли другие сопутствующие вопросы, связанные с реализацией продукции животного происхождения, ветеринарным контролем, селекционной политикой [86, с. 178].

Несмотря на трудности, обусловленные недостаточностью сельхозтехники, горюче-смазочных материалов, проблемами ирригации, скотоводы стремятся развивать свое земледельческое хозяйство в целях устранения всех недостатков скотоводческого хозяйства для поддержания членов семьи, коллектива. Надо полагать, что это вполне может относиться к активному виду культурной адаптации, где происходит процесс приспособления условий среды обитания к потребностям человека [303, с. 270].

В обществе происходит углубление процесса разделения труда. Многие прилагают усилия по приданию своим хозяйствам комплексного характера, занимаясь, кроме скотоводства, огородничеством, торговлей, оказанием

различных услуг и т. д. В постсоциалистической Монголии многие семьи тоже вернулись к выращиванию картофеля, овощей в качестве дополнительного вида источника. Другие инвестировали в малый бизнес, основным направлением которого являлась торговля [320, с. 252].

Приспосабливаясь к условиям новых экономических отношений, скотоводы находили дополнительные источники пополнения бюджета семьи. В частности, уже в течение нескольких лет они практикуют передачу коней напрокат иностранным туристам. Хорошо уловившие конъюнктуру рынка туризма, отдельные семьи стремятся должным образом ухаживать за своими лошадьми, улучшают конское снаряжение, учитывая и эстетические запросы потенциальных клиентов.

Интересный пример, связанный с адаптацией к условиям рыночных отношений, встречается у ставропольских туркмен, у которых верблюд практически исчез. Однако у них традиция использования верблюда в обрядовых целях, в частности в составе свадебного поезда, сохранилась. Вероятно, учитывая это, один русский переселенец из Казахстана решил разводить верблюдов в своем фермерском хозяйстве. Занятие оказалось весьма выгодным, туркмены всего края узнали про этого фермера и арендуют у него верблюдов для проведения своих праздничных церемоний и семейных торжеств [105, с. 11]. Аналогичные примеры встречаются и в других республиках постсоветского пространства, где предпринимались попытки по переходу к рыночным отношениям.

Однако перед скотоводами стоит комплекс задач для лучшей адаптации к условиям рыночных отношений. В масштабе республики существует ряд проблем по экспорту животноводческой продукции в стабильном режиме и в больших объемах. Прежде всего здесь сказываются недостаточная конкурентоспособность, несоответствие международным стандартам контроля и сертификации, слабая ориентированность производителей на товарность.

Поэтому вполне уместно критическое мнение А.М. Хазанова, который пишет о том, что правительства некоторых стран Центральной Азии прославляют свое «кочевое наследие», но делают совсем мало, если вообще что-либо, для оказания помощи своим скотоводам на практике [329, с. XIII – XXVIII]. Интенсификация производства и использование новых технологий, освоение новых рынков сбыта, бережное отношение к экологической среде с учетом глобального потепления климата и неравномерности нагрузки на отдельные участки являются, на мой взгляд, главными. Очень важно сочетать деятельность людей с положительными нравственными качествами и традициями. А государство должно сыграть позитивную роль в этом посредством улучшения законодательно-правовой базы и рыночных механизмов стимулирования.

Думаю, Н.Н. Крадин справедливо относит страны СНГ и Монголию к «экстенсивному» характеру трансформации скотоводства после распада системы социализма. Здесь бросались в глаза значительная натурализация хозяйства, возвращение к традиционным принципам ведения скотоводства без вмешательства государства. Если для монгольского варианта были характерны относительно мягкий сценарий выхода из кризиса, а также постепенная адаптация скотоводческого хозяйства к рыночной экономике, то страны СНГ переживали более глубокий кризис и медленно восстанавливали скотоводческую отрасль [189, с.181]. Здесь уместно привести сравнительный анализ другого специалиста. Она пишет: «Часть монголов Монголии и Китая сохраняют традиционную культуру жизнеобеспечения. Определенные социальные группы бурят РФ, прошедшие несколько этапов седентаризации, в новых экономических условиях вынужденно возрождают компоненты кочевого образа жизни. Сохранению кочевого образа жизни в модернизирующемся монгольском мире способствуют традиционализм и высокоразвитая экологическая культура» [130, с. 179]. В высокогорных районах Кыргызстана за стадами стали ходить, совершать кочевку больше семей, чем при социализме, в том числе и те, которые не обладали достаточными навыками.

Какие же выводы можно сделать из изложенного? Чтобы адаптироваться к новым условиям, скотоводы высокогорных районов Кыргызстана прошли через трудные этапы транзитного периода от уравнилельных социалистических отношений с директивной экономикой к рынку, где господствуют спрос и предложение. Ликвидация социального пакета, гарантированного советским режимом, вынудила сельское население искать и найти свою нишу в новых условиях, где ключевое значение имел психологический фактор. Людям нужно было отойти от иждивенческого поведения и брать ответственность при организации хозяйства, где преуспели смелые и предприимчивые из них. Депрессивное состояние в селе постепенно сменялось на обычный рабочий ритм у абсолютного большинства сельских жителей. В культурной адаптации к новым условиям прослеживалось сочетание пассивной и активной форм. Диверсификация экономики частных хозяйств стал иметь серьезное значение в приспособлении к новым условиям.

ГЛАВА IV

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

4.1. Семья

Являясь минимальной ячейкой общества, семья продолжает выполнять значимую роль в жизни современных скотоводов. Как известно, в пределах данного социального института объединяются разные поколения людей, между которыми имеются супружеские связи, кровное родство, общие хозяйственно-экономические интересы, взаимная моральная ответственность. Выполняя биологические, социальные и бытовые функции, «семья является микросредой этнических процессов» [109, с.42].

В последние десятилетия XX века происходят заметные трансформации в семье и внутрисемейных отношениях. Результаты социологических исследований на примере молодежи показывают, что современная семья характеризуется структурной нестабильностью, происходит размывание семейных ценностей, а также изменяются функции семьи: одни исчезают, другие видоизменяются, адаптируясь к новым социальным условиям [276, с.7]. Характерны ли такие перемены и для семей скотоводов? В контексте объекта нашего исследования следует отметить, что изменения не могли не происходить и в семьях агропасторальных обществ. В целом они детерминированы социально-экономическими, культурными процессами постсоветского этапа развития как в Кыргызстане, так и за его пределами. Возросшие потребности, размытость границ, глобализация, быстрое развитие и распространение современных средств коммуникации, изменение социальных ценностей у многих людей и ряд других факторов оказали на семью и их членов сильное влияние. Изменения коснулись состава, внутренних отношений, материального положения и т. д. Однако все же традиционные супружеские обязательства, стабильность брачных связей остаются довольно устойчивыми.

У современных скотоводов одним из распространенных типов является малая нуклеарная семья, которая имеет глубокие исторические корни. Она была одним из характерных типов семьи древних, средневековых кочевников и кыргызов нового времени [68, с. 212; 118, с.14; 281. с. 56]. Об этом же можно говорить применительно к советскому периоду [176, с. 12]. В структуру указанного типа семьи, отличающегося меньшим размером в численном отношении, входят родители и их несовершеннолетние дети. Однако могут быть и взрослые дети, достигшие брачного возраста. Нуклеарная семья, как и другие виды минимальной ячейки общества, выступает в качестве отдельной социальной и хозяйственной единицы. При этом здесь следует обратить внимание на то, что могут быть и такие семьи, которые живут отдельно от родителей и братьев в своих жилищах, обставленных необходимыми мебелью и бытовыми предметами, но еще не ставшие вполне самостоятельными. Потому что они еще не получили выделенное наследство *энчи* в виде скота из общего стада и другого имущества из отцовского дома с соблюдением традиций.

Рассмотрим это на конкретных полевых этнографических материалах. Семья Мелиса Мамбетова, типичного современного скотовода из с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района, включает, кроме него, супругу Астру, двух дочерей. В 2006 г. они закончили строительство своего дома и справили новоселье, получили от родителей выделенное для них имущество в виде войлочных ковров, матрасов и других предметов домашнего обихода. Постепенно они стали прилагать самостоятельные усилия по улучшению своих материально-бытовых условий. В то же время Мелис не получил в собственность свою долю в виде скота, который содержится в общем стаде под управлением отца. Именно последнее объективно не дает возможности указанной семье обрести полную самостоятельность, формировать и расширять собственное стадо. Супруги занимаются воспитанием детей, домашним хозяйством. Однако экономическая деятельность их связана с «большой семьей», в рамках которой организуются вопросы, связанные с разведением скота, возделыванием доли земельных наделов, составляющих недвижимое богатство этой семейной группы

(*үлүш жер*). Родители Мелиса играют важную роль в воспитании его детей в силу того, что часто бывают вместе и едят из одного котла. В холодные зимние месяцы, когда скот находится в стойле, отцовская семья и выделенные дети занимаются своими делами автономно, что не означает полной самостоятельности в принятии важных решений. Внуки часто ходят в главный дом не только из-за материальной надобности, но и эмоциональной привязанности к бабушке, дедушке.

Другой же вид семьи рассматриваемого типа связан с образованием самостоятельного домохозяйства после получения выделенной доли скота из отцовского стада. Члены такой семьи самостоятельны в организации своей хозяйственной деятельности, распоряжении богатством, налаживании социальных связей, тогда как первые находятся в относительно зависимом положении. Исходя из сказанного следует различать экономически самостоятельный и зависимый виды нуклеарной семьи.

В Алайском районе распределением семейного стада в первые годы суверенитета занимались по традиции в абсолютном большинстве случаев главы семей. На основе обычного права он мог подойти к этому вопросу дифференцированно. Обычно младший сын оставался вместе с родителями и после женитьбы. Следовательно, удельный вес его стада после выделения других взрослых детей был больше. Долю, выраженную имуществом и скотом, здесь давали преимущественно сразу же после того, как женатые дети переходили жить в другое место. Так, М. Бекташев получил в качестве наследства от отцовского стада одну лошадь, одну корову, по пять овец и коз. А мать его передала снохе несколько предметов домашнего обихода (кошмы, одеяло, посуду и др.) (ПЗА, 1998, с. Корул Алайского района). Сегментированные семьи, выполняющие весь комплекс социальных, хозяйственных, культурных функций, переходят на новый уровень в отношениях с отцовским домом. Они должны становиться самостоятельными в принятии решений, в том числе по хозяйственным вопросам.

У современных кочующих скотоводов численный и структурный состав семьи может меняться в зависимости от сезона. В особенности это характерно для теплого периода года. С наступлением весны на соответствующие стоянки со стадами обычно уходит брачная пара. Если у них имеется грудной ребенок, обычно берут с собой, тогда как дети школьного возраста остаются с другими близкими родственниками. На весенних пастбищах такие малые семьи занимают давние стойбища, где живут в построенных в советское время или в годы независимости стационарных домиках.

В летнее время часто можно видеть неполный состав семей, которые отправляются на пастбища. В то же время недостаток в рабочей силе нередко компенсируется за счет боковых родственников, главным образом, из числа детей школьного возраста, приехавших на летние каникулы. Они принимают участие в выполнении определенных видов работ (присмотр за стадами, подготовка дров, помощь в доении кобыл и т. д.). Таким образом, они совмещают отдых с помощью скотоводам. На летние стойбища к родителям приезжают дети, обучающиеся в школе, а иногда и родители. В результате численный и поколенный состав семьи расширяется. Нередко вместе с ними проводят летний сезон дети родственников. Так, в частности, родители Мелиса живут с ними, занимая отдельную юрту в местности Тепши на Сон-Куле, до момента их перекочевки на осеннее пастбище (*орто жайлоо*) Ак-Сай, куда перегоняют скот с наступлением холодов в альпийской зоне. По календарю это соответствует обычно началу сентября, когда отец и мать Мелиса с внуками спускаются в деревню. По нашим наблюдениям, в 2001–2009 годы на летние каникулы регулярно приезжал и жил вместе с этой семьей сын старшей сестры из Чуйской долины. Ему не сложно было интегрироваться в семью родственников и жить здесь каждое лето не менее двух месяцев, оказывая в силу своих способностей помощь в хозяйственных делах.

В соседней деревне Куртка небольшая часть мужчин занимается скотоводством. На высокогорных летних стойбищах они живут в основном в войлочных юртах. Их жены занимаются заготовкой молочных продуктов. Дети

школьного возраста также присоединяются к своим отцам, приезжают к дядям или другим родственникам-скотоводам на летние каникулы [311, с. 35].

Таким образом, в течение такого промежутка времени рассматриваемая семья включает в свой состав представителей трех поколений, т. е. одна семья временно объединяет другую семью. Однако численное и поколенное расширение в летний период не может считаться присущим для большинства семей современных кочевников. На летних стойбищах можно видеть и небольшие семьи, которые состоят только из двух колен.

С перекочевкой на осенние пастбища состав семьи скотоводов также претерпевает изменения. Обычно в это время в большинстве случаев родители пастушеской семьи спускаются вниз в село. До освобождения посевных площадей вокруг населенного пункта от урожая муж, жена, иногда и дети дошкольного возраста остаются со стадами на только что прикочевавших осенних стоянках. В таком составе они проводят около одного месяца, а затем спускаются в деревню, где возвращаются в свои стационарные жилища. Дети же, обучающиеся в школах, возвращаются в село часто прямо с летнего стойбища, поскольку им надо готовиться к учебе. В начале учебного года такие дети живут временно у дедушек, бабушек или других близких родственников. Когда же спускаются в село свои родители, дети переходят жить к ним. В целом так меняются структура, количественный состав семьи большинства современных скотоводов в течение календарного года.

У скотоводов высокогорных районов Кыргызстана неразделенная семья была широко распространена в традиционную эпоху. Термин “неразделенная семья” в этнографической литературе употребляется как для определения позднего подтипа большой патриархальной семьи, так и для обозначения особого ее типа [251, с.5 – 6]. У кыргызов неразделенная семья в той или иной степени внешне напоминала большую патриархальную семью. Однако при внимательном наблюдении прослеживались различия, связанные с уменьшением количества брачных пар, представителей разных поколений, сокращением в ее составе до минимума женатых родственников, что позволило

сократить и общий размер неразделенной семьи. Такие семьи включали, как правило, брачные пары двух поколений и отличались от предшествующих также тенденцией развития, характером внутрисемейных отношений, социальной значимостью, что было обусловлено динамикой экономического, социально-культурного роста. Длительное бытование неразделенных семей в пережиточной форме, по мнению С.М.Абрамзона, “являлось в известной мере экономически более оправданным, чем существование малой семьи” [67, с. 31–32]. Скорее всего, неразделенную семью следует рассматривать как промежуточную, или переходную, между большой патриархальной и малой, выделяя ее при этом в самостоятельный тип семьи.

На летних пастбищах Тарагая пастухи стада преимущественно состоят из двух поколений. Старшие 60 – 75 лет являлись животноводами колхозов. Молодые (23 – 32 лет) никогда не работали в колхозе, но они очень часто являются детьми пастухов. В первом случае на летнее стойбище приезжают старая пара и их сын с женой. Во втором случае речь может идти о нуклеарной семье (муж, жена и их дети). На время к ним приезжают визитеры из села и дети, находящиеся на каникулах [322, с.233]. Таким образом, происходят изменения, влияющие на численный, структурный состав семей. Обычно это временное и сезонное явление.

В состав современных неразделенных семей включают главу семьи с его женой, женатого сына и сноху (иногда две такие пары), неженатых сыновей и незамужних дочерей, внуков. Их объединяют общие кровнородственные генеалогические, брачные связи, дом, где они живут совместно, хозяйственно-экономическая деятельность, направленная на развитие общего богатства. Несмотря на характер трудовой деятельности отдельных его членов в государственных или частных структурах, их усилие направлено также на укрепление качественного и количественного состава семейного стада. Это вполне естественно, поскольку члены таких семей живут под одной крышей и питаются из общего казана. Вспашку, посев, полив, уборку урожая и другие виды работ, связанных с обработкой земельных наделов, организацией деятельности

по разведению скота, проводят сообща. Члены такой семьи имеют общее стадо, увеличение размера которого может положительно отразиться на выделении отцовского наследства в виде *энчи* между женатыми сыновьями. Однако следует отметить, что случаи, когда неразделенные семьи с двумя женатыми сыновьями проживают вместе, в современных условиях очень редки.

В неразделенной семье властными полномочиями обычно обладает отец, считающийся главой этой общности и имеющий влияние, в том числе на женатых сыновей. Поскольку взрослые дети находятся в определенной зависимости от отца, то это сказывается даже в налаживании социальных отношений с другими семьями. Так, например, чтобы принять участие во взаимопомощи или в преподнесении даров сын может взять ягненка только с разрешения отца.

В пределах данного типа семьи выполняются все функции минимальной ячейки общества. Если в воспроизводстве потомков участвуют женатые сыновья со своими супругами, то в воспитании детей, кроме них, активность проявляют члены семьи, представляющие старшее поколение. Мы становились свидетелями, как много времени проводят дети с дедушками и бабушками. Это имеет значение в трансмиссии традиционных культурных ценностей и обеспечении исторической, социальной памяти. Дети, растущие в такой среде, по мнению респондентов, отличаются многими положительными человеческими качествами. Они обычно уважительно относятся к старшим, трудолюбивы, отзывчивы.

К типу неполных относятся те семьи, где отсутствует один из супругов по причине смерти или развода. В таких семьях, где формальной главой выступают вдовы, на которых ложатся вопросы, связанные с организацией жизни и быта, заметную роль играет один из сыновей. Часто в таком качестве выступает старший сын. Однако ныне это не является обязательным правилом, что дает возможность реализовать свои лучшие организаторские качества другому, младшему по возрасту сыну. В случаях, когда такие дети остаются сиротами в юношеском возрасте, они быстро начинают осознавать личную

ответственность и долг перед другими членами семьи. Их социальное развитие значительно опережает биологическое [135, с.126–127]. С ним начинают считаться близкие и дальние родственники, односельчане. Обычно в таких случаях матери способствуют выдвиганию сына на передний план в социальных отношениях с родственниками. При этом она дает нужные советы.

Таким образом, в современных условиях минимальная ячейка современного пасторального общества горных районов Кыргызстана состоит как из малой нуклеарной семьи, так и неразделенного ее типа, состоящего из двух–трех колен. Сегодня редко можно встретить семьи, представленные большим поколенным составом с общим хозяйством и общим котлом. На уменьшение численного, поколенного состава оказывают ощутимое влияние демографические факторы, миграция, урбанизация. Обращая внимание на проблемы, связанные с семьей кыргызов в постсоветское время в масштабе республики, мы видим доминирование малой семьи. Как пишет А.С. Кочкунов, «по данным переписи населения 1999 г., нуклеарные семьи у городского населения Кыргызстана составляли 68,8%, у сельского – 69,9% к общему числу семей» [196, с. 519].

Полевые этнографические материалы показывают изменения во внутрисемейных отношениях, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами. По большому счету сама динамика развития общества естественным образом приводит к процессам трансформации, которая отражается в институте семьи. Доступ к ресурсам современных достижений коммуникаций, возможность общаться с туристами, приехавшими из стран дальнего зарубежья, находясь на высокогорном пастбище, процессы аккультурации, отраженные главным образом в устройстве и совершенствовании жилищно-бытовых условий, отход от иждивенческой психологии и стремление не отставать от других в неформальной конкуренции влияют на развитие инициативности многих членов семьи. В большинстве случаев это приводит к развитию тенденции в сторону индивидуализации сознания, следствием которого становится и обособленность отдельных семей от родственников.

Прослеживаются изменения в ценностных ориентациях как старших, так и младших членов семьи. Здесь часто главной социальной ценностью выступают материально-финансовые богатства, на преумножения которого направлены основные усилия членов семьи. При этом в нередких случаях можно наблюдать, как это негативно отражается на морально-нравственных качествах: чувство коллективизма, солидарность между родственниками, поддержка в трудных обстоятельствах в большинстве случаев не стали носить бескорыстный характер. В прошлом члены семьи тоже учитывали свои интересы, однако общественное сознание, нормы социальных отношений и поведения выступали сдерживающими рычагами. Кстати, исследования социологов показали, что элементы дестабилизации внутрисемейных отношений (конфликтность, разводы) к началу 1990-х г. привели к преобладанию нуклеарных семей, не отличающихся большой стабильностью у сельских кыргызов [292, с.7]. Разделяя мнение автора, добавим, что на современном этапе развития кыргызская традиционная семья также ощутила негативное влияние процессов глобализации, а также фактор частной собственности. Тем не менее брачные связи скотоводов все-таки отличаются сравнительной прочностью.

У современных скотоводов отец по традиции обладает огромным авторитетом, с его мнением по-прежнему считаются все члены семьи. Мы имеем конкретные примеры зависимости женатых сыновей, имеющих по двое–трое детей и живущих отдельно, от мнения отца. Члены семейно-родственной группы в таких случаях находятся под контролем главы семьи. В семьях, где почитаются давние традиции предков, согласно представлениям людей, будущее детей может быть успешным, если они подчиняются воле родителей. У детей, ослушавшихся отца, не будет счастливой жизни. Такое поверье выражено и в поговорке *“Ата каргышы – ок”* (“Проклятие отца – пуля”). Часто дети по тем или иным причинам свои предложения передавали через мать [211, с. 12]. В наше время такая традиция еще сохраняется. Отцу принадлежит последнее слово в решении всех принципиальных вопросов. С другой стороны, этому способствует совместная организация хозяйства с четким разделением

обязанностей, где одни заняты в скотоводстве, другие – в выращивании сельскохозяйственных культур и заготовке кормов.

Дети в таких семьях даже соглашаются с мнением отца в политических вопросах, в частности, при выборе главы сельской управы, депутатов. В указанных семьях часто заметную роль играют супруги главы семейно-родственной группы, которая постоянно призывает своих детей и снох соблюдать семейные традиции, почтительно относиться к родителям, подчеркивая при этом положительные качества их отца как лидера в семье. В результате в этой социальной ячейке делаются конкретные шаги по поддержанию авторитета и высокого социального статуса главы семьи в обществе.

Авторитарная власть отца в семье, таким образом, основана на сочетании его реального авторитета и искусственно созданного положительного образа. Неукоснительное соблюдение традиций, связанных с нормами поведения у предков, хорошее сохранение архаических элементов культуры, устойчивость брачных связей являются характерными чертами таких «больших семей». Иногда в подобных семьях дети не отличаются самостоятельностью, готовностью брать на себя ответственность за все хозяйство, хотя в последние годы законы рынка вынуждают проявлять расторопность. Недостаточная готовность сыновей взять роль хозяина после смерти отца в патриархальных семьях наблюдалась у современных казахов [218, с.13].

Тем не менее я не склонен считать, что такие тенденции будут носить преобладающий характер. Нередко после кончины родителей центр принятия решений перемещается из отцовского дома к выделившимся семьям, где в большинстве случаев учитываются мнения супруги, детей. Особенно это касается имущественных отношений и вопроса преподнесения подарков. Встречаются случаи, когда один из братьев исполняет роль лидера семейно-родственной группы, консолидирующего родственников, особенно в организации праздников и при кончине близких (*жамандык-жакшылықта*).

Однако частные интересы, обусловленные, кроме прочего, изменениями форм собственности, видимо, будут преобладать.

В наши дни некоторые молодые члены семьи стали более раскрепощенными и ведут себя свободно в общении со старшими, нередко высказывая свои взгляды, иногда отличающиеся с точки зрения родителей. Проявляя инициативность, они сами диктуют условия в принятии важных решений. Особенно это относится к молодым людям, играющим заметную роль в улучшении материально-бытового положения семей. Вероятно, это связано с тем, что активные взрослые дети находят пути улучшения количественного и качественного состава стада, не рассчитывая только на отцовское наследие. Они приносят ощутимую экономическую пользу, с чем не могут не считаться другие члены семьи.

Тем не менее в семьях современных скотоводов Нарынской области все еще неплохо сохранены многие старые традиционные нормы поведения, характерные для отцов и дедов. Незыблемой во многих семьях остается роль отца как главы семьи и организатора экономических вопросов, к мнению которого прислушиваются и выделившиеся в отдельное домохозяйство дети. Отец взрослых детей продолжает играть значимую роль в установлении социальных связей для своих детей, выступая в качестве авторитетного медиатора.

В зависимости от размера стада в частной собственности семьи скотоводов можно классифицировать на богатых, средних и бедных. Первые из перечисленных обычно кочуют по сезонным пастбищам главным образом со своим скотом. Иногда в стаде таких семей нередко имеется несколько голов разного вида скота своих выделенных детей, братьев и сестер. Некоторые из крупных хозяйств берут на определенное время наемных пастухов. Наличие больших стад вынуждает членов семьи быть рядом со скотом круглогодично. В соседнем Казахстане в конце 1990-х – начале 2000-х годов богатые хозяйства состояли «из нуклеарных или расширенных семей, включающих только близких родственников (отцов с детьми, реже родных братьев)» [286, с.52].

Кстати, к числу постоянно занятых в скотоводстве семей следует отнести также членов хозяйств коллективного типа. Например, это было характерно для семей овцеводов и яководов семеноводческого производственного объединения «Айкол» Тонского района, которые больше времени года проводили в горной долине Арчалы.

Часть семей у современных скотоводов со средним по размерам хозяйством совершают кочевку на летние пастбища, тогда как другие не всегда вовлечены в процессы выпаса стада. Особенность места расселения и расстояние до летних пастбищ оказывают существенное влияние. Мы убедились в том, что семьи со средним размером хозяйств, относительно близко расположенные к пастбищам, в абсолютном большинстве случаев кочуют, тогда как такого же типа семьи, живущие далеко от пастбищ, предпочитают отдавать скот на выпас другим за оплату по договоренности.

Семьи, владеющие всего лишь несколькими поголовьями скота, либо отдают скот на выпас в теплое время года, либо держат у себя, участвуя в поочередном выпасе сформированного с соседями стада. В плане компаративного анализа интерес представляет исследование А. Алтансана на материалах Монголии. Имеющиеся сведения позволили автору выделить такие категории, как: семьи со скотом, скотовод, скотоводческая семья [308]. Кыргызы горных районов республики, независимо от вида трудовой деятельности членов семьи, повсеместно разводят скот, что позволяет отнести их в первую категорию предложенной классификации. Что касается скотовода и скотоводческой семьи, они взаимосвязаны. Скотоводом вполне может считаться, по нашему мнению, глава домохозяйства, активно занимающийся повседневными делами по организации ухода за своим стадом и его выпаса. К его числу следовало бы отнести также работников, нанятых для выпаса разных видов скота на сезонных пастбищах. Некоторые богатые хозяйства с большими стадами нередко стали использовать наемных пастухов круглогодично.

Не все семьи со скотом кочуют. Большинство из них остаются в селе и в летний период, отдавая овец, лошадей и других животных на выпас.

Скотоводческая семья же обязана совершать сезонные перекочевки, поскольку производительная деятельность, а следовательно материальная заинтересованность, зависят не только от заготовленного фуража и зооветеринарного обслуживания, но и своевременного использования подножного корма с учетом вегетации растительного покрова.

В скотоводческих хозяйствах могут работать как отдельные наемные работники, так и часть членов другой семьи, часто брачные пары. Муж занят выпасом стада, чисткой загонов, а супруга – дойкой молочных животных. В уходе за молодняком часто задействованы оба. Таким образом, они зарабатывают для своей семьи в условиях недостаточной альтернативы трудоустройства в сельской местности.

В советское время не все животноводы колхозов и совхозов обращали должное внимание на жилищно-бытовые условия для членов своих семей, находящихся в селах. Нередко их дома и приусадебные участки оставались не ухоженными, так как сами владельцы постоянно находились на сезонных пастбищах. Немало детей школьного возраста чабанов, коневодов, яководов жили у родственников или в интернатах. В долине Толок основной частью жилищного фонда являлись казенные дома барачного типа. Доля таких домов, по признанию А. Бейшеева, в 2007 г. все еще составляла около 40%. Только в первой половине 1990-х годов люди получили земельные участки для строительства индивидуальных стационарных жилищ. До этого не все животноводы имели свои дома (ПЗА, А.Бейшеев, с.Толок Кочкорского района, 2007 г.).

Иногда бросается в глаза социальная проблема, связанная с образованием, повышением общего культурного уровня личности, на что обратили мое внимание некоторые информаторы. Так, один из них отметил, что *“некоторые семьи только знают, как ухаживать за скотом, ходят за стадами, не придавая значения обучению детей. У меня есть близкий родственник, который постоянно находится в горах рядом со стадом, толком не поддерживает связи с односельчанами, родственниками. Его можно редко видеть и на различных*

семейных праздниках и траурных мероприятиях” (ПЗА, инф. Ш. Мокеев, 1949 г.р., с. Көк-Жар Кочкорского района, 19.01.2006 г.). Видимо, для такой категории людей стада животных и пастбища становятся одними из главных ценностей. Они чувствуют себя привольно в горах, чем в селах, не говоря об урбанизированных поселках и городах.

Подводя итоги, нужно отметить, что в семьях современных скотоводов сравнительно устойчиво сохраняются преемственность социально-культурных традиций и хозяйственных навыков, народные черты в воспитании детей, организации экономической жизни, имущественных отношениях и т. д. Структура, численный состав кочующих со стадами семей может меняться в зависимости от годового цикла. Дети с ранних лет приобщаются к трудовой деятельности и приобретают хозяйственные навыки скотоводов. Отдельные богатые семьи, имеющие большое хозяйство, нанимают пастухов, работников для заготовки сена, выполнения других работ. Многие семьи, активно вовлеченные в скотоводческое хозяйство, в холодное время года остаются в деревне. С наступлением тепла они переселяются в находящиеся вдали от села домики на весенних стойбищах, а летний сезон проводят в переносном традиционном жилище – юрте. Встречаются и такие семьи, где часть ее членов круглогодично находится на высокогорных пастбищах, тесные связи с близкими родственниками которых поддерживаются посредством детей, обучающихся в школах.

4.2. Соседские и родственные связи

Изменения в формах собственности, землепользовании, в том числе касающиеся пастбищных ресурсов, введенные нормативно-правовыми документами, оказали непосредственное влияние и на характер хозяйственных, социально-культурных связей сельского населения. В этом плане научный

интерес представляет то, как новые жизненные реалии отражаются на родственных и соседских связях.

Если учесть то, что в социальной организации кыргызов коллективное начало всегда играло огромную роль в их жизни, можно понять значение стабильных социальных, хозяйственных связей между соседями и родственниками современных пастухов. В традиционном кочевом обществе кыргызов пользование пастбищными ресурсами, обеспечение безопасности и родственная солидарность объединяли группы семей в айыльные кочевые общины [68; 152, с.206; 194; 221, с.65 – 73; 235, с. 51 – 60; 205; 237, с. 24 – 52; 284, с. 231 – 242]. В айыльные общины входили частные собственники скота, объединенные прежде всего совместным использованием кочевьями и пастбищами, где производство и присвоение продуктов носили индивидуальный характер, тогда как вопросы кочевания и пользования пастбищами строились на общинном принципе. В общине «экономические отношения были основаны на частной собственности на скот и совместной эксплуатации пастбищ» [68, с. 201; 235, с.53].

Малые кочевые общины включали в свой состав «не только агнатов и их семей, но и когнатов, свойственников и лиц, связанных лишь дальним родством» [284, с.235]. В рамках такой общности осуществлялись совместное кочевание, защита стада от посягательств, выполнялись общие хозяйственные задачи. В расширенной общине, где совместно использовались пастбищные и водные ресурсы, имелись «тесные производственные, социальные и бытовые связи, широко практиковалась материальная и трудовая взаимопомощь» [196, с. 246; 284, с.235].

Являясь одним из основных традиционных институтов, община играла ключевую роль в определении темпов и направлений как хозяйственного, так и общественного развития. И это было вполне естественно, если учесть, что община проявляла себя во всех сферах общественной жизни: от семейно-бытовых до экономических и социально-политических. Наряду с семьей и племенем институт общины выступал в качестве базовой социальной структуры,

на которой зиждилась вся система общественных отношений [134, с. 133]. В то же время община никак не могла оставаться в неизменном виде и сохранять свою устойчивость в характере, составе и т. д. Данный институт начал претерпевать существенные изменения с момента перехода к оседлому образу жизни и коллективизации. Глубокие трансформации, происходящие в конце XX – начале XXI века, следовало бы отнести к очередному этапу, где происходит немало изменений в социальных отношениях в условиях транзитного периода.

Расселение кочевников-кыргызов в период перехода к оседлости в конце XIX – начале XX века в основном носило патронимический характер, где дети одного отца стремились строить свои дома и хозяйственные постройки рядом друг с другом. «Малая плотность населения, рассредоточенность строений, патронимический характер расселения, наличие в родовом составе «инородцев» являлись общей чертой кыргызских поселений в 20-е годы XX в., жители которых имели между собой тесные экономические, социальные связи, составляя общину оседающих скотоводов» [151; 196, с.252; 249]. Тем не менее территориальные связи между соседями не были всегда основаны лишь на родстве. Со второй половины 1930-х годов с планированием новых элементов поселений и появлением улиц «население состояло из представителей различных микроэтнических единиц», что говорит о смешанном характере расселения [225, с.10]. Этнограф Б. Алымбаева пишет: «Размеры кочевых поселений определялись не этническими традициями, а хозяйственной необходимостью. Аилы не представляли собой компактных поселений. Это были небольшие группы жилищ, удаленные друг от друга на значительные расстояния. Этнический состав этих поселений в основном был однородным» [78, с.69]. Если суммировать выводы указанных авторов, убеждаешься в наличии сочетания однородного и разнородного состава соседей, которые были свойственны поселениям.

В культуре кыргызского народа сосед испокон веков является значимым субъектом в общественных отношениях. Проживая на одном месте, соседи так или иначе могут иметь человеческие, хозяйственные, имущественные,

культурно-бытовые и прочие связи. Расселенные рядом семьи могут часто встречаться, кооперироваться во временные трудовые коллективы, организовывать совместные мероприятия. В наши дни они пользуются общими пастбищными угодьями и магистральными ирригационными каналами для полива огородов, пьют питьевую воду из одной колонки.

В осеннее и зимнее время во многих селах организуется поочередный выпас скота. Согласно неписаному правилу, ответственность за сохранность поголовья, сформированного на дневное время суток в общее стадо из мелкого скота соседей, несет человек, выпасавший его. Это – давнее общепринятое нормативное право среди жителей деревни. В случае потери скота какого-то члена трудового коллектива он должен возместить убытки. Помимо сохранности поголовья, участники трудового коллектива обязаны хорошо пасти отару. К вечеру скот должен возвращаться с пастбища в деревню сытым.

Среди кочующих скотоводов в настоящее время имеются группы семей, проводящие лето со своими стадами на пастбищных пространствах, получивших название *орто жайлоо*, расположенных на субальпийских и еще более нижних зонах. Представляет несомненный интерес социальная организация таких небольших групп скотоводов, формирование которых происходит естественным образом на летний период. Их объединяют прежде всего хозяйственные интересы, связанные с совместным выпасом скота. Группы из нескольких семей, среди которых могут быть родственники, расселяются на летней стоянке, на одном пастбище, переносные жилища которых расположены совсем недалеко друг от друга. Между собой они сохраняют тесные соседские связи. Поскольку в состав данного коллектива входят жители одного села, они стараются поддерживать отношения и после того, как возвращаются в деревню с наступлением осени. Н.Н. Крадин обратил свое внимание, кроме прочего, на характер соседских связей у современных скотоводов-тувинцев на летних пастбищах. На основе наблюдения, проведенного в 2008 г. в Эрзинском кожууне, ученый пишет: «Отношения между чабанами добрососедские, чужих сразу

замечают. Если потерялись животные, сразу помогают друг другу найти» [190, с.13].

В местности Ат-Кулак, расположенной в зоне субальпийского пояса, девять семей скотоводов из села Кадыраалы Ак-Талинского района объединены в такую группу. Ими были сформированы два стада из мелкого скота, находящиеся в индивидуальной собственности отдельных семей, которые выпасали по очереди. В среднем в каждом домохозяйстве имеется 20–30 голов овец и коз, не считая крупных животных. Ими устраивается в летний период поочередное коллективное угощение – *шерине*, они помогают в выпасе и присмотре стада в случае временного отсутствия кого-нибудь. Другая группа такой временной соседской общины, состоящей из скотоводов деревни Кара-Ой, обычно перегоняет свои стада на пастбище Сары-Иймек, где выпасают их до наступления прохладного периода года. Односельчане называли их *жатакчы* с чем согласны были и они сами, хотя такая идентификация указанной группы носит условный характер, если учесть то, что в традиционном обществе в такую категорию входили бедные проводившие лето на зимовках. Члены таких групп, как и в далеком прошлом, спускаются в деревню время от времени, чтобы выполнить в нужное время агротехнические работы на своих обрабатываемых земельных участках.

На пастбищах размер общин, занимающих один кочевой участок, отличается малочисленностью членов, входящих в его состав. Кроме того, такие общины можно было бы характеризовать как сезонные, так как с наступлением очередного периода годичного природного цикла их состав претерпевает изменения.

Обычно между соседями устанавливаются близкие дружеские отношения, они оказывают поддержку друг другу в трудных жизненных ситуациях. В связи с этим необходимо отметить, что в высокогорных районах республики и в наши дни остается актуальной давняя пословица «*Алыскы туугандан, жакынкы кошуна*» (“Сосед ближе, чем родственник, живущий далеко”). Образуя соседско-территориальную общину, люди нередко совместно проводят календарные

праздники, обряды жизненного цикла, как это практиковалось еще в прошлом [196, с.250]. По информации А.Исмаилова (1929 г.р.), значительную часть населения села Төлөк составляют выходцы из местности Ак-Кыя. В родоплеменном отношении они принадлежат ветвям *Шамен уулу, Отонтой, Каратон*. Он напомнил такие пословицы, бытовавшие у предков, ориентирующие людей на поддержание социальных отношений: «*Эки бээлүү эл сактайт, жалгыз бээлүү жан сактайт*» (имеющий двух кобылиц народ кормит, а имеющий одну кобылицу себя кормит), «*Атаңдын акысынан кошунаңдын акысы артык*» (Соседу больше причитается чем отцу). Будучи ревностным приверженцем народных традиций, он всегда раздавал соседям куски мяса – *шыралга*, когда сын возвращался с удачной охоты с подстреленной добычей. Однако, из-за того что у них пропали две охотничьи собаки в 2007 г., его сын не ходил на охоту. Вследствие этого, как он сказал, давно уже не пробовал мясо дичи. Обычно к этому времени он уже успевал угостить мясом дичи (*кийик*) соседей и родственников. Из этого примера видно, что человек, как представитель старшего поколения, почитающий традиции предков, всегда старается поддерживать социальные связи, в том числе и посредством устройства коллективного угощения или раздачи кусков мяса дичи по обычаю охотников (ПЗА, Кочкорский район, долина Төлөк, 08.06.2007 г.).

Давние соседские связи нередко сплачивают людей, между которыми устанавливаются искренние, доверительные отношения. В этой связи внимания заслуживает исследование Л.Ф. Поповой о родственных отношениях среди казахов. Очень часто, по ее мнению, “дружественные и родственные отношения приобретают оттенок родственных” [240, с.49]. Между близкими соседями и всеми жителями с. Толук существует материальная взаимопомощь. Иногда люди могут внести больше фиксированной доли. Так, по информации группы собеседников, в течение одного года один за другим умерли старик и его жена. Поскольку у них не было детей, которые могли бы нести основную часть расходов при проведении погребально-похоронных ритуалов, жители села большую часть брали на себя (ПЗА, с.Толок Кочкорского района, 08.06.2007 г.).

Иногда богатые соседи оказывают поддержку бедным семьям, выделяя им скот, другие материальные ценности. Часто это выражалось в предоставлении нескольких голов маточных овец на определенный период, чтобы бедным семьям досталось после окота несколько голов молодняка. Встречаются случаи, когда владельцы богатых хозяйств раздают бедным семьям по ягненку. Если одни бедные семьи используют с выгодой для себя указанные виды помощи и пополняют собственные стада, то другие оказываются менее успешными.

Кстати, в первой половине 2000-х годов у тувинцев, проживающих в поселках, бедность не считалась пороком. Отчасти она компенсировалась взаимопомощью односельчан, часто доводящихся друг другу родственниками. Так повелось, что человек в поселке, а тем более в чабанской стоянке, никогда не оставался один без еды и мог рассчитывать на помощь сородичей. Интересно отметить, что исследование в Монгун-Тайгинском кожууне показало негативное отношение к богатым и богатству вообще [269, с.112-113].

Однако в настоящее время общинное сознание постепенно утрачивает свою доминировавшую в прошлом позицию. С признанием разной формы собственности и распределением общественного имущества и скота населению у людей постепенно стали преобладать личные интересы. Коллективное сознание до этого всегда было сильным, в том числе под влиянием колхозно-совхозной формы собственности. Одновременно это было выгодно для решения индивидуальных, частных интересов [239]. Если раньше у соседей можно было легко занять скот, деньги, фураж, строительные материалы, то в постсоветское время это стало намного сложнее. Такие продукты питания, как молоко, мука, и другие в небольшом объеме давали соседям просто, «за спасибо». Теперь же и такие продукты, произведенные в личных подворьях, во многих случаях продаются, что говорить об изменении экономических отношений между соседями, направленных на извлечение материально-финансовой выгоды в интересах семьи. Ныне редко стали помогать друг другу в хозяйственных делах, требующих рабочих рук, техники. В этом контексте сравнительный интерес представляют наблюдения исследовательской группы под руководством С.

Панарина в Тункинском районе Бурятии. Здесь в подсобных хозяйствах в первую очередь полагаются на помощь колхоза, нежели родственников и соседей, хотя взаимопомощь между последними существует, где семьи обмениваются трудом и готовыми товарами [287, с.180]. Следует отметить при этом, что в Бурятии продолжали функционировать колхозы с технологическими возможностями, которыми пользовались крестьяне, тогда как в Кыргызстане такого рода коллективные хозяйства были быстро ликвидированы. Как показали результаты исследования Л.Ф. Поповой, в 2007–2012 гг. в сельском обществе Кыргызстана «владельцы торгового капитала в соответствии с архаическими представлениями о необходимости делиться богатством как общественным ресурсом для сохранения своего авторитета помогают односельчанам денежным кредитом, выделяют товары в долг и т. п.» [241, с.183]. Вероятно, здесь определяющий фактор предоставления кредита – не только стремление повысить свой статус, но также сугубо экономические интересы.

Тем не менее традиционные отношения между соседями, основанные не на купле-продаже, продолжают сохраняться в некоторых селах Нарынской области. Так, наш информатор П.Осоева говорила, что в селе Чоң-Дөбө Жумгалского района в начале 2000-х годов часто брали хлеб, молоко на безвозвратной и бесплатной основе (ПЗА, с. Кочкор). В отличие от них в селе Толук такие отношения не стали реальностью сегодняшнего дня, где каждая семья сама покупает нужные продукты питания. Если в первом примере мы видим сохранение элементов старинных форм одолжения, то во втором – влияние новых экономических отношений с частнособственническими интересами.

Следует отметить, что в горных районах, где местные сообщества лучше сохранили традиционные социальные отношения, не только родственные, но и соседские связи все еще продолжают оставаться жизненно важными. Немало богатых семей, для которых социальные и культурные ценности считаются значимыми, стараются приложить усилия по установлению устойчивых хороших отношений с соседями. Во многих селах страны, включая

высокогорные, соседи в весеннее время проводят ритуал *тулөө*. Среди представителей южных районов его называют также *кудайы*, религиозный аспект которого среди узбекского населения, характерный для последних лет перестройки, был проанализирован в материалах исследований [63, с. 155 – 179]. В селе Корул Алайского района автор настоящей работы и французский антрополог А. Буржо в 2008 г. участвовали в таком же ритуале, проводившемся, однако, осенью. Старик Абдыманап сказал нам, что кудайы они отмечают вместе с соседями два раза в год (весной и летом). При этом в складчину покупают продукты, а жертвенную овцу выделяют по очереди (ПЗА, с. Корул Алайского района, 27.10. 2008 г.).

Многие населенные пункты высокогорных районов местными жителями делятся на несколько частей. Они связаны как с особенностями расселения в момент планировки образования села, так и со слиянием разбросанных деревень в одном пространстве, когда проводилась политика укрупнения колхозов. Так, жители села Тоголок Молдо Ак-Талинского района имеют двойную идентичность по месту проживания. Считаясь выходцами этого села, люди часто относят себя к таким микрорайонам, как “Көлмө”, “Кара-Ой”, “Кызыл-Эмгек”, “Чоң-Арык”, “Кара-Булуң”, “Көк-Ой”. Социальные связи людей, проживающих в таких кварталах, относительно прочные. Население села Көк-Жар состоит из четырех частей, которые являлись в 1930-е годы автономными друг от друга. По информации Т. Мырзакматова, являющегося лидером одного из них, был образован коллективный фонд (*жамааттык фонд*), который был сформирован путем внесения в общую кассу по 30 сомов каждым домохозяйством. На старте в активе фонда насчитывалось всего 720 сомов. Из этих денег нуждающиеся брали кредит под 10%. К началу 2006 г. в распоряжении фонда было уже 17 тыс. сомов. Когда коллектив нуждался в финансовых ресурсах для проведения общественных мероприятий культурного, религиозного характера, тратили деньги из общей кассы. Таким же образом поступали и жители другой части села, в общей кассе которых насчитывалось порядка 70 тыс. сомов (ПЗА, с. Көк-Жар Кочкорского района, 19.01.06 г.).

Связи между соседями выражаются также в проведении досуга взрослых членов семей. Обычно это происходит в форме общения мужчин, где обсуждается много вопросов, начиная от хозяйственных проблем, непосредственно затрагивающих их интересы, до политических. В теплое время года они предпочитают собираться на излюбленном для этого месте, где можно удобно разместиться. Кроме этого, соседи видятся и обмениваются новостями в утреннее и вечернее время, когда они выпускают со двора скот для отправки на выпас и когда встречают их по возвращении в деревню.

Женщины-соседки нередко ходят друг к другу в гости для общения на различные темы, оказания помощи по поводу подготовки к разным праздникам, поочередно устраиваемым мероприятиям с обильным угощением – шерине, на смотрины новорожденного и невесты. Вплоть до распада Советского Союза вполне будничной картиной в сельской местности были сидящие на скамейках, установленных на улице, пожилые мужчины и женщины. Так они проводили время, наблюдая за происходящим вокруг, беседовали. Как правило, женщины сидели отдельно, а недалеко играли их собственные и соседские дети и внуки. Школьники дружно ходили в школу и вместе возвращались домой, между собой поддерживая дружеские отношения.

В настоящее время совместное проведение времени в повседневной жизни сельского населения постепенно теряет свое былое значение. Люди предпочитают заниматься своими делами, а в свободное время не спешат, как раньше, к соседям. Тем не менее указанная традиция, связанная с повседневной жизнью сельчан, все еще сохраняется. Так, в частности, в октябре – ноябре 2008 года в одном из сел Алайского района мы наблюдали каждодневное совместное времяпрепровождение аксакалов-соседей, сидевших на скамейке, обмениваясь мнениями, новостями. А в долине Толок я видел в 2007 – 2009 гг., как пожилые местные жители часто играли в карты либо на улице, либо дома у кого-нибудь из соседей. Как видим, соседско-территориальные связи претерпели определенные изменения на рубеже XX – XXI веков, но в то же время сохранили

традиционные черты в сочетании с новыми социальными отношениями, характерными для современных рыночных условий.

Связи между близкими и дальними родственниками у современных скотоводов основаны как на общих кровнородственных, так и на фиктивных связях. Так было и в традиционное время. В целом отдельные люди и семьи, поддерживающие взаимные материальные и моральные обязательства друг с другом на основе генеалогической линии, составляют группу родственников, выступающих в качестве отдельной социальной общности, размер которой может быть относительно маленьким или большим в зависимости от разветвленности генеалогического древа, степени устойчивости конкретных связей между родственниками, наличия личностей-лидеров, призывающих сородичей к взаимной выручке в разных житейских обстоятельствах.

Отношения между близкими родственниками, в особенности детьми одного отца, имеют устойчивый характер не только в силу кровнородственной связи. Здесь огромную роль играют также экономические отношения. Так, один из братьев может выпасать скот другого брата или сестры и ухаживать за ним вместе со своим стадом. Данный фактор является дополнительным стимулом для сравнительно частого совершения визита друг к другу. При этом каждая сторона, за исключением редких случаев, стремится быть рациональной в материальном отношении. Однако встречаются также примеры, когда близкие родственники отказываются отдавать свой скот на откорм либо для выпаса, считая, что это может вызвать кривотолки (*милдет кылат деп*) или негативно отразиться на отношениях.

Кыргызы всегда с большим почтением относились к сватам (*куда*). Такая традиция устойчиво сохраняется в горных районах республики. Встречаются примеры заключения брака между парнем и девушкой из одного села, квартала. В таких случаях сваты видятся чаще, приглашают друг друга на разные церемонии, угощения. Невестка с мужем нередко идут в дом своего отца или одного из братьев с подарками и со сладостями, чтобы близкие люди первый раз постригли волосы недавно родившегося ребенка (*чач алдыруу*). Тот, кому

доверили сделать первую стрижку младенцу, дарит ему барана или любую скотину в зависимости от достатка. В этнографической литературе отмечается, что дядя по матери, кроме одежды по этому поводу, дарил скот согласно требованию этого народного обычая [68, с.265; 196, с. 331].

К богатым владельцам скотоводческих хозяйств иногда по найму идут работать люди, имеющие родственные связи. Часто можно наблюдать, когда одна сторона недовольна предоставленными условиями труда, а другая – качеством или количеством выполняемой работы. Однако родственные узы и отсутствие альтернативы для трудовой занятости обычно не позволяют прервать трудовые отношения. Тем не менее А.М. Хазанов пишет, что обязательства, налагаемые традиционными представлениями о родстве, подчас становятся обременительными для богатых хозяйств, ориентированных на рыночное производство [285, с.65]. В другой статье, опубликованной чуть ранее, он изложил, как это выглядит. Так, в конце 1990-х – начале 2000 годов некоторые богатые скотоводы говорили этому ученому, что предпочитают не использовать родственников в качестве наемных работников. Один из них объяснил ему причину этого весьма лаконичным образом, сказав: «хуже работают, больше требуют» [286, с.52]. В принципе нередко так считают и многие кыргызы, но все же фактор родственных связей влияет на относительную устойчивость производственных отношений. Попутно следует отметить, что некоторые богатые скотоводческие хозяйства казахов в годы независимости использовали очень дешевую рабочую силу из числа нелегальных мигрантов, включая кыргызов.

В постсоветское время на родственные связи скотоводов не могли не оказать влияние изменения форм собственности и переход на рыночные отношения. Мы становимся свидетелями развития у многих личностей частнособственнических интересов, что приводит к расширению круга людей, у которых размываются коллективные интересы родственников. Тенденция в сторону индивидуализации получила повсеместно довольно устойчивый

характер, хотя в определенных жизненных ситуациях все стараются показать силу родственных связей.

Среди факторов, влияющих на характер и особенности связей между сородичами, следует рассмотреть и миграцию части сельских жителей в крупные города республики и новых независимых государств. Нередко среди мигрантов встречается кто-то из членов семьи современных скотоводов, которые оказываются в новой географической и социальной среде, где налаживаются другие контакты. Отдельные сельские жители сумели за последние годы укрепить свои хозяйства и накопить солидные богатства в виде скота и финансов. Экономическая самодостаточность толкает таких людей к сужению круга родственников, с которыми последние поддерживают регулярные контакты с взаимными обязательствами. При этом часто богатые семьи с охотой идут на налаживание новых социальных контактов с людьми состоятельными, влиятельными, обладающими высоким социальным статусом.

Родственные чувства являются притягательным фактором для людей, проживающих в других населенных пунктах, в особенности в городах. В летнее время некоторые из них предпочитают проводить отдых на летних пастбищах, останавливаясь у родственников. Как сообщил один из наших информаторов, в течение одного месяца к ним домой на летнем стойбище, что на пастбище Соң-Көл, приезжали около десяти гостей из числа родственников и друзей на короткий отдых. Были зарезаны четыре овцы для угощения. Такие гости обычно привозили с собой сахар, чай, сладости, овощи и спиртные напитки. Взамен им хозяева давали топленое масло (*сары май*), сметану (*каймак*) и другие молочные продукты. Приезжают также дети родственников, которые совмещают отдых с помощью в хозяйстве.

В сознании старшего поколения скотоводов сохранились не только понятия о колхозных и совхозных землях, но и о родовых угодьях. Они стараются вместе со своими родственниками продолжать пользоваться ресурсами таких участков. Стойбища, участки пастбищ, где жили и выпасали свои стада их отцы и деды, являются притягательными для потомков, занятых в

скотоводстве. Фактор проживания нескольких поколений предков на одном месте играет здесь ключевое значение. Члены отдельных общин, кланов на протяжении многих веков находились в неразрывном единстве с землей, где родились и выросли, так как она воспринималась ими как родная мать, которая родила и вскормила грудью. Родная земля считается такой же социально значимой, как культ предков [132, с. 35 – 36].

Коллективная взаимопомощь и солидарность между родственниками, имеющими общие генеалогические корни, продолжает выполнять, помимо прочих, роль механизма, посредством которого всегда конструировался соответствующий тип идентичности. По традиции наибольшая сплоченность проявляется в дни траура, связанного со смертью человека. Родственники по отцовской линии выполняют все физические работы по организации похоронно-поминального ритуала без всяких приглашений. Как правило, между сородичами существует установленный размер финансовой взаимопомощи. Так, например, представители рода *жарбан*, проживающие в селе Кара-Суу Ат-Башинского района, делятся на 6 ветвей. Сумма собираемых денег для оказания помощи семье покойного на лето 2007 года составляла 18 000 сомов. Как рассказал нам один из наших респондентов Иманалиев Мали (1927 г.р.), он со своими двумя женатыми сыновьями вносит по такому случаю по 500 сомов (ПЗА, село Кара-Суу Ат-Башинского района, 11.09.2007 г.). В советское время нередко родственники буквально спасали от судебного преследования пастухов, которые по разным причинам теряли много скота из колхозно-совхозного стада. Так, например, один чабан, потерявший 137 овец, со слезами пришел к родственникам, прося помощь. На сходе родственники отметили, что такая беда может случиться с кем угодно, и решили, чтобы каждая семья выделила по одному барану, что помогло чабану выправить свое положение. Кстати, следует сказать, что на собрании присутствовал глава коллективного хозяйства [312, с.71]. Присутствие руководителя колхоза на таком, казалось бы, сходе родственников скорее свидетельствует о том, что официальные власти не могли не считаться с особенностями традиционной социальной структуры народа.

Вдобавок к этому, вероятно, они сами боялись быть привлеченными к ответственности, прежде всего как члены Компартии за растрату общественного поголовья.

В советское и постсоветское время родоплеменные черты ярко проявлялись при проведении траурных обрядов, организации коллективных трапез с приглашением большого количества гостей. Моральная, иногда и материальная, поддержка нуждающихся семей также относится к ним [196, с.495]. В 1990 – 2000-х годах под влиянием роста этнического самосознания люди больше стали интересоваться своими генеалогическими корнями. Многие пытались находить своих соплеменников, устраивали собрания, обсуждали не только вопросы происхождения, но и нередко выражали готовность поддержать своего представителя в повышении социального, политического статуса. По мнению С.А. Панарина, традиционная социальная организация народов Центральной Азии уцелела с некоторыми потерями в эпоху первых секретарей, выжила и возродилась. В этом заключается «ответ на российско-советский вызов: она помогла сохранить этнокультурную идентичность титульных народов. Уже после распада СССР она в значительной мере заместила рухнувшую государственную систему социального обеспечения» [232, с.122].

В эти годы представители какого-то рода, постоянно проживающие в одном районе, устанавливали социальные связи со своими сородичами, расселенными в другой части области, республики. Стороны приглашали друг друга на тои, извещали о смерти сородича. Бейшен Жумашев сказал о таких связях между представителями племени *моңолдор*, проживающими в Нарынском и Кочкорском районах. Подобного рода социальные связи, но между более крупными группами, существовали у казахов Восточного Казахстана и Горного Алтая, которые добивались установления тесных контактов путем заключения браков, выполнения взаимных обязательств [158, с.235].

Чувство близкого родства, его значимость для каждого индивида в ситуациях, связанных со смертью сородича, всегда были неизмеримо выше, чем при других жизненных обстоятельствах. Люди, имеющие даже не очень близкие

родственные связи, проявляли эмоционально-чувственную близость в случаях тяжелой болезни или смерти человека. В то же время под влиянием новых экономических отношений, постепенного развития индивидуального сознания социальный круг участвующих в коллективной взаимопомощи незаметно начинает становиться меньше. В прошлом относительно дальние родственники, участвующие в коллективной взаимопомощи, как правило, тоже приезжали на похороны покойника. Однако, как показывает анализ полевых материалов, это стало не обязательным в последнее время. Это связано с такими факторами, как прекращение прежде существовавших коллективных финансовых обязательств во многих родах, дальность расстояния, занятость в трудовой деятельности.

Ослабление некоторых форм связи между соседями и родственниками объясняется несколькими причинами. К числу факторов, влияющих на это, следовало бы отнести изменение форм собственности, старение людей, придерживающихся традиционных социальных ценностей, миграционную активность, включая представителей старшего поколения, тенденцию в сторону углубления процесса урбанизации. Наблюдения показывают изменения, происходящие в использовании пространства жилищ и хозяйственных построек. Если в недалеком прошлом соседи могли зайти друг к другу в большинстве случаев без особых препятствий, то ныне часто им приходится стучаться или звонить. Сельчане стали строить глухие заборы на своих границах со стороны дороги и устанавливать металлические ворота.

Таким образом, в заключение можно сделать вывод о том, что родственные связи современных скотоводов основаны прежде всего на общем генеалогическом происхождении. В такие близкие отношения вовлечены и приобретенные родственники, такие, например, как сваты, приемные дети. На характере взаимоотношений между детьми одного отца сказывается эмоционально-чувственная близость. В то же время под влиянием глобализации, из-за введения рыночных механизмов отношения между братьями, сестрами и другими близкими строятся также на основе экономических интересов семьи. Коллективные усилия близких родственников входит в число факторов

оказывающих положительное влияние на повышение уровня рентабельности хозяйств.

Соседские связи современных скотоводов базированы на общности территории совместного проживания, пользования общими угодьями. Такие связи можно классифицировать как постоянные, где соседи живут в своих стационарных домах с хозяйственными дворами (в селах) и временные, обусловленные сезонным выпасом скота с проживанием в юртах, палатках (на летних пастбищах). Генеалогический состав соседей часто выглядит гетерогенным, между которыми существуют человеческие, хозяйственные, духовные связи.

4.3. Разделение труда

Как известно, распределение работ свойственно всякой социальной общности, независимо от того, занимаются ли члены ее присваивающим хозяйством или занятия их носят производящий характер. Такое распределение существует с самого раннего этапа истории человечества и совершенствуется стадийно, параллельно с развитием общества – от одной общественно-экономической ступени к другой, более высокой. Формы этого важного компонента организации труда и социальных отношений определялись уровнем развития производительных сил, особенностями природно-географических условий, спецификой хозяйственного уклада, социально-психологическими и культурно-историческими традициями. Существенное влияние на него оказывали также сложившаяся естественным образом территориально-производственная специализация в рамках конкретной историко-этнографической области и взаимовлияние кочевой и оседло-земледельческой цивилизаций [134, с.160].

Простое разделение труда, основанное на возрастных и половых различиях, наиболее четко проявляется в пределах семьи, малых общин. У

кыргызов, как и у других народов, мужчины и женщины, выполняя присущие каждому из них социальные роли, занимались своими специфическими видами трудовой деятельности. Детям поручали те виды работ, которые им под силу с учетом биологического возраста, способностей и половых различий. Такое деление в целом характерно и для современных скотоводов, проживающих в горных районах республики.

В принципе подобное разделение труда можно считать универсальным. Обычно мужчина выступает как кормилец, «осуществляет общее руководство и несет главную ответственность за «дисциплинированность» детей, тогда как, ... женщина поддерживает групповую солидарность и обеспечивает необходимое детям эмоциональное тепло» [173]. Она выполняет прежде всего материнские функции, обусловленные биологическими особенностями организма, что, впрочем, не освобождает ее от других трудовых обязанностей. Что касается современных кыргызов, то мужчины несут основную ответственность по исполнению своих отцовских функций, предусмотренных в народных обычаях. Речь идет о выполнении долга перед своими детьми по обрезанию, женитьбе, выделении из отцовского дома, а главное – об экономическом обеспечении семьи.

К числу мужских хозяйственных работ современных скотоводов следует отнести выпас и поиск животных, чистку загонов и сараев, подготовку скотоводческих снаряжений, заготовку сена и другого вида фуража, проведение кастрации, формирование косяка и др. Женщины занимаются, в частности, приготовлением пищи, уборкой жилища, стиркой, дойкой, переработкой молочных продуктов, иногда домашними промыслами, выращиванием некоторых видов овощей в огородах. Следует заметить, в позднем советском периоде в большинстве семей не было принято участие мужчин в приготовлении пищи, уборке жилых помещений [176, с.23]. Это характерно и для наших дней, хотя стали встречаться случаи, когда некоторые мужья среднего, молодого возрастов принимают участие в повседневных домашних делах.

Антрополог из Германии Жанна де ля Круа, которая в 2009 году жила в семье скотовода на летнем пастбище Токтогульского района, пишет, что день Эльмиры (жены хозяина. – А. Ж.) «начинается на рассвете, она доит 10 коров, занимается переработкой молока. Дойка кобыл также входит в ее обязанность. Она готовит нам завтрак, ухаживает за детьми, моет посуду, стирает, ходит за водой. Ее муж Анвар и старший сын смотрят за скотом. Анвар едет за покупкой продуктов раз в месяц. По его рассказам, зимой он бегает по снегу и кормит скот, тогда как жена может отдыхать дома» [278, с.195–203]. Как видим, у представителей слабого пола немало дел и забот, требующих физических усилий и времени. Следует отметить, что женщины, выполняя свою главную социальную роль в качестве хранительницы домашнего очага, участвуют в укреплении бюджета семей, перерабатывая на продажу молочные продукты. Отдельные из них освоили тонкости ремесленничества, изготавливая войлочные коврики, сувениры.

Обычно дети мужского пола помогают отцам, братьям в пастьбе скота, ремонте хозяйственных построек, очистке загонов от навоза и других работах. Девочки – помощницы матери в уборке жилища, мойке посуды, стирке и т. д. Подростки-мальчики нередко пригоняют по утрам дойных кобыл, отпущенных на ночь на вольный выпас. Они же помогают женщинам в доении кобыл, приспуская жеребят пососать молока и сажая обратно на привязь (*желе*). Кстати, на летнем пастбище Солтон-Сары Нарынского района женщины дважды в день, утром и вечером, доят коров, а также кобыл через каждые два часа светлого времени суток [333]. Примечательно, что доение кобыл мужчинами рассматривается как вполне нормальное, не постыдное для традиционного восприятия явление. Так, мы наблюдали 2–3 случая вовлечения молодых мужчин в процесс дойки кобыл. Вероятно, это связано с тем, что уходом за лошадьми разного назначения издавна занимались мужчины. Коров доят только женщины, которые активно участвуют в уходе за ними. Обычно они выполняют обряд *кылоолоо* [93, с.51]. Респондент Ш. Базылакунова рассказала, что этот

ритуал – часть работы женщин, ухаживающих за дойной коровой (ПЗА, с. Толук Кочкорского района).

Приведем другой пример разделения труда внутри семьи. Семья Абдрахмана Бектурганова пасла отару овец, гурт коров и табун лошадей на летнем пастбище Беш-Белчир Ат-Башинского района, куда пригоняли животных ежегодно. Утром раньше всех встают его жена и сноха, которые занимаются дойкой коров. Чуть позже двое внуков верхом отправляются искать косяк кобыл для того, чтобы пригнать к привязи (*желе*). Как говорил Абдрахман, за ночь косяк может уйти на расстояние до 10 км. Доением кобыл занимаются в основном женщины. Мелкий скот и коров отгоняет из загона на пастбище сам хозяин при участии детей (ПЗА, летнее пастбище Беш-Белчир, 15.07. 2000 г.).

Разделение труда между мужчинами и женщинами остается незыблемым в процессе забоя скота, связанного с разделкой туши и очисткой внутренностей с промыванием. Если режут и делят кости по частям мужчины, то внутренние органы, такие как желудок, кишки и другие, промывают женщины. При проведении важных семейных праздников или траурных ритуалов, когда в жертву приносят крупные виды скота, такие работы выполняются небольшими группами людей, состоящих из родственников и соседей.

Под влиянием новых экономических отношений, основанных на рыночных механизмах, в семьях стали проявлять социальную, хозяйственную активность взрослые дети. Причем главы семей, как правило, считаются с ними, даже делятся своими некоторыми распорядительными и властными функциями. Однако есть семьи, где строго соблюдаются давние нормы обычного права и отец остается главным звеном в принятии решений. Аналогичный подход наблюдался у современных казахов, о чем говорят результаты полевых исследований специалистов. Там условные «традиционные» крестьянские хозяйства (КХ), по классификации О.Б. Наумовой, возглавляет пожилой отец (или мать), который также всеми делами распоряжается сам. Он не доверяет сыновьям, младшим братьям ответственную работу, они лишь выполняют его указания, даже если формально главой КХ записан его сын» [218, с. 11].

В некоторых семейно-родственных группах относительно прочными остаются хозяйственные связи между близкими родственниками. Здесь наблюдается четкое разделение трудовых обязанностей. Если один из женатых братьев все время пасет стадо, то другой занимается земледельческими работами и заготовкой корма для зимовки скота. Проживающий в другом населенном пункте, в том числе городе, член такой «большой семьи», имеющий в общем стаде свою долю, обычно помогает деньгами для покупки фуража, аренды техники в период уборки урожая. Часто их объединяют родители, к советам которых все прислушиваются. Обычно пожилые отцы, имеющие хорошие навыки, продолжают заниматься уходом за стадом, где числится и скот нескольких женатых сыновей, выполняя в хозяйстве прежде всего распорядительную и управленческую функции. Основные вопросы, связанные с организацией круглогодичного цикла, расходами на содержание скота, решаются ими, хотя при этом учитываются мнения женатых сыновей. Такого типа семейную общину объединяет не только кровное родство, но и экономические интересы, связанные с обеспечением рентабельности скотоводческого хозяйства.

Необходимость выпаса скота на разных сезонных пастбищах оказывает влияние на особенность социальной организации кочующих семей и общин. В летнее время часто можно видеть неполный состав семей, которые отправляются на пастбища. В то же время недостаток в рабочей силе нередко компенсируется за счет боковых родственников, главным образом из числа детей школьного возраста, приехавших на летние каникулы. Они принимают участие в выполнении определенных видов работ (присмотр за стадами, подготовка дров, помощь в доении кобыл и т. д.). Таким образом, они совмещают отдых с помощью скотоводам. Н.Н. Крадин отмечает, что появление детей на всех летних стоянках у современных тувинцев не случайное явление. В этот период они «приобщаются к труду, получают навыки традиционного образа жизни – это езда верхом на лошади, пастьба скота, доение скота и переработка молочной продукции, уход за скотом и др. Прослеживается функциональная

дифференциация по полу и возрасту. Мальчики пасут овец и крупный рогатый скот, девочки доят коров и помогают в обработке продуктов, уборке по дому. Детей часто посылают за водой для домашних нужд. Нередко взрослые оставляют детей одних, при этом старшие по возрасту берут на себя выполнение функций взрослых» [190, с.12].

Часть взрослых членов семей, которые остаются в деревнях, согласно разделению труда, занимаются на обрабатываемых полях земледельческими работами, заготовкой фуража для скота на зиму. В вегетационный период они могут чувствовать спокойно, не боясь потравы, поскольку стада до уборки урожая находятся на отгонных пастбищах. В Нарынском районе в первую очередь стараются отводить больше площадей для выращивания однолетних и многолетних трав. Намного меньшую часть поливных участков занимают пшеница, ячмень [333]. Б. Исаков приводит интересный рассказ респондента, где он говорит о том, что он со своими сыновьями, дочерьми и зятьями ведут общее хозяйство. Один из его взрослых детей забирает общее стадо для выпаса на летнем пастбище. Вдобавок он берет скот других семей за плату. Двое других женатых детей живут в деревне, заботятся о всех семьях, занимаются заготовкой сена для скота на зиму. Неженатые сыновья работают в городе и отправляют деньги на семейные нужды. Этим хозяйством, которую он назвал колхозом, руководит сам [311, с. 43].

Разделение труда между соседями и родственниками базировано на территориальной, социальной общности. Фактор расселения на одном условно ограниченном пространстве сельской местности преимущественно приводит к поддержанию социально-культурных, хозяйственных отношений с близкими соседями. В осеннее и зимнее время часть населения формирует общие стада овец и коз, чтобы организовать выпас по очереди на присельных пастбищах. Как правило, они включают жителей, проживающих в одном квартале. Число скооперировавшихся людей с целью совместного выпаса скота зависит от того, сколько голов животных у разных владельцев. Респонденты говорят, что количество овец у людей имеет значение в определении количества рабочих

дней. Например, в селе Кара-Суу Ат-Башинского района в 2009 г. владелец стада овец, которое превышало 40 голов, должен был пасти общее стадо два дня, тогда как люди с меньшим количеством скота – один день (ПЗА, с. Кара-Суу Ат-Башинского района, 15.09.2007 г.). При формировании общего стада учитывается оптимальная численность животных, с которым можно без особых усилий справиться одному человеку при выпасе. Такую форму организации труда называют *кезуу*, что в переводе означает очередь на выпас скота (Юдахин, 1985. С. 366). Объединенную для выпаса в светлое время суток отару, состоящую из овец или коров, принадлежащих людям из указанной трудовой кооперации, обозначают термином *кезуунун малы* (стадо сельчан, участвующих в поочередном выпасе).

Пастьбу на недалеких расстояниях от села взрослые доверяют иногда и детям – учащимся старших классов. После стравливания, практикуемого после уборки урожая осенью, стараются увеличить радиус выпаса стада, т. е. уходят с отарой на сравнительно далекие расстояния. В такие дни обычно взрослый член семьи выполняет временную трудовую нагрузку. Без верхового животного, в качестве которого используется лошадь, трудно обойтись, так как за день нужно пройти значительное расстояние, управляя стадом, что трудно делать в пешем виде. В некоторых случаях скотоводы по разным причинам прибегают к использованию наемного труда. За день до наступления очереди в семье проводится подготовительная работа: коню не дают большую нагрузку, его хорошо кормят и поят. В случае отсутствия своей верховой лошади берут у соседей и родственников на один день, ухаживают за ним. Готовят конские и скотоводческие снаряжения. Женщины варят напитки, готовят еду *азык*, которую должен взять с собой человек, собирающийся пасти общее стадо.

Организация выпаса крупного рогатого скота имеет некоторые особенности. Обычно большинство хозяйств выгоняют со двора на пастбище одну – двух коров, что намного меньше, чем мелкий скот. Соответственно, это приводит к увеличению количества отдельных владельцев, участвующих в трудовой кооперации по выпасу крупного рогатого скота. Здесь уже не

ограничиваются пределами квартала. Часто предпочитают пасти гурт по два человека, что говорит об одновременном участии двух хозяйств в выполнении обязательств по очередному выпасу. Существует и другой вид организации этого труда. Речь идет о найме коллективом конкретных людей, имеющих опыт и соответствующие трудовые навыки по выпасу крупного рогатого скота. В таких случаях на сходе указанного коллектива решается вопрос, касающийся размера оплаты пастуха, и устанавливаются сроки погашения. Группу, сформированную из крупного рогатого скота, составившего один гурт, называют повсеместно *бада*, а людей, занимающихся их пастьбой, – *бадачы* [299, с. 93]. Корни такого опыта уходят в далекое прошлое, он успешно применялся и в советское время. Встречаются и такие хозяйства, которые предпочитают пасти свой стада либо самостоятельно, либо нанимают работника. Такая форма организации характерна, во-первых, для богатых хозяйств, имеющих сравнительно большие стада домашнего скота, а во-вторых, для тех мест, локальные природно-географические условия которых позволяют отогнать утром со двора и встречать вечером после вольного выпаса под периодическим присмотром из дальнего расстояния.

Соседи в сельских населенных пунктах совместно занимаются очисткой, ремонтом ирригационной сети для полива огородов. Это проводится перед началом весенне-полевых работ и носит разовый сезонный характер. В некоторых случаях соседи приходят на помощь в таких важных, на их взгляд, делах, как заливка фундамента строящегося дома, покрытие его кровли, причем это делается добровольно, по собственной инициативе, что играет немаловажную роль в сохранении стабильно хороших отношений с соседями. Однако в последние годы почти повсеместно в семьях предпочитают пользоваться услугами наемных рабочих, знающих тонкости строительного дела. Нередко они могут быть односельчанами или выходцами соседних сел, приобретшими такие навыки в постсоветское время.

Привлечение работников на основе договоров (в основном устных) постепенно превратилось в обычное явление как среди скотоводов Кыргызстана,

так и в других республиках СНГ. Так, в хозяйствах Республики Бурятия Российской Федерации использование наемного труда в 2000-е годы стало нормой. «Их услуги бывают востребованы при выполнении трудоемких работ – уборка сена, заготовка леса, строительство и т. д. Работники эти, как правило, безработные односельчане, лица, вернувшиеся с мест лишения свободы, труд которых оценивается «вчерную», и на них не начисляются никакие налоги» [114, с.17].

В наши дни некоторые семьи скотоводов продолжают традицию *кийиз ашар*, связанную с валянием войлока. Женщины-соседки участвуют в технологическом процессе, составляя временный трудовой коллектив. На помощь им приходят и дети этих же соседей, которые перекатывают свернутую в рулон шерсть и бьют его ступнями и пяткой – *кийиз тебуу*, что является одним из важных элементов традиционной технологии производства кошмы [83, с.22 – 25].

Как видим, в разделении труда между соседями нет какой-либо заметной дифференциации. В рамках хозяйственных отношений каждый из них выполняет один и тот же вид работы – либо согласно очереди, либо сообща. Помощь же отдельных соседей в перегоне стада по кочевому маршруту до летней стоянки, погрузке юрты, палаток, предметов домашнего обихода носит добровольный характер, как и в случае с заливкой фундамента дома. Однако участие в таких видах работ, рассматриваемых по традиции как соседский долг, имеет немаловажное значение в поддержании стабильно хороших социальных отношений с людьми, проживающими рядом.

Богатые хозяйства в течение всего года держат свои стада самостоятельно, без кооперирования с другими и обычно используют большие участки пастбищ. Они сравнительно менее подвержены природным рискам, так как больше внимания уделяют заготовке кормов, условиям содержания и т. д. Кроме того, нередко нанимают пастухов для выпаса разных видов скота. Оплата труда производится как в денежной, так и в натуральной форме. «Обычно к ним идут работать члены бедных, малоимущих семей. ... Богатые хозяйства нуждаются в

дополнительных работников также для выполнения некоторых сезонных работ, к которым можно отнести приплодную кампанию, заготовку сена» [142, с.71]. В контексте изложенного отметим, в современной Монголии члены бедных домохозяйств с небольшим поголовьем работают на тех, у кого много скота [301, с.76]. У тувинцев с переходом скота в частную собственность возникла имущественная стратификация. Среди скотоводов, имеющих 1 500 голов мелкого и более ста голов крупного рогатого скота, нередко встречаются чиновники кожуунных администраций (местных муниципальных образований), которые отдают свой скот на выпас бедным или нанимают безработных [190, с.10].

В Кыргызстане повсеместно имеется категория скотоводов, которые берут скот родственников, односельчан на 3–4 месяца для выпаса в теплое время года. Их труд оплачивается согласно установленным местными самоуправлениями тарифам. В 2000 году за одну голову мелкого скота в селах Куртка, Кара-Ой, Ак-Талинского района платили 4–5 сомов и 20 сомов за одну корову. В Ат-Башинском районе за услуги по выпасу скота в теплое время года брали примерно такую же плату. Если за овцу, козу платили 4–6 сомов, то за крупный рогатый скот – 20–30 сомов (ПЗА, 18.07. 2000 г.). Встречались единичные примеры, когда пастухи не брали коз в отару овец. В результате формировались отдельные стада из коз. Оплату производили в целом наличными деньгами, однако бывали и отдельные случаи, где платежным средством выступала овца, т. е. практиковали натуральный вид оплаты. Встречаются и такие хозяйства, которые берут скот на содержание в летнее время у родственников, близких друзей без установления платы за уход за скотом. Для последних выпас чужого скота не является источником пополнения семейного бюджета. При этом обычно представитель семьи, отдающей скот на выпас, участвует в перекочевке, оказывая помощь в перегоне стада до летней стоянки.

В последние годы тарифы, установленные на местах за выпас разных видов скота в теплое время года, значительно выросли. Так, в 2018 году наемные скотоводы брали ежемесячную плату из расчета: 1 овца = 50 сомов; 1 корова =

300 сомов (ПЗА, Нарынский район, август 2018 г.). Примерно такие же суммы платят в других районах области. Для некоторых семей в процессе разделения труда в пределах сельских местностей выпас чужого скота стал общественно значимым занятием. Кстати, попутно отметим, что в советское время также выпасали мелкий скот индивидуальных владельцев на летних пастбищах, а чабанов, которые должны были кочевать, определяли в правлении колхозов. Так было, например, в колхозе Карла Маркса Тонского района, где руководители рассматривали кандидатуры предложенных людей.

В середине 2000-х годов мы наблюдали интересный пример, связанный с разделением труда в более широком масштабе, выходящем за пределы одного района. Речь идет о жителях села Куланак, которые специализировались на выращивании многолетних трав, имеющих ключевое значение в обеспечении кормами поголовья скота на зиму. Скотоводы Ак-Талинского, Нарынского, Ат-Башинского районов часто покупали стога сена у этих производителей. Несмотря на то что абсолютное большинство хозяйств в последние годы стали засеивать на своих приватизированных наделах однолетние, многолетние травы, сено куланакских земледельцев по-прежнему пользуется большим спросом. Тем более что они располагают неплохой технической базой, необходимыми навыками в проведении агрохимических работ. При этом следует отметить, что каждое хозяйство работает индивидуально, но люди оказывают помощь в необходимых случаях друг другу.

С конца 1990-х годов стали появляться и категории людей, специализировавшиеся на выполнении других видов работ и услуг. К их числу можно отнести работников убойных цехов, ветеринаров, трактористов, комбайнеров, группы людей, занятых в доставке и скирдовании сена по заказу, скупщиков скота для продажи на рынках, таксистов, водителей автомобилей, оказывающих транспортные услуги по перевозке скота, домашнего имущества при перекочевках. Пока трудно сказать, как долго люди заняты указанными видами деятельности, так как для многих из них они носят подсобный характер.

Однако сама тенденция в сторону специализации и дифференциации в разделении труда, вероятно, получит дальнейшее развитие.

Многим известно, что в советских колхозах и совхозах существовали профессии чабанов, табунщиков, скотников, доярок. Они были постоянно заняты разведением скота, производством животноводческой продукции, тогда как полеводы, большая часть механизаторов работали на полях, выращивая зерно, культурные корма, и т.д. Можно считать, что животноводческий сектор был узко специализирован, так как чабану нужно было убедить в своей способности руководителей колхозов, чтобы ему доверили пасти отару маточных овец. При перекочевках переносные жилища и необходимые предметы быта доставляли на выделенных для этой цели грузовых автомобилях. Зоотехники выполняли свои обязанности по обеспечению условий лучшего содержания и кормления животных в контакте со скотоводами. Ветеринары же занимались профилактикой и лечением их болезней.

С распадом коллективной формы организации труда под патронажем государства, приватизацией земли, скота перестало быть востребованным такое профессиональное разделение труда в сельском хозяйстве. В индивидуальных крестьянских хозяйствах люди стали заниматься всеми видами работ, за небольшим исключением (технические услуги), хотя по некоторым из них не обладали достаточными навыками. С середины 2000-х годов немало людей стали преимущественно заниматься тем, в чем лучше разбирались. Скотоводы стали уже обращаться к услугам ветеринаров, в том числе работающим на коммерческой основе. А в последние два – три года некоторые скотоводы практикуют аренду больших грузовиков для перевозки скота до летней стоянки, как это происходит, например, в сельской управе Кара-Коо Тонского района. Профессия же скотовода в нормативно-правовых актах постсоветского Кыргызстана отражена недостаточно четко. А в Монголии в 2013 г. парламент страны утвердил закон о положении профессии скотовода (малчин) и ее важном социально-экономическом значении для страны [193, с.181]. Принятие этого закона свидетельствует о большом значении скотовода в жизни общества,

социальный статус которого достаточно высок. Другая сторона связана с четкой регламентацией разделения труда по профессиональному признаку в государственном масштабе.

Как видим, в разделении труда у современных агропасторальных обществ в горных районах Кыргызстана отражаются как исторические народные традиции, так и новые явления, возникающие под воздействием изменений сегодняшнего дня. Мужчина как основной кормилец преимущественно сохраняет свою роль как глава семьи, обладая властными полномочиями, тогда как женщины продолжают выполнять функции хранительницы семейного очага и воспитателя детей, хотя на их плечи ложится немало хозяйственных забот. Существует организация труда в пределах “больших семей”, где каждый взрослый выполняет определенные обязанности согласно распределению, где одни пасут скот, вторые заняты на земледельческих работах. В хозяйственные дела вовлекаются дети с учетом их физических возможностей и возрастных особенностей. Финансово-материальная помощь детей, проживающих в городах, стала частью функций в общем распределении труда в пределах семьи.

Трудовая кооперация между соседями основана на территориальных связях, где они выполняют в основном одну и ту же работу согласно очереди. В более сложном разделении труда с определенной специализацией и профессиональными навыками за годы независимости произошли заметные изменения. Отказ и игнорирование услуг ветеринаров, механизаторов, полеводов и других в кризисные 1990-х со временем привел к обратной тенденции, где все они стали востребованными.

Глава V

ВИДЫ СКОТА

Политика государства по разгосударствлению и приватизации аграрного сектора, распад колхозов и совхозов, необходимость приспособления к новым экономическим условиям оказали определенное влияние на структуру, породный и численный состав стад хозяйств разной формы собственности. Сельское население продолжает традиции предков по разведению разных видов скота, считавшиеся издавна одними из важных занятий. Во-первых, здесь учитывается, каким адаптивным потенциалом к местным природно-климатическим условиям они обладают. Во-вторых, определяющее значение имеет бесценный опыт многих поколений, накопленный тысячами по их содержанию. Как известно, *төрт түлүк мал*, включающий в свой состав лошадей, овец, крупный рогатый скот, верблюдов, разводимых кыргызами, играли с древнейших времен не только сугубо экономическое, но и важное значение в социальных отношениях. Разведение их было продиктовано особенностями традиционной материальной и духовной культуры. Не случайно отцы и деды современного поколения давали наставления последним, чтобы они ценили скот. По традиции скотоводы Центральной Азии держали разные виды скота, заботясь о благополучии семьи, чтобы не испытывать материальных затруднений, занимать достойное положение в обществе. Однако глубокий системный кризис периода распада СССР и в начальные годы перехода к новым экономическим отношениям внес определенные изменения в сознание людей. Это в полной степени касается и тех, кто активно трудился в скотоводческой отрасли. Часть сельского населения переориентировалась на другие виды экономической деятельности, в частности, на земледелие и торговлю, считая скотоводство нерентабельным направлением. В начальный период перехода к новым экономическим отношениям скот на какое-то время перестал цениться сельским населением, как раньше, что было обусловлено глубоким системным кризисом, в результате чего произошло резкое сокращение его поголовья.

Тем не менее уже спустя несколько лет большинство бывших колхозников, работников совхозов вынуждены были пересмотреть свои взгляды. Они поняли, что разведение скота может сыграть важнейшую роль в обеспечении жизнедеятельности сельского населения, выступая в условиях новых экономических отношений в качестве одного из серьезных источников их дохода. Разведение большого количества домашнего скота имеет существенное экономическое значение для всех кочевников, которые ведут скотоводческое хозяйство пока ещё преимущественно на экстенсивной основе. Для владельцев стад это является одной из форм страховки (Finke, 2004. Р. 252). В Кыргызстане с первой половины 2000-х годов в отрасли наметилась тенденция в сторону стабилизации, и скотоводы стали активизировать свою деятельность по расширению своих стад. Согласно данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, в 2003 г. в стране общее количество хозяйств, занимающихся животноводством, составило 173 728 единиц, из них 9 884 были заняты разведением крупного рогатого скота, 6 247 – овец и коз, 253 – лошадей. По состоянию на этот же год в Нарынской области имелось 13 198 хозяйств животноводческого направления, из которых 2 344 разводили крупный рогатый скот, 1 827 – овец и коз, 125 – лошадей [27, с.231]. Остановимся более подробно на каждом из видов разводимого скота современными скотоводами.

5.1. Лошади

Лошади издавна занимали исключительное место в структуре поголовья скота, разводимого населением горных районов Кыргызстана. Значение его определялось главным образом экстенсивным характером традиционного скотоводства и использованием лошади не только как транспортного и вьючного животного, но и тем, что она обеспечивала человека также такими необходимыми продуктами, как мясо, молоко, кожа, волосы. Как ценные качества лошадей, безусловно, нужно назвать неприхотливость, способность

круглогодично содержаться на подножном корме, а также исключительную мобильность, так необходимую для кочевников. В прошлом чрезвычайно важная роль коня была связана также с ведением боевых действий. «Кочевники никогда не испытывали недостатка в лошадях для своих войск. Собственно, безлошадный кочевник переставал быть таковым. Напротив, во многих оседлых странах содержание боевых лошадей было дорогостоящим делом, поэтому в этих странах часто ощущался их недостаток» [283, с.17]. Т. Барфилд пишет: «Человек на спине лошади стал истинным символом номадизма и как метафора вошел в культуры соседних оседлых обществ» [92, с.44].

В советскую эпоху, особенно в последнюю треть XX в., функции, выполняемые лошадьми, несколько сузились. Прежде всего это было обусловлено широким применением колхозами и совхозами механизированных транспортных средств, хотя конь в течение продолжительного времени использовался на сельскохозяйственных работах как тяговая сила, транспортное средство. Чабанам общественных отар, скотникам, как правило, давались верховые лошади в целях использования их при выпасе и перегоне скота. Необходимая информация до местного населения и отдельных колхозников доставлялась гонцами (*чабарман*) на верховых конях.

В республике функционировали несколько конных заводов, где занимались разведением и выведением новых пород лошадей. С другой стороны, государство не поощряло развитие скотоводства в индивидуальном секторе. Семья, а точнее хозяйственное подворье (*тутун*), не должна была иметь больше одной лошади, коровы. В ходе ежегодного обхода дворов, совершаемого комиссией колхозов и совхозов, лишние поголовья отбирались. Тем не менее люди умудрялись разводить нередко больше голов скота у себя в хозяйстве, чем было положено по закону, часто скрывая это. В первой половине 1970-х годов нам нередко доводилось видеть такую картину в селе Кара-Коо Иссык-Кульской области. О том, что владельцы лошадей пытались защитить лишнее поголовье в пользу себя, рассказывали информаторы из сельских управ Тоголок Молдо Ак-Талинского, Корул Алайского, Соң-Көл Кочкорского районов. Иногда даже

происходили курьезные случаи, когда сами животные, спрятанные в каком-то помещении, выдавали себя и своих владельцев во время обхода комиссии. Услышав ржание или другой звук, члены комиссии просили открыть дверь помещения и забирали животное, поскольку это нужно было для выполнения плана по сдаче мяса государству.

В отличие от основной массы сельского населения в несколько преимущественном положении находились пастухи. Своих животных они могли содержать вместе с общественным стадом, пользовались дополнительной подкормкой за счет фуража колхозов и совхозов. При проверке они отделяли частный скот и отгоняли в укромное место. В качестве такого места могли служить, например, небольшое ущелье, теснины. Таким способом некоторые увеличивали количество своих лошадей.

В наши дни конь продолжает оставаться одним из самых близких домашних животных для кыргызов. Его разведение обусловлено, помимо прочего, необходимостью утилизации подножного корма, имеющего экономическое и не менее важное экологическое значение. «Природно-климатические условия и рациональное использование пастбищ определяют целесообразность развития в республике табунного продуктивного коневодства, которое в сочетании с овцеводством наиболее полно используют естественные кормовые ресурсы» [69, с.262].

Однако коневодство не осталось в стороне от кризисного состояния, коснувшегося всего животноводческого сектора в начальные годы независимости республики. Количество лошадей в тяжелые годы перехода к рыночным отношениям заметно снизилось, несмотря на сохранение традиции бережного отношения кыргызов к этому виду животных. В первой половине 1990-х годов сокращение лошадей составило 13 тыс. голов. Люди хорошо понимали хозяйственно-культурную ценность, неприхотливость, рентабельность лошади, способной добывать себе корм в значительной удаленности от двора хозяев. Тем не менее был налицо спад в разведении лошадей.

В первые годы после распада колхозно-совхозной системы, когда большинство хозяйств фактически лишились возможности использовать механизированную сельскохозяйственную технику, стали шире использовать лошадей. Вспашка и боронование поливных участков, перевозка урожая, укос трав и другие сельскохозяйственные работы стали проводиться с помощью коней.

Кажется, что падение численности лошадей в начале 1990-х годов в значительно меньшей степени было связано с болезнями, истощением. На коллективных мероприятиях с угощением в связи с юбилейными церемониями, внутрисемейными торжествами, а также областного, государственного значения, кроме того, при проведении траурных ритуалов, связанных с похоронами и поминками, всегда подавалась по традиции конина.

Бичом для скота в целом, лошадей в частности стали волки, наносившие серьезные потери. В ходе экспедиций по изучению современного состояния скотоводства и животноводства в рамках проекта Университета Висконсин нам приходилось часто слышать жалобы скотоводов. Хищный зверь, по их словам, спускался до населенных пунктов, а со стороны официальных властей местного уровня и правительственных структур не предпринимались конкретные шаги для предотвращения такого рода опасности.

Другая проблема была связана с кражей лошадей. Так промышляли воры с целью извлечения выгоды за счет продажи краденой лошади на мясо. Бывали случаи, когда пропадали сразу несколько голов вследствие активности воров. В то время было много частных лиц, дающих деньги под проценты на очень выгодных для себя условиях, в результате чего проценты росли, а люди искали пути выхода из кабалы. В числе воров были и такие, которые, стремясь выйти из финансовых долгов, шли на такое уголовно наказуемое дело. Для некоторых же групп воров это стало источником наживы.

Несмотря на это, спустя более чем десять лет, стала наблюдаться тенденция в сторону увеличения поголовья разводимых животных. Так, например, если в 1996 году в республике насчитывалось 314,1 тыс. лошадей, то

в 2002 году их численность достигла 360,7 тыс. голов. Затем был некоторый спад, о чем говорят показатели 2006 года – 347,5 тыс. голов.

По результатам первой сельскохозяйственной переписи в Кыргызстане проведенной в 2003 г. насчитывалось 361 141 голов лошадей, включая кобыл, удельный вес к общему поголовью которых составил 44%. Из приведенной общей цифры в хозяйствах населения имелось 168 236, а в крестьянских (фермерских) хозяйствах и хозяйствах индивидуальных предпринимателей – 184 040 голов лошадей. В Нарынской области численность лошадей достигла 96 300 голов, в то время как в Иссык-Кульской области этот показатель был равен 63 787 [27, с. 265-266].

Коневодство оказалось одним из рентабельных отраслей сельского хозяйства для владений разной формы собственности в условиях перехода к рыночным отношениям. Лошадей с их неприхотливостью можно было легче содержать и в трескучие морозные периоды. К тому же их рыночная стоимость всегда была стабильно высокой. Особенно с конца 1990-х годов на скотные рынки для приобретения лошадей часто приезжали покупатели из соседнего Казахстана. Это также стимулировало скотоводов разводить их как можно в большем количестве в трудное переходное время.

Другой позитивный момент связан с восстановлением высокогорных пастбищ после нескольких лет отдыха от твердых копыт разных видов скота. К этому времени скотоводы все же оправились от шокового состояния, в котором оказались вследствие распада Советского Союза и глубокого кризиса. Постепенно пастухи начали совершать перекочевки на субальпийские и альпийские высотные зоны с превосходными сочными подножными кормами. Оттуда скот стал спускаться осенью, нагуляв хороший вес. Для того чтобы перегнать стада, пасти их на долинах и склонах гор, нужны были верховые лошади. Возросший спрос людей на традиционный напиток *кымыз* также оказал огромное положительное влияние. На летних пастбищах с каждым годом стало увеличиваться число привязей (*желе*).

В годы независимости появились люди, занимающиеся разведением породистых лошадей. Как правило, они были из числа государственных чиновников или преуспевающих предпринимателей. Так, например, для известного политика Ф. Кулова, бывшего акима района А.Чымырбаева, депутатов национального парламента И. Омуркулова, О. Бабанова и других содержание лошадей является любимым занятием. Блестящими народными знаниями по определению тех или иных качеств лошадей и их тренировке обладает бывший губернатор Нарынской области К. Ашыралиев. Однако нам трудно оценить их уровень активности по уходу за животными. Рутинные обязанности по уходу за ними и содержанию их в хорошем состоянии, как правило, ложатся на плечи нанятых людей, имеющих необходимые навыки.

Если, с одной стороны, государственные племенные заводы испытывали трудности, то с другой – появились частные, а также коллективные хозяйства в виде кооперативов, занимающиеся разведением породистых лошадей. Фермерский конный завод «Айкол» из Тонского района Иссык-Кульской области, который активно сотрудничал со специалистами Кыргызского государственного сельскохозяйственного университета, один из них. Здесь в основном выращивали породу местного улучшенного типа лошадей. Кроме этого, в небольшом количестве разводили скакунов чистокровной верховой породы, которые часто участвовали в крупных соревнованиях, проводимых в Кыргызстане и Казахстане. Так часто поступают и другие владельцы лучших скакунов. В постсоциалистическое время скачки стали преследовать новые цели, прежде всего экономического характера [332]. Однако, несмотря на рост общего поголовья лошадей, удельный вес племенных животных все еще остается низкой.

Местная кыргызская и новокыргызская порода лошадей сравнительно лучше приспособлена к круглогодичному пастбищному содержанию, поэтому жители высокогорных районов страны предпочитают разводить их [69, с. 262]. Здесь уместно также отметить аборигенную породу кыргызской лошади, которая отличается неприхотливостью, способностью быстро восстанавливать энергию

после долгой езды по горно-пересеченным местностям. В этой связи Т. Барфилд, характеризуя лошадей номадов Внутренней Азии, заметил, что они малы и крепки, жили на открытом воздухе всю зиму, обычно без фуража [92, с.44].

Разные источники и устные сообщения информаторов говорят в пользу превосходной адаптированности аборигенной кыргызской породы лошадей к условиям высокогорья, кочевому образу жизни. Как пишет А.Дж. Байбосунов, у них большая голова, они низкорослы, мускулисты и хорошо приспособлены для обитания в горной местности. “По мнению специалистов по коневодству, большая голова кыргызских лошадей является одним из элементов приспособления и облегчения передвижения в горных условиях благодаря перемещению центра тяжести тела с помощью головы. Эту генетически приспособленную для горной территории породу лошадей сейчас найти очень трудно” [89, с. 380; 197]. Указанная порода лошадей в 2000-е годы стала объектом интереса учреждения «Кыргыз Аты», деятельность которого была направлена на сохранение и возрождение пород местных лошадей и связанных с ней традиций в сельскохозяйственном секторе, в области культуры, спорта, экотуризма, а также в ремесленничестве в рамках устойчивого экономического и социального развития [359, с.43]. В процессе работы эта неправительственная организация занималась не только выявлением соответствующей породы, организацией скачек, других конных состязаний, концертов, но и проводила работу по пропаганде среди сельского населения его незаменимости в условиях горно-пересеченных географических пространств. Очевидно, К.Ферре права, когда она утверждает, что лошадь в некоторых странах стала выполнять функцию маркера, показывающего самобытность народа, возвышая их национальные чувства [316].

Возрождение народно-спортивных конных игр и развлечений в годы независимости, которые стали проводиться чаще как на местах, так и на республиканском уровне, также способствовало тому, что люди больше обращали внимание на развитие коневодства. Иногда такие виды состязаний,

как скачки, козлодрание (*көк бөрү*), проводятся с участием спортсменов из соседних республик.

На юге страны лошади не так часто использовались в качестве жертвенного животного. Это было связано не только с их ограниченным числом, но и религиозными предубеждениями, связанными с исламской религией. Однако в последние 5–6 лет люди из Кара-Сууйского, Араванского и других районов, где конина употреблялась очень мало, все чаще и больше стали резать лошадей как на праздничных мероприятиях, так и во время проведения траурных ритуалов. Тем не менее большинство населения региона их держат в основном для верховой езды и в спортивно-развлекательных целях. Кроме того, их используют как вьючное животное на труднодоступных горных пастбищах. Приспосабливаясь к условиям новых экономических отношений, скотоводы уже в течение нескольких лет практикуют передачу коней напрокат иностранным туристам. Вовремя уловившие конъюнктуру рынка туризма, отдельные семьи стали хорошо ухаживать за своими лошадьми, улучшают конское снаряжение, учитывая и эстетические запросы потенциальных клиентов. Предоставление коней для верховой езды дает дополнительный заработок, чем пользуются скотоводы, когда находятся на высокогорных летних пастбищах.

В последние годы, как никогда, популярными стали кобылье молоко (*бээнин сүтү*), слабо ферментированный вид кумыса (*саамал*) среди людей, стремившихся укрепить свое здоровье. Цены на них ощутимо повысились вследствие увеличения количества потребителей указанных видов напитка, в результате чего появились отдельные точки на стойбищах, где принимают посетителей. Национальный напиток *кымыз* также превратился в товар, предназначенный на продажу, хотя встречается немало случаев бесплатного угощения случайных гостей и специально приглашенных на семейные праздники людей. Это свидетельствует о постепенной коммерциализации кобыльего молока, о чем даже не задумывались далекие предки. В наши дни из-за всевозрастающего спроса на конину в связи с семейными, коллективными

обрядами и церемониями все больше семей стали заниматься разведением лошадей.

Таким образом, существует ряд факторов, в целом положительно влияющих на современное состояние коневодства в стране. Это направление животноводства доказало свою способность приспосабливаться к изменяющимся условиям, обусловленным новыми экономическими отношениями, глобализацией.

Государством предпринимались определенные шаги по развитию коневодства в Кыргызской Республике. Так, в частности, была принята соответствующая государственная программа, рассчитанная на 2003–2010 годы, одобренная постановлением Правительства от 22 мая 2003 года. Согласно данному документу, основной целью развития коневодческой отрасли на среднесрочную перспективу является полное обеспечение сельскохозяйственных, спортивных и прочих организаций различного назначения и форм собственности, а также физических лиц высококачественными лошадьми основных направлений хозяйственного использования (рабочими, продуктивными, племенными, спортивными) на основе высокой экономической эффективности конепроизводства.

На основе изложенного можно прийти к заключению, что лошади продолжают оставаться ценным видом разводимых домашних животных. После нескольких лет кризиса стал неуклонно увеличиваться их численный состав, проводится работа по улучшению породности, хотя этот показатель все еще остается низким. Аборигенная кыргызская порода лошадей имеет большую ценность, так как прекрасно адаптированы к сложным условиям высокогорья и лучше приспособлены к ведению пастбищного скотоводства. Однако сохранность данной породы вызывает беспокойство, из-за их малочисленности. В целом, лошади занимают большой удельный вес в структуре стада, которого не было в советское время, и высоко ценятся в хозяйственной, социальной, культурно-спортивной, религиозной жизни населения.

5.2. Овцы

Самым многочисленным видом домашних животных в хозяйстве населения высокогорных районов как в традиционном обществе, так и в советскую эпоху продолжали оставаться овцы. Предки кыргызов прекрасно понимали значение овец в жизнеобеспечении, продолжении хозяйственно-культурных традиций. Они хорошо осознавали также социальную значимость этого животного. Являясь неприхотливыми в пище, овцы обладают достаточно развитым рефлексом стадности, а также способностью добывать себе подножный корм даже из-под неглубокого слоя снега, хотя при этом тратят много энергии [207, с.100–101]. В осенне-зимний период годового цикла сравнительно хорошо переносят холод. Если рассмотрим вопрос о значимости этого животного в более широком географическом охвате, видим, что овцы, безусловно, были очень важными «с точки зрения пропитания и основой пасторализма во Внутренней Азии» [92, с.43]. В настоящее время во многих районах страны овцы продолжают оставаться базой для экономики сельских семей.

Одним из отличительных качеств овцы является ее неприхотливость в выборе подножного корма. Е.М. Лущикина и Д.В. Чебодаев отмечают: «Овца поедает значительно больше видов дикорастущих растений на пастбище. Подсчитано, что овцы, как сугубо пастбищные животные, поедают 520 видов растений (из 600 имеющихся на пастбище), крупный рогатый скот – 460, лошади – 416. Овцы поедают 46 видов полыни из 91, лошади – 39, коровы – 24. Из 181 вида солянок овцами поедается 132, лошадьми – 48, коровами – 39» [203, с.25]. Согласно результатам исследований бурятских ученых, из более чем 600 видов растений, произрастающих в аридных зонах Северного полушария, овцы поедают до 570 разновидностей трав [262, с.14].

В советскую эпоху овцеводческой отрасли придавалось особое значение, так как она стала наиболее важным направлением экономики республики.

Необходимость поставки на общесоюзный рынок мяса и шерсти, согласно принятым планам, являлась важной задачей колхозов и совхозов. В союзных закупках на долю Кыргызстана приходилось 7,3% шерсти. За годы девятой пятилетки государству было продано более 450 тыс. баранины (в живом весе). Это позволило значительно поднять доходы колхозов и совхозов от овцеводства [160, с.3–5]. Государственная политика была ориентирована на всяческую поддержку отрасли, благодаря которой удалось укрепить материально-техническую базу, создавать новые породы и т. д. В колхозно-совхозных стадах содержались овцы однородной породы, также формировались отдельные отары из валухов, маточных овец. При формировании отары из маточных овец учитывался и их возраст. Производителей держали в отдельных стадах. Осеменение осуществляли искусственным способом.

В 70–80-е годы XX века продукция овцеводства составляла 34% доходов колхозов и совхозов республики [212, с.18]. Кыргызстан занимал 3-е место в СССР после России и Казахстана. В расчете на единицу сельхозугодий – 1-е место в СССР: 119 голов на 100 га пастбищ. На 100 га сельхозугодий производилось 3,3 ц шерсти и 13 ц мяса, что было самым высоким показателем в СССР. Вероятно, относительно высокие показатели в определенной степени были связаны с так называемой «второй коллективизацией», проводившейся с начала 1960-х годов, когда из личных хозяйств была изъята в пользу коллективных форм собственности значительная масса скота [169, с. 60]. Тем не менее кризис, который наметился в конце 1970-х годов, привел к нерентабельности овцеводческой отрасли к концу 1980-х годов.

Сельские жители имели в своих личных подворьях и овец, количество которых было официально лимитировано. Тем не менее нередко домохозяйства умудрялись разводить больше животных, чем это было предусмотрено. При этом они могли пользоваться ресурсами коллективных хозяйств (транспорт, фураж, пастбище, услуги ветеринара и т. д.), скрывая от руководителей колхозов и совхозов.

В современных условиях овца продолжает оставаться экономически, социально и культурно значимым видом скота в жизни людей. Как и в прошлом, ныне трудно представить сельскую семью без хотя бы двух–трех голов мелких животных. В обществе преобладает мнение, согласно которому только самые ленивые, ведущие паразитический образ жизни семьи не могут завести свое стадо.

В реальности все жители сельских районов, независимо от места работы, социального положения в обществе, занимаются разведением овец. Так, например, свои стада овец имеют сотрудники местных самоуправлений, учителя, медицинские работники и другие сельчане, имеющие стабильный заработок. В первую очередь, вероятно, это связано с экономическими соображениями. Содержание скота дает возможность иметь семье дополнительный источник, без которого практически трудно справиться с расходами. К тому же в современном Кыргызстане, ставшем на путь рыночных отношений, тратятся солидные суммы на товары и различные услуги, включая медицинское обслуживание и обучение детей в учебных заведениях.

Овцы обеспечивают людей таким жизненно важным продуктом, как мясо. В сельской местности баранина считается наиболее часто употребляемым видом мяса. По сравнению с ней значительно меньше употребляют козлятину, удельный вес которой на рынке достаточно мал [245, с.94]. Их без особых колебаний могут резать для угощения в случае приезда наиболее уважаемых, почетных гостей, приносят в жертву в связи с проведением различных ритуалов и народных обычаев. Нередко овцы и бараны используются в качестве дара для преподнесения родственникам и близким по поводу семейных торжеств (рождение ребенка, обряд инициации, свадьба, юбилей и др.). В особых случаях, когда люди испытывают трудности в связи с острой необходимостью финансовых средств (операция больного, стихийное бедствие и др.), эти животные могут служить в качестве материальной помощи. Как видим, здесь экономический фактор имеет непосредственную связь с социальными

отношениями и способствует наряду с другими средствами поддержанию их и в современных условиях.

Думается, что, поскольку разведение овец – хозяйственно-культурная традиция, передававшаяся из поколения в поколение, поэтому оно ещё не потеряло своей значимости. Почти любой человек, проживающий в районах, где природно-климатические условия позволяют содержать животных на подножном корме, унаследовал навыки по уходу за скотом. Наличие скота в подворье – это хозяйственное занятие для членов семьи, которое требует определенных знаний, а также времени по уходу за животными. Согласно первой сельскохозяйственной переписи 2003 г., в стране насчитывалось 3 047 736 голов овец с 68-процентным удельным весом овцематок. В Нарынской области имели 526 438 голов овец, тогда как в Иссык-Кульской – 544 932 [27, с. 256].

Изменения структуры потребности рынка в произведенных продуктах животноводства привели и к такому неблагоприятному явлению, как ухудшение качества стада. Прежде всего это коснулась овцеводческой отрасли. Крестьянские и фермерские хозяйства, отдельные подворья не стали должное внимание уделять породному составу скота. Если в советское время запрещалось держать в личных подсобных хозяйствах сельчан, а тем более смешивать с общественной отарой овец других пород, то в последующем это стало обычным явлением. В отарах сельского населения повсеместно можно было видеть сочетания разных пород овец. На территории Кыргызстана «преобладают помеси местной кыргызской овцы с традиционными в советское время кыргызской тонкорунной, гиссарской таджикской и узбекской селекции, встречаются джайдара, овцы породы эдилбай из Казахстана, завезены романовская овца из России и авасси из Израиля» [203, с. 15].

Отдельные коллективные, крестьянские и фермерские хозяйства предпочитают разводить главным образом овец шерстного направления, стремясь сохранить качественный состав своих стад. В республике в 2006 г. большой группой ученых и практиков была выведена порода кыргызского горного меринуса. В этой работе активность проявила дочь выдающегося

ученого М.Н. Луцихина, стоявшего во главе выведения породы кыргызской тонкорунной породы овец, Е.М. Луцихина. Так, в частности, к их числу относятся такие хозяйства Ат-Башинской области, как “Чолок-Туума”, “Кален-Ата”. Около 400 голов овец числится в хозяйстве К. Омуракунова. В 2000-е годы фермер этой же области Ж. Жумаков довел поголовье тонкорунных овец до 6 тысяч, которых круглогодично содержал в западной части обширного Ак-Сайского пастбища. Однако, по рассказам местных жителей, в 2010-е годы он по частям распродал все стадо.

В 1998 г. был осуществлен завоз 290 баранов-производителей и 400 ярок в возрасте 1,5 лет, отобранных из 18 ферм Австралии, что рассматривалось как один из путей комплексной стратегии развития тонкорунного овцеводства [203, с.28]. Распределенные по разным хозяйствам, эти производители должны были использоваться в осеменении маток, в основном вольным методом. Следует в этой связи отметить, что овцеводы стали использовать, как и в традиционную эпоху, *белдик*, сшитый из войлока, чтобы предотвратить случки в нежелательное время года. Снимают его в запланированный период, который чаще всего приходится на октябрь.

С 1990-х годов, в течение двух десятилетий, тонкорунных овец невыгодно стало разводить в связи с очень низкой закупочной ценой шерсти. В 1999–2000 годы цены на этот вид скотоводческого сырья несколько поднялись. Так, в 2000 г. в Нарынском, Ак-Талинском районах люди сдавали шерсть по цене 25–34 сома за 1 кг [45]. Тем не менее она не стала значимым источником пополнения бюджета и не способствовала заметному улучшению материально-бытового положения владельцев. Вырученные финансовые средства нереально было пустить в качестве оборотного капитала из-за мизерности суммы. Свое негативное влияние оказывала и невозможность продажи шерсти непосредственным потребителям, покупателям, нуждающимся в нем. Этим умело воспользовались посредники-перекупщики, которые стремились приобрести шерсть у населения по заниженным ценам. Сложившаяся ситуация на рынке не могла стимулировать производителей шерсти. Государственные,

акционерные предприятия типа Токмакской фабрики по первичной обработке шерсти оказались не в состоянии конкурировать с китайскими коммерсантами, которые закупали через местных заготовителей большие партии мериносовой шерсти и вывозили в Китай. Кстати, они приобретали также полугрубые сорта шерсти. В то же время качество тонкорунной шерсти ухудшилось и не выдерживало конкуренции на мировом рынке. С разрывом прежних налаженных экономических связей кыргызская шерсть была вытеснена и с рынка стран СНГ. Кризисные явления на постсоветском пространстве, разрыв былых хозяйственных связей бывших союзных республик отрицательно отражались и на производстве скотоводческой продукции. Естественно, это оказывало сдерживающее влияние на развитие тонкорунного овцеводства. Численность племенных тонкорунных овец по подсчетам специалистов в 2016 г. составила всего 14,5 тыс голов [64, с.15].

В 1990-е годы многие крестьянские и фермерские хозяйства стали отдавать предпочтение аборигенным курдючным овцам, популяции которых образовались в результате длительной эволюции у кочевых народов Восточной Монголии [202, с.22]. По мнению многих наших респондентов из Нарынской, Иссык-Кульской, Чуйской, Ошской областей, они лучше приспособлены к местным природно-климатическим условиям, менее прихотливы, имеют лучший адаптивный потенциал для круглогодичного содержания на подножном корме. В числе преимущественных качеств этой породы по сравнению с другими отмечена способность их тебеневать и при сравнительно глубоком снежном покрове с меньшими энергетическими затратами. Кроме того, многие считали, что они могут давать больше мяса. Являясь одним из основных в рационе питания, баранина всегда пользуется спросом как сельского, так и городского населения.

Овцы мясосального направления были желанной породой для многих людей еще со времен Советского Союза. Однако они не имели возможности разводить их на своих подворьях в силу существующего порядка, связанного с запретом содержать в личных стадах другие породы овец. В стадах сельчан и

ныне встречается немалое количество беспородных помесных овец, что свидетельствует о слабой работе хозяйств разного типа по улучшению качественного состава отар. В 1980-е годы овцеводство было ориентировано на выращивание, помимо кыргызских тонкорунных овец, тянь-шаньской полутонкорунной, алайской полугрубошерстной пород. Следует отметить, что поголовье тянь-шаньских полутонкорунных овец, разводимое ранее, согласно породному районированию, в Нарынском, Ак-Талинском, Тогуз-Тороуском районах уменьшается и подвергается скрещиванию [242, с. 45].

По мнению отдельных специалистов, преобладание овец мясосального направления является временным явлением, которое должны сменить иные тенденции, в частности, восстановление стада кыргызских тонкорунных овец [66, с.64 – 66]. Однако скотоводы продолжают разводить разные породы овец. Респонденты отмечают рост местных грубошерстных овец, хотя к ним иногда относят и скрещенных помесей. Вероятно, для скотоводов важны здесь такие показатели, как скороспелость, сравнительно меньшая затрата сил на уход. Тем не менее интерес к тонкорунному овцеводству всегда был. А с начала 2010-х годов все больше людей предпочтение отдают мериносовым овцам шерстного направления. Скотоводы, которые придерживаются такого взгляда, считают, что породы указанных овец быстро могут набрать жир равномерно по всему телу и обладают хорошими вкусовыми качествами, тогда как у курдючных весь жир сначала накапливается в хвостовой части. В условиях когда начал появляться спрос на шерсть по сравнительно высокой цене, содержать таких овец стало выгодно. Однако, несмотря на желание скотоводов, к настоящему времени такая тенденция ещё не получила устойчивого развития. В то же время немало людей считают, что породы мясосальных овец являются рентабельными в нынешних условиях. Значит, их они будут разводить и дальше наряду с другими.

Таким образом, самым многочисленным видом скота является овца – один из самых любимых животных кыргызов, с которым всегда было связано их благополучие. С распадом колхозно-совхозной системы в овцеводстве начался большой спад, выразившийся в катастрофическом падении численности, что,

естественно, негативно сказалось на породности и качестве ухода. Тем не менее в последние годы прослеживается тенденция в сторону улучшения качественного состава отар. Происходит переоценка значимости тонкорунных овец. Как и в традиционном обществе, хозяйственное подворье семей в горных районах республики невозможно представить без овец, которые служат не только пищей, но и товаром, единицей обмена, подарком.

5.3. Козы

До установления советской власти кочевники выпасали коз с овцами в общем стаде. Некоторые из них использовались в качестве вожаков отар. Козы способны поедать грубостебельчатые травянистые растения; могли выпасаться среди невысоких кустарников, произрастающих на скалах и служивших подножным кормом для них [204, с.9]. Кыргызы издавна разводили аборигенную породу коз, которые обладали крепкой конституцией, высокой жизнеспособностью, выносливостью. Их экстерьер и другие хозяйственно-полезные признаки имеют сходство с козами других пород, разводимых в Средней Азии и Казахстане [242, с.79]. Методы содержания коз и овец в круглогодичном скотоводческом цикле совпадают. При этом скотоводам всегда приходилось считаться, что козы являются намного более подвижными животными, требующими концентрации большего внимания, потому что они могут отделяться от общего стада, подниматься на скалистые места, откуда порой не просто было их спустить вниз, увести стадо в нежелательные для пастуха направления, оставаться спрятанными среди кустарников.

В отличие от овец козы всегда ходят, высоко задрав головы, могут добывать себе корм, поднимаясь на двух задних ногах, поедая стебли и листья деревьев и кустарников. Интересно наблюдать поведение козы в разных погодных условиях. Так, если в теплые, безоблачные дни они находятся в

головной части стада, то в ветреные, дождливые периоды козы идут следом за овцами, укрываясь от направления холодов за их телами, опустив головы.

В традиционном обществе кыргызы, как, впрочем, и многие другие народы Центральной Азии, ценили коз не так высоко, как овец. У тех же бурят их разведение считалось менее престижным, чем содержание в стаде овец [179, с.69]. Такое же отношение к козе наблюдается и в настоящее время. Ее считают видом скота, который плохо переносит сырую погоду, не нравится людям то, что козы труднее поддаются управлению и характеризуются как невыносливые (*жалакай*). Возможно, недостаточно ценят козу в мире под влиянием религиозных представлений, где она воспринимается в качестве дьявольского животного, что могло повлиять и на кыргызов. Сравнительная трудноуправляемость в ходе выпаса, нанесение больше вреда растительности также сыграли в этом свою роль. Однако такие причины не стали преградой в их разведении. Козы всегда входили в структуру стада предков кыргызов, имея немалое значение в их жизнеобеспечении. Стоит отметить также искупительную и благодарственную роль коз в обрядовой практике и народной медицине кыргызов, одним из которых является *өпкө чабуу* [279, с.229; 175, с.128; 134, с. 65 – 66; 277, с.79].

Кочевники, разводя коз, получали такие ценные продукты питания, как молоко и мясо, а также сырье для необходимых вещей в домашнем хозяйстве: пух использовали для изготовления теплой одежды, шерсть – для веревок и войлока, кожу – для прекрасных бурдюков (*чанач*). Для этого козлиная шкура снималась чулком и коптилась. Из сыромятной тонкой кожи плели сетки – решета для просеивания зерна (*калбыр*), закрепляя кольца на ободке (*алкак*). Результаты исследований, проведенных во второй половине 20-х годов XX века, показали, что от одной козы получали 1 л молока в день, и за один только раз коза давала в среднем около 0,4 кг шерсти, из которой получали около 30% чистого пуха [210, с.305]. Такая производительность была вполне характерна для более раннего периода.

Удельный вес коз в отдельных хозяйствах определялся степенью состоятельности владельцев. Больше их было у бедных скотоводов, так как разводили с целью обеспечения семьи молоком. Не случайно кыргызы говорили: “*Эсиң кетсе – эчки бак*” (“Если тебе тяжело, паси коз”). Эта пословица точно отражала значение козы, особенно для семей, испытывавших экономические трудности. Эти животные, не требуя особых усилий в содержании, были очень плодовиты и часто приносили двойняшек, а также давали больше молока, чем овцы.

Удельный вес коз в Кыргызстане с 1909 по 2013 год составил 11,8 % от общего поголовья скота [238]. В советское время в Кыргызстане численность коз в отарах колхозов и совхозов, а также в личных подворьях населения горных районов севера республики оставалась минимальной. Особенно с момента, когда приоритетным видом в общесоюзном разделении труда стало овцеводство, в колхозах, совхозах и личных подворьях запрещали содержать коз. Последних разводили в специализированных хозяйствах, преимущественно на юге республики. Наши собеседники рассказывают о редких случаях, когда можно было видеть их в стадах в 1970–1980-е годы.

После распада Советского Союза и ликвидации колхозов и совхозов, вскоре после осмысления значимости скота, немало скотоводов стали разводить коз. Вероятно, это было рациональным шагом с их стороны, если учесть то обстоятельство, что многие хозяйства потеряли почти весь свой скот в трудные годы начала 1990-х годов. Козы обладают таким прекрасным качеством, как плодовитость. В большинстве случаев они приносят двойняшек. Тем более, как отмечают специалисты, «содержание этих животных не требует больших материальных затрат и вполне доступно для населения как в пригородных, так и высокогорных районах» [69, с. 259].

Наши наблюдения в течение нескольких полевых сезонов дают основание полагать, что отдельные семьи, не имевшие скота, начали формировать свои стада именно путем содержания одной–двух коз, послуживших начальным капиталом в 1990-е – начале 2000-х годов. Это позволило им постепенно

накапливать средства, чтобы покупать для своего хозяйства ягнят, а в дальнейшем и взрослых овец, а также крупных видов скота, что приводило к расширению стада как в численном, так и в структурном отношении.

Рациональность разведения коз прослеживается и в угощении уважаемых гостей и близких родственников, и в участии в мероприятиях, когда нужно было проявить солидарность и оказать взаимопомощь. Согласно традиции, козлятина не является такой престижной, как, например, баранина. Однако в кризисные годы 1990-х не все скотоводы, в том числе в прошлом состоятельные из них, могли позволить себе резать каждый раз баранину по поводу приезда уважаемых гостей. В эту пору многие семьи были экономически слабыми в результате катастрофической недостаточности наличных денег, высокой инфляции, дефицита продовольствия и товаров повседневного потребления. К тому же во дворах сельчан скота практически не было. В таких условиях приходилось гостей угощать козлятиной, к чему все относились с пониманием, а его значение заметно повысилось. Некоторые информаторы говорили, что разведение коз и угощение его мясом обходятся владельцу стада гораздо дешевле, нежели более дорогое по стоимости и значению мясо барана, поголовье которого можно таким образом сохранить (*койго сеп болот*).

В последние четверть века коза часто выступала в качестве предмета дара по поводу различных национальных обрядов или праздников (весть о рождении ребенка, разрезание пут, обрезание и др.) родственников, друзей, одноклассников.

Не менее важным стимулом в содержании коз следует считать закупочные цены на пух на рынке сельхозпродуктов, которые устраивают производителей. Так, например, в 2000 г. в Ат-Башинском районе за 1 кг сданного козьего пуха получали от 700 до 800 сомов. По данным, которые были получены от информаторов, в 2001 году цена на пух фактически не изменилась. От одной козы можно получить 150–200 граммов пуха. Согласно результатам исследований прошлых лет, проведенных во второй половине 20-х годов XX века, от одной козы получали 1 л молока в день, и за один только раз коза давала

в среднем около 0,4 кг шерсти, из которой получали около 30% чистого пуха [210, с. 305].

Пух, по признанию многих наших информаторов, являлся товаром, пользующимся большим спросом. Его вывозили в основном в соседний Китай. Породистые козы пухового направления разводятся в основном в Аксыйском, Баткенском районах, которые с давних пор относились к зонам развитого козоводства [242, с.81]. Для сравнения отметим, спрос на кашемир на рынке являлся важным фактором увеличения доли коз в структурном составе стад семейных хозяйств монголов, за счет которого они заметно пополняли свой бюджет. Так, в 2007 г. 60% выручки от экспорта составил кашемир, а спустя два года этот показатель достиг 80% [308].

Однако тенденция роста спроса на кашемир оказала отрицательное влияние на оптимальное соотношение разных видов скота в стаде, нарушила рациональные методы ведения хозяйства, сложившиеся в течение многих веков. Увеличение численности коз представляет большую угрозу степи, где происходит опустынивание, о чем говорят и сами кочевники [113, с.74; 129, с.148].

В стаде одного из частных крестьянских хозяйств Кочкорского района в 2005 г. насчитывалось 30 голов коз, тогда как количество овец достигало 150. При этом глава семьи отметил, что местное население не очень любит это животное, считая его беспокойным – *тентек*. Поэтому они стараются держать поголовье коз в ограниченном количестве. Тем не менее содержание коз, скорее всего, было разумным решением для многих хозяйств в условиях отсутствия четкой определенности выбора приоритетов в экономическом плане.

Интерес представляют в этой связи официальные статистические данные. Так, в 2003 г. общее количество коз в республике составило 123 491 голов, а удельный вес их маток к общему поголовью – 69%. В хозяйствах населения разводилось 479 424 голов, в крестьянских (фермерских) хозяйствах и хозяйствах индивидуальных предпринимателей – 454 161 голов. Обращая внимание на показатели в разрезе областей видим, что в Нарынской области

содержали в том году 165 484, в Иссык-Кульской – 66 626, Баткенской – 228 520, Джалал-Абадской – 193 669 голов коз [27, с. 259]. В 2009 г. общее поголовье коз составило 933 713, а в 2010 г. – 942 484 голов [35, с. 25]. В последующие годы динамика численности поголовья коз в республике выглядела таким образом: 2015 г. – 869 794, 2016 г. – 856 904, [21,] с. 29] в 2017 г. – 820 043, в 2018 г. – 806 949, [36,] с. 29] в 2019 г. – 801 133 голов [34,] с. 29].

Не может не вызвать интерес общая численность коз по всей Нарынской области, где я проводил полевые стационарные исследования в течение многих лет. Официальные данные Национального статистического комитета Кыргызской Республики дают следующие цифры: 2009 г. – 188 973, [49,] 2015 г. – 177 993, 2017 г. – 165 932, 2018 г. – 163 019 [22, с. 24], 2018 г. – 163 019, 2019 г. – 165 709 голов [23, с.29]. Из приведенных показателей видна тенденция в сторону сокращения поголовья коз в последние годы. В то же время в Нарынской области после неуклонного снижения в 2019 г. был отмечен небольшой рост численности, что, вероятно, связано со значимостью этого вида животных в хозяйственной жизни населения и обретением необходимых навыков по их разведению.

Однако все же в горных районах северной части страны козу разводят преимущественно под влиянием конъюнктуры рынка и сложившейся ситуации в частных хозяйствах, в частности, когда в них происходит падение поголовья скота. Содержание этого вида мелкого скота имеет более глубокую традицию в южной части республики. В регионе имеются обширные площади каменистых и поросших кустарниками пастбищных угодий, благоприятствующих развитию козоводства. В Баткенской, Джалал-Абадской и Ошской областях поголовье коз насчитывало более 560 голов, что составило 70% от общей численности этого животного в Кыргызской Республике [80]. В 2000-е годы для производства пуха и молока коз разводили преимущественно на отдаленных горных территориях Баткенской и Джалал-Абадской областей [69, с. 261]. Тем не менее под влиянием факторов быстрого размножения и спроса на пух в Нарынской области некоторые хозяйства стали также с удовольствием разводить это животное. По

информации 85-летней А. Карымшаковой, в 2018–2019 гг. закупочная цена пуха была равна около 2 тыс. сомов (ПЗА, с. Кара-Булунц Ат-Башинского района, 15.08.2019 г.).

Отдельные скотоводы разводили коз для получения молока. Ведь они всегда давали сравнительно много этого ценного продукта. Не случайно в народе говорят «*Жаман уйдан жакшы эчки артык*» («Лучше хорошая коза, чем плохая корова»). Особенно это было характерно для кризисных годов после развала союзного государства. После того как сельское население оправилось от шокового состояния и начало активизировать хозяйственную деятельность по развитию скотоводческой отрасли, заметно снизилось значение козы как источника молока, хотя отдельные семьи продолжают и ныне заниматься дойкой коз для внутреннего потребления. Кстати, попутно отметим, что некоторые хозяйства привозили зааненскую и другие породы молочных коз в республику в 80-е годы XX в. Здесь следует подчеркнуть и целебное, диетическое свойство козьего молока, которое рекомендуют употреблять в качестве оздоровительного напитка, особенно в кормлении детей грудного возраста. Козье молоко «обладает сильными антиинфекционными, антианемическими и антигеморрагическими свойствами. Установлено, что аминокислотный состав козьего молока близок к женскому» [242, с. 78].

Итак, результаты анализа полевых эмпирических, литературных материалов показывают, что козы как один из видов мелкого скота менее престижны, чем овцы. Однако значимость коз в структуре стада возрастала в трудные в экономическом плане времена. Период суверенитета Кыргызстана, особенно 1990–2000-е годы, не стали исключением, в том числе для переформирования стад семейных хозяйств. Коза продолжает оставаться наиболее подходящим видом скота для жертвоприношения и совершения соответствующих обрядовых действий. Сравнительно большие по размеру стада в некоторых районах юга республики связаны как с природными условиями, способствующими разведению определенных видов домашних животных, так и со сложившимися за многие годы традициями местного населения.

5.4. Крупный рогатый скот

В структуре стада домашнего скота кыргызов особое место всегда занимал крупный рогатый скот, разводимый ими издавна. Этнографические материалы говорят и о том, что кыргызы, занимаясь разведением коров и быков в течение многих веков, тем не менее относились к этому виду скота с некоторой долей предубеждения: ведь он не мог служить единицей обмена или свадебного выкупа. Крупный рогатый скот значительно реже резали при проведении обрядовых мероприятий, так как считали их “грязными” животными, которые едят все подряд. При необходимости забоя этих животных их держали в стойле до сорока суток – для “очищения организма”. У кыргызов даже бытовало выражение: *“Уй сойсоң – жети күн үйүңдөн кач”* (“Если режешь корову, семь дней избегай своего дома”). Считалось, что свежее мясо коровы отличается неприятным запахом, поэтому кыргызы предпочитали употреблять его в вяленом виде [134, с.70].

Состоятельные люди не держали в своих стадах коров, считая это уделом бедняков. В то же время эти животные, несмотря на их экономическую значимость, недостаточно принимались во внимание при оценке степени зажиточности. Тем не менее указанный вид крупного рогатого скота нес очень важные функциональные нагрузки в хозяйстве. С началом перехода к оседлости и богатые семьи стали положительно оценивать роль этого животного в жизни населения.

По мнению участников экспедиции, проводившейся в 1927 г. в Кыргызстане, основное ядро крупного рогатого скота кыргызов “вероятно, было приведено киргизами на Тянь-Шань с Енисея, где они уже занимались разведением этого вида домашних животных с глубокой древности” [200, с. 34]. Скорее всего, ими в то время разводился скот, близкий к монголо-тюркскому типу, который затем претерпел сильное влияние других пород. Так, в XVII–XVIII вв. вследствие вынужденной миграции кыргызов (в результате вытеснения

калмыками) в Ферганскую долину определенное влияние на породный состав их стад оказал местный скот.

Следующий этап расширения пород крупного рогатого скота приходится на период появления в крае переселенцев из России, которые привозили с собой некоторое количество более продуктивного скота. Так, из России в Кыргызстан были привезены отдельные виды коров и производители красной калмыцкой, астраханской и голландской пород, которые особенно распространились в Северном Кыргызстане и оказывали определенное влияние на породность кыргызского скота. Коровы швицкой и симментальской пород были завезены сюда в начале XX в. [70, с.68] и сыграли положительную роль в улучшении качества и продуктивности скота. В результате селекционной работы, скрещивания они становились крупными и высокоудойными.

Алатауская порода, выведенная на основе скрещивания местного кыргызского скота с быками швицкой породы и длительной селекционной работы с помесями, являлась одной из лучших в Кыргызстане. Во время апробации от коров этой породы на племенных заводах надаивали в среднем за год 3 500 – 4 000 кг молока. Их живой вес достигал 500 – 550 кг. Молочный скот в республике был представлен также аулиэатинской породой, которая была выведена намного раньше, чем алатауская, немецкими переселенцами, расселившимися в Таласской долине. В конце XIX века из Поволжья был привезен голландский скот, положивший начало новой породе, названной впоследствии аулиэатинской. В совершенствовании этих животных участвовало несколько пород [261, с. 80 – 81].

В советское время разведение коров с целью производства и сдачи государству молока оставалось одним из приоритетных направлений деятельности некоторых сельскохозяйственных предприятий. Среди них встречались и специализированные хозяйства, где были созданы все необходимые условия для содержания коров и применялись автоматизированные механизмы кормления, дойки и т. д. Придавалось должное внимание улучшению качества стада, в том числе путем выведения новых пород.

Были построены молочно-товарные фермы (МТФ), работали научные лаборатории. В опытном хозяйстве МИС проводилось скрещивание алатауских маток с быками черно-пестрой породы, выведение которых существенно увеличило надой молока. В 1988 г. их насчитывалось на фермах МИС 82%, средний надой достиг 5 687 кг молока [261, с.105].

Однако кризис в аграрном секторе, начавшийся еще до распада союзного государства, не обошел стороной это направление. К 1991 году поголовье крупного рогатого скота уменьшилось по сравнению с 1989 годом до 87% [169, с.60], что свидетельствовало не только о катастрофическом падении численности, но и значительном уменьшении молочных продуктов на рынках и прилавках магазинов. Разгосударствление и приватизация в сельском хозяйстве, проводимые на местах с грубыми нарушениями, привели к разрушению и растаскиванию материальной базы и резкому уменьшению поголовья скота. Лишь некоторым хозяйствам удалось как-то сохранить основу, пытаясь коллективно адаптироваться к новым условиям экономических отношений. Главным образом это было характерно для единичных хозяйств Чуйской долины, где сравнительно высокое развитие получило молочное направление. В тех же высокогорных районах, где нами проводились полевые этнографические исследования, это было сравнительно менее развито.

В постсоветский период значение коровы как полезного животного значительно возросло. Для современных скотоводов она стала одним из приоритетных домашних животных. Разведение этого вида домашнего скота прежде всего было обусловлено необходимостью получения молока, продукты из которого входят в рацион питания сельских жителей в течение всего годового цикла. Переработанные из коровьего молока продукты, такие как айран, *сүзмө*, *курут*, *уй кымыз*, разнообразят кухню современного скотовода и оказывают благотворное влияние на питание. Результаты наших наблюдений в течение последнего десятилетия показывают возрастание роли говядины как для собственного потребления, так и для продажи на рынках. Спрос на говяжье мясо неуклонно повышается, что делает этот вид произведенной продукции хорошо

продаваемым товаром. В 2013 г. Если в республике в целом было произведено 355,0 тыс. тонн мяса, в Нарынской области этот показатель составил 49,0 тыс тонн [250, с.175].

Мясо этого животного прекрасно сохраняется в течение продолжительного периода. В прошлом, когда закалывали крупный рогатый скот на зиму впрок (*согум*), мясо обычно солили и вялили. Особенно вкусным оно становилось после добавления сушеного и измельченного с помощью ручного жернова (*жаргылчак*) растения *кызыл гул*, потом мясо с добавлением соли заворачивали в шкуру забитого животного. В таком виде оно могло храниться очень долго (ПЗА, 1992, Нарынский район). По рассказам информаторов, традиция вяления мяса говядины с добавлением *кызыл гул* продолжается и в настоящее время. Так, например, в долине Төлөк для соления в таких случаях применяют местную соль – *кара туз*. Тем не менее способы копчения, вяления, технологии которых отлично знали и применяли женщины в прошлые эпохи, постепенно утрачиваются. С одной стороны, это связано со слабой передачей богатого опыта молодому поколению, с другой – все более широким использованием холодильников. Определенную роль здесь играет и предпочтение членов семьи употреблять в пищу свежую и мороженую говядину.

Отношение к корове ныне сильно изменилось: почти все сельчане держат их в своем подворье, многие заинтересованы в расширении поголовья, бережно с ними обращаются в отличие от далеких предков, которым невыгодно было их содержать в условиях мобильного образа жизни. Скотоводы на зимних и осенне-весенних стоянках строят крытые помещения для содержания крупного рогатого скота, ежедневно чистят и меняют сено, кладут сухой навоз, служащий им подстилкой.

Коров разводят не только для обеспечения потребности семьи в молоке, но и для получения прибыли в денежном выражении. В высокогорных районах Нарынской области многие занимаются в домашних условиях переработкой молока в течение всего лактационного периода коров. В 2013 г. в области было произведено молоко в объеме 117,7 тыс тонн [250, с.175]. Главным образом они

получают топленое масло (*сары май*), пользующееся спросом как у сельских, так и городских кыргызов. Нередко получают на него заказы от родственников и знакомых. В тех регионах, где имеются предприятия по переработке молочных продуктов, владельцы скота сдают молоко по фиксированным закупочным ценам. В частности, так поступают жители населенных пунктов, близко расположенных к предприятиям по производству масла, сыра, творога и других молочных продуктов.

В 2003 г. в стране насчитывалось 1 088 263 голов крупного рогатого скота, из них коров – 549 669, удельный вес которых составил 51%. Кроме того, в Нарынской области – 121 191 голов, из них – 59 380 коров, удельный вес которых был равен 49%. В то же время в Иссык-Кульской области разводили 143 668 голов КРС, включая 76 170 коров, где их удельный вес составил 53% [28, с. 250]. Сравнительно высокие показатели курортной долины в определенной степени, вероятно, связаны со стабильным функционированием предприятий по переработке молока, а также особенностью структуры кормовой растительности на пастбищах, особенно в восточной части озера.

Стимулом для разведения крупного рогатого скота многими хозяйствами является большой спрос на говяжье мясо на рынках и магазинах урбанизированных населенных пунктов. По мнению информаторов, в районах с суровыми природно-климатическими условиями высокогорья в хозяйствах продолжают разводить низкоудойных коров, относящихся к мясо-молочному типу скота, так как они лучше приспособлены к местному климату. Между тем опыты, проведенные Кыргызским научно-исследовательским институтом животноводства, показали, что помесные бычки, полученные от скрещивания алатауских коров с бычками галловейской, абердино-ангусской пород, в 6-месячном возрасте достигают 183–190 кг живого веса при среднесуточном приросте 1100–1500 г. После пастбищного нагула (100 дней) помесные бычки имели среднюю живую массу 293 – 303 кг, что выше, чем у алатауских на 72 – 78% [69, с. 262]. С повсеместным переходом на рыночные отношения наиболее

продвинутые скотоводы стараются внедрять новшества для улучшения породы животных и повышения рентабельности своих хозяйств.

С 1999 г. наблюдается неуклонный рост численности крупного рогатого скота. При этом следует отметить, что абсолютное большинство всего поголовья крупного рогатого скота разводится во владениях населения, а также в крестьянских (фермерских) хозяйствах и хозяйствах индивидуальных предпринимателей. По состоянию на 2003 г. в первом из перечисленных типов содержалось 612 420 голов, тогда как во втором – 439 075 [27, с. 252].

Осеменение коров после развала Советского Союза почти во всех районах республики стало производиться естественным образом. Например, в отдельных сельских округах Ат-Башинского района были предприняты попытки использовать искусственный метод осеменения с целью улучшения качественного состава стада сельчан. Однако такие инициативы не получили широкой поддержки в силу отсутствия достаточных финансово-материальных средств.

Отел коровы для семьи сельчан – радостное событие. Первое молозиво – ууз, как и раньше, варят и едят все члены семьи, высказывая пожелания здоровья, достатка. Некоторые современные кочевники проводят старинный обряд *кылоолоо*, где основными участниками выступают женщины. Так, например, Ш. Базлакунова (1955 г.р.) из села Төлөк Кочкорского района, которая, по ее признанию, придает большое значение различным обрядам и суевериям, связанным со скотоводческим хозяйством, каждый раз после появления на свет теленка проводит обряд *кылоолоо*: втирая молозиво в спину и хвост теленка, на который предварительно привязывали красную нитку, она произносит следующие заклинания:

Кылоо, кылоо, кылоо,

Кылоо, кылоо*,

Артта калба – ууру алат.

Не отставай – воры уведут.

Астыга кетпе – карышкыр жейт,

Не высовывайся вперед – волки съедят.

Ортодо жүр.

Находишь посередине.

Ф.А. Фиельstrup записал данный обряд ещё в 20-е годы XX в. в Таласе, где молозиво – *уз кәжө* – ели все в присутствии теленка. Затем брали ложку молозива и проносили под теленком, приговаривая примерно такие же слова заклинания, приведенные выше [279, с.191]. Согласно представлениям людей, придерживающихся традиционных мировоззрений, совершение данного обряда все-таки положительно сказывается на сохранности и здоровье теленка. Базлакунова говорила, что, если не выполняет в течение сравнительно продолжительного времени какое-то обрядовое действие в загоне, ей становится не по себе. Вероятно, такие обряды позитивно влияют и на самих хозяев, так как они чувствуют после такого рода магических действий значительное облегчение.

Таким образом, крупный рогатый скот превратился в желанный вид домашних животных, о чем свидетельствует динамика численного роста его поголовья в республике. Сданные в сыром виде или переработанные продукты приносят владельцам деньги, что мотивирует многие семьи на лучшее содержание скота. Мясо говядины в урбанизированных населенных пунктах пользуется гораздо большим спросом, вытесняя на вторую позицию баранину. Государство в лице Министерства сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности через местные администрации проводит определенную работу, направленную на улучшение породного состава.

5.5. Яки

В высокогорном Кыргызстане яки занимают достойное место в структуре стад некоторых современных скотоводов. Природно-климатические условия высокогорья благоприятно сказываются на содержании этого вида скота, отличающегося неприхотливостью и способностью защищаться от нападений волков и других хищных животных. Как известно, они легко переносят холод, метель, бураны, сильный снегопад, хорошо чувствуют себя на значительной

высоте (4000–5000 м над уровнем моря), где холодный разреженный воздух. Разведением этого животного занимаются и в других высокогорных регионах Центральной Азии [349]. Однако яков можно встретить и на относительно низких высотах, где призимовочные территории их хозяев располагаются примерно на высоте 2 500 м над уровнем моря. Нередко в таких вертикальных поясах пасутся скрещенные с коровами особи, отличительными чертами которых являются послушность, сравнительно высокая удоиность, способность неплохо переносить теплую погоду. В Монголии яки составляли треть крупного рогатого скота. В центре и на севере страны гибриды между яками и коровами очень высоко ценятся, но они редки на западе [320].

Як представляет собой наиболее рентабельный вид животных, поскольку его содержание не требовало от кочевников особого труда, связанного с выпасом, охраной, и т. д. Кыргызы использовали яков как транспортное и вьючное животное в условиях высокогорья, а также получали от них молоко, мясо, кожу, шерсть. В тех местах, где призимовочные угодья находились относительно высоко (южное побережье Иссык-Куля, Ат-Баши и т.д.), их применяли также на земледельческих работах. А в животноводческих хозяйствах восточно-памирских народов яки издавна занимали ведущее место.

Крепкое телосложение, сильное сердце, объемистые легкие, густая шерсть, наличие особой роговой подковы позволяли ему легко приспособиваться к каменистым крутым склонам и холодам высокогорья [293, с.106]. Являясь абсолютно неприхотливым, як обеспечивал людей качественными продуктами. “Большой процент жира в молоке, большая густота его, большая сила и выносливость, вкусное мясо, большое количество волоса и ценная кожа, при невзыскательности к корму и уходу, делают яка экономически выгодным для киргиза, обитателей гор”, – отмечал Л.Ф. Безвуглый [96, с. 48–49]. Молоко яка отличалось более богатым содержанием жиров и белков по сравнению с молоком коров [117, с.235].

Я.Я. Лус, проводивший исследования в Кыргызстане, указывал на высокие верховые и вьючные качества яка, с которым в условиях высокогорья в этом

плане не может сравниться ни одно другое домашнее животное. По рассказам старожил, только благодаря яку в зимнее время удавалось поддерживать регулярные связи с Кашгаром и Памиром. Когда на перевалах Алайского и Заалайского хребтов были снежные заносы, по глубокому снегу прогоняли стадо яков, чтобы они его утоптали [201]. После этого появлялась реальная возможность переправиться через перевалы на лошадях или на тех же яках, значимость которых как вьючных животных, не потеряла значения и в годы независимости.

Яки спариваются так же, как дикие парнокопытные животные, о чем сообщил яковод с многолетним стажем Б. Дуйшекеев. Отел происходит обычно с начала марта до августа. Без коня невозможно содержать яков. Раньше волки не нападали на яков, так как они объединялись и давали отпор хищникам. Однако позднее пастухи стали использовать собак, которых сами поддерживали криками для перегона, остановки движения гурта, что приводило к тому, что яки постепенно теряли инстинкт коллективной защиты и становились добычей волков (ПЗА, с. Толок Кочкорского района, 19.07.2006 г.).

В советское время отдельные колхозы и совхозы, расположенные на высокогорьях, содержали яков. Для их выпаса выделяли штатных пастухов из числа опытных животноводов. Разведение этого вида скота позволяло получить сравнительно дешевое мясо, что было важно в выполнении взятых обязательств по его сдаче. К примеру, совхоз «Сон-Куль» с 1965 по 1980 год ежегодно сдавал государству для мяса от 150 до 250 голов яков. Шерсть и волосы яков сдавали в совхоз, 30% вырученных денег давали яководам. Из волоса яков в советское время скручивали толстую крепкую веревку (*аркан*), делали поводья (*чылбыр*), веревки для укрепления покрытий юрты из кошм (*боо*). Для горячего питания стригальщиков овец (с середины мая до середины июня) резали 15–20 яков. За сданное мясо яка в советское время платили по 2 рубля 50 копеек, тогда как за 1 кг говяжьего мяса давали 4–5 сомов (ПЗА, инф. Дуйшекеев Быкы, с. Толок Кочкорского района, 19.07.2006 г.). Другой аспект связан с рациональным

использованием такого природного ресурса, как подножный корм. Во время вольной пастбы яки съедают растительный покров самых труднодоступных лугов на альпийских поясах, что позитивно сказывается в восстановлении участков пастбищ. При правильной технологии ведения яководства его рентабельность, по расчетам отдельных специалистов, достигает до 80%. Однако экономический кризис нескольких первых лет суверенитета сказался и на падении поголовья яков. Более того, бывали случаи, когда яков отстреливали, если неудачно складывалась охота на диких зверей. Ситуация стала выправляться к середине 2000-х годов.

Собственное частное стадо яков в некоторых семейных хозяйствах стало формироваться еще до полного распада колхозов и совхозов. Так, одному частному хозяйству удалось получить потомство от арендованных в 1992 г. с партнерами 300 голов яков племхоза, что способствовало расширению стада, о чем подробнее написано в другом разделе настоящей работы. Приведем еще пример: К. Абышбаев из с. Баетов Ак-Талинского района рассказывает, что после распада Союза они начали работу с небольшого хозяйства, получившего впоследствии название “Рус-Нур”, и обменяли бартером лошадь на девять яков, количество которых за эти годы достигло 200 голов [61].

Вопрос, связанный с развитием яководства как значимым направлением животноводства в стране, специально рассматривался на уровне правительства. Спустя десять лет после обретения независимости Постановлением Правительства Кыргызской Республики №355 от 16 июля 2001 г. была одобрена Концепция комплексного развития яководства в Кыргызской Республике на 2001–2010 годы. В документе указывается, что максимальная численность яков в республике достигала в 1978 году 79,2 тыс. голов. Однако в связи с реформой в сельском хозяйстве в девяностых годах их численность сократилась более чем в четыре раза и на первое января 2001 года составила всего 17 тыс. голов. В республике имеется достаточно много участков высокогорных пастбищ, подходящих для выпаса яков. Согласно расчетам специалистов, можно

разводить в этой связи не менее 200 – 250 тыс. яков без ущерба для других видов животных [69, с.259].

Встречаются примеры растраты всего поголовья яков, ранее принадлежавшего общественным хозяйствам. Так, например, по информации местных жителей, в колхозе Тоголок Молдо Ак-Талинского района в конце 1980-х годов насчитывалось 300 яков, из них 90 самок. С распадом Союза и последовавшими реформами все поголовье было приватизировано, какая-то часть распродана, сдана на мясо (ПЗА, 2004. с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района).

Как видим из приведенных статистических данных, на рубеже двух веков наблюдалось наибольшее падение численности поголовья животных, затем, к середине 2000 годов, ситуация постепенно начала стабилизироваться. В результате ежегодного возрастания его поголовья общая численность яков достигла к 2006 г. 21,9 тыс. голов, а к концу 2007 г. – 22 тыс. голов [290, с. 79; 163, с.16].

Министерство сельского хозяйства страны поставило цель к 2015 году довести поголовье яков, продукция которых используется в пищевой, косметической, кожгалантерейной и обувной промышленности, до 45 тыс. По его информации, в 2018 г. в крестьянско-фермерских хозяйствах насчитывалось 26 198 голов яков, в личных подсобных хозяйствах – 12 376 голов, в коллективных хозяйствах – 3 123, в государственных хозяйствах – 12 040 [58]. Отрасль может сыграть существенную роль в увеличении производства мяса в стране. В то же время существуют проблемы, касающиеся качественного состава стад. В 2000-е годы в горах Тонского района стали разводить яков айкольской породы. Живая масса коров этой породы колеблется в пределах от 260 до 320 кг. Имеются особи с живой массой до 400 кг (Чертков, 2007. С. 81).

Анализируя полевые этнографические, статистические и другие материалы, можно сделать вывод, что яков разводят только те хозяйства, экономическую основу которых составляет скотоводство. Причем этим занимаются в основном скотоводы, имеющие определенные навыки в выпасе и

уходе за ними. Разведение яков – рентабельная отрасль скотоводства, сыгравшая важную роль в материальном укреплении некоторых хозяйств, обычно встречающихся в местах, где экологические локальные зоны с труднодоступными пастбищными пространствами расположены недалеко. В начальные годы независимости поголовье яков стремительно сокращалось, как и другие виды разводимого горцами скота. Стабилизации яководства, как рентабельной отрасли, кроме прочего, способствовала Концепция развития яководства в республике, принятая Правительством Кыргызской Республики. Некоторые скотоводы в стратегии развития своих хозяйств приоритет отдавали разведению яков учитывая минимальный объем материально-финансовых затрат по их содержанию.

5.6. Верблюды

В отдельных районах современного Кыргызстана скотоводы занимаются разведением верблюдов. Для того чтобы лучше понять роль этого вида скота, необходимо сделать небольшое историко-этнографическое описание прошлого из жизни народа в связи с его использованием.

В хозяйстве далеких предков кыргызов верблюды занимал важное место, несмотря на его небольшой удельный вес, так как имел не только хозяйственное, но и социокультурное значение. Что же касается прямого функционального назначения верблюдов, то оно заключалось в перевозке тяжелых грузов, кроме того, они способствовали укреплению торговых и других связей с соседями и внешним миром. Для верховой езды верблюдов использовали крайне редко (обычно при перекочевках), да и то на небольшие расстояния. В музеях, архивах хранятся ценные кадры, фотодокументы, где запечатлен навьюченный домашним скарбом верблюды во время перекочевки. Кроме того, есть много других снимков из жизни народа, связанных с этим животным.

Скотоводы, разводя верблюдов, получали такие ценные продукты, как мясо, молоко, шерсть, кожа. Отметим, однако, что кыргызы в отличие от

некоторых других народов значительно меньше использовали в пищу мясо и молоко верблюдов. Чрезвычайно высоко ценилась верблюжья шерсть (*чууда*), из которой изготавливали одежду, ткани, стеганые одеяла, веревки, даже мячики и др. Ее не стригли, а, как правило, обирали во время линьки (*тулөп жаткан кезде*) [300, с.378]. Шерсть, снятая с шеи, колен верблюда, шла на изготовление основы ковровой ткани [83, с.19]. Богатые кочевники носили верхнюю одежду из шерсти этого животного, которая называлась *төө чепкен*. Из кожи верблюда делали некоторые предметы кухонной утвари (*көөкөр, көнөчөк* и т. д.). Ею обтягивались также конские седла.

Предки кыргызов, как и некоторые другие народы Центральной Азии, с почтением относились к этому животному, что можно наблюдать по обычаям и обрядам, связанным с верблюдом [93, с. 30–31; 260, с. 318–319; 266, с. 99]. Культ верблюда прослеживался и в родильном обряде древних кыргызов. Так, с целью продолжения потомства бездетные родители должны были употреблять в пищу мясо верблюда [128, с.124].

В скотоводческих хозяйствах в основном были распространены двугорбые верблюды бактрийской породы. Некоторые общины имели и одногорбых, но их было немного (одногорбый верблюд назывался также дромадером – от греч. “бегущий”). Все верблюды хорошо приспособлены к условиям вертикальных перекочевков. Эти могучие животные, отличающиеся также чрезвычайной выносливостью, способны переносить большие тяжести. Как отмечал Л.Ф. Беззуглый, “нагрузка верблюдов доходит до 15 пудов веса выюка, причем и проводник тоже садится на него, и верблюд идет своим широким и крайне размеренным шагом, делая 6–7 верст в час. Пройдя таким образом 3 часа, он останавливается на отдых” [96, с.84]. “Корабль пустыни” для кыргызов служил для перевозки грузов и по сложным горно-пересеченным местностям.

В советское время развитию верблюдоводства не было уделено достаточного внимания, их разведение не было популярным как в общественных хозяйствах, так и в личных подворьях. Видимо, это было связано со следующими факторами: во-первых, он не был в числе домашних животных, считавшихся

приоритетными, во-вторых, с появлением и увеличением количества механизированных транспортных средств, которые были способны перевозить намного больше груза, чем верблюды, значение последних уменьшилось; в-третьих, умение и навыки по уходу за этим могучим животным стали утрачиваться. Однако такое пассивное отношение к этому виду вьючных животных не помешало широко использовать их услуги при кочевании и после коллективизации, что позволяло сохранить сложившееся хозяйственно-экологическое равновесие.

К 1970-м годам XX века резко сократилось количество верблюдов. Так, по результатам исследований Г.Ю. Ситнянского, к концу 1990-х годов в Ат-Башинском районе Нарынской области из 80 верблюдов, например в с. Кара-Суу, не осталось ни одного; в Ак-Музе из 300 осталось 23; в Ача-Кайынды последних двух верблюдов зарезали в апреле 1990 года. В с. Кара-Ой Ак-Талинского района осталось 19 верблюдов [258, с.153]. В ходе полевых исследований, проведенных в 2001–2008 годах на территории Ак-Талинского района, нами было зафиксировано некоторое увеличение поголовья этого вида животных, которых часть кочующих использовали для доставки груза по пересеченным, труднодоступным для колесного транспорта местам. Так, в частности, отдельные скотоводы при перекочёвках используют верблюда в качестве транспортного (вьючного) животного, когда они спускаются на время, с наступлением холодов на альпийских зонах, на нижние пастбища. Местное население такие пастбища называет *орто жайлоо*, куда невозможно доехать на машине. Например, К. Мамбетов и его сосед из Сон-Куля на Ак-Сай перевозили домашний скarb на своих верблюдах в 2001–2008 годах. Этих животных применяют также для перевозки тяжелых грузов в других условиях. Как нам удалось выяснить, на Сон-Куле, где расселены жители из Ак-Талинского района, в 2000-е годы было около 20 верблюдов. По информации ответственного секретаря сельской управы Тоголок Молдо, в указанные годы у местных жителей имелся 16 верблюдов, которых использовали при перекочевках на недалекие расстояния, перевозке дров с территории лесхоза. Такую же картину удалось

наблюдать и в восточной части Ат-Башинского района в середине 2000 годов. Однако это характерно только для отдельных населенных пунктов, что не дает нам основание делать вывод о позитивной тенденции в сторону количественного роста во всех районах высокогорной Нарынской области. Вероятно, многие не считают верблюдов рентабельным видом домашних животных, к тому же теряются навыки по его разведению [140, с. 49-53].

К сожалению, в долине Төлөк Кочкорского района, где автор провел стационарные исследования в 2005–2011 гг., не оказалось ни одной головы этого ценного животного. Местные жители хотели бы разводить достаточное количество верблюдов. В долине Төлөк они исчезли в 1981–1982 гг. В 1970-е годы в совхозе, в состав которого входило население этой горной долины, имелось около 30–40 верблюдов. Последний верблюд, который принадлежал частному лицу, по сообщению информатора Б. Жумашева (1951 г.р.), был зарезан на мясо в 2003 г. А в селе Кара-Суу Ат-Башинского района, по рассказам его уроженцев, местное население не имеет верблюдов с 1970-х годов. Тем не менее в этой области их насчитывается больше, чем в других местах республики.

Благодаря результатам первой сельскохозяйственной переписи мы смогли получить статистические данные о верблюдах. Так, в 2003 г. в республике их насчитывалось 434 головы, 166 из которых содержались во владениях населения, 146 – в крестьянских (фермерских) и хозяйствах индивидуальных предпринимателей. Коллективные хозяйства имели всего двух верблюдов. В Нарынской области насчитывалось 193, Иссык-Кульской – 39, в Ошской – 116 голов [27, с. 268-269].

Содержание этого вида скота имеет практическое значение как в экономическом, так и в экологическом плане. Так, скотовод при наличии верблюда во время перекочевок без всяких финансовых затрат за услуги может перевезти необходимые предметы домашнего хозяйства. При этом верблюды не наносят ущерба растительному покрову, что очень важно, так как, поедая особые виды трав и кустарников, способствуют сохранению экологического равновесия в тех ареалах, где они пасутся. Для поддержания естественного баланса

произрастания разных видов подножного корма было бы неплохо разводить и верблюдов, которые могли бы стравливать ареалы с колючими растениями, каких мы видим, например, у подножья перевала Калмак-Ашуу по дороге в Сон-Куль.

Необходимо отметить, что содержание верблюдов позитивно влияет на ландшафт среды обитания, обеспечивая хорошее возобновление качественного травяного покрова. Стравливания указанных выше растений верблюдами естественным образом способствуют обеспечению баланса разных видов кормовых растений. Они обладают такой особенностью, как экологическая безопасность при выпасе, и не разрушают почву. Благодаря строению их конечностей верблюды, передвигаясь по пастбищам, заравнивают следы, оставленные другими животными, и умеренно углубляют и как бы зарывают в почву семена растений [115, с. 295–299].

В зимнее время, когда земля укрыта снежным покровом, верблюды сами практически не могут добыть корм из-под снега, поэтому требуется заготовка кормов для них впрок. Так как верблюды в целом плохо переносят холод, в местах, где они содержались, предки кыргызов постоянно меняли подстилку, используя для этого сухой навоз. В то же время в высокогорных районах Нарына можно видеть таких животных, приспособленных к суровым зимним условиям, о чем я убедился в 2001 г., увидев пару верблюдов на открытом пространстве в зимнюю стужу, когда температура воздуха опускалась до минус 25 градусов. Двугорбые верблюды бактрийской породы в отличие от сородичей, распространенных на Ближнем Востоке, имеют толстый волосяной покров, который позволяет им переносить холодный зимний период [92, с.44].

Разведением верблюдов в постсоветское время занималась далеко не каждая семья, как это было, впрочем, и в далеком историческом прошлом. Их держат совсем немногие хозяйства, в которых накоплен определенный опыт по содержанию, но главное – желание иметь верблюда. Кроме навыков, здесь учитывают и функциональность, имеющую важное значение. Наличие верблюда в хозяйстве в целом не сказывается на социальном статусе владельца.

Тем не менее иногда встречаются случаи преподнесения его в качестве дара при проведении некоторых обрядовых мероприятий, приза на конных скачках.

Итак, верблюды по-прежнему составляют один из видов скота, разводимого кыргызами в постсоветское время. В советское время до широкого распространения моторизованных транспортных средств верблюдов продолжали использовать в качестве вьючных животных при перекочевках, перевозке тяжелых грузов на сезонных стоянках. Увеличение числа грузовых автомобилей и тракторов привело к исчезновению верблюдов из скотоводческих хозяйств, следовательно, постепенной утере навыков по их содержанию и использованию в быту. Встречались крайне редкие случаи разведения этого животного в каких-то семьях. В постсоветское время в некоторых высокогорных районах отдельные скотоводы возродили давние традиции использования верблюдов, на которых перевозили грузы по участкам, где нет дороги для грузовиков либо где они разрушены. Однако их совсем мало, к тому же эти примеры носят спорадический характер. Обобщая мнения опытных скотоводов, можно сказать, что верблюды могли бы оказать положительное влияние на качественное состояние пастбищ.

Одним из традиционных видов животных, разводимых кыргызами издавна были ослы (*эшек*). Их использовали в качестве верхового, вьючного транспорта и тягловой силы. Кыргызы говорили “*Эшектин күчү адал – сүтү арам*” (сила осла чиста, а молоко погано). [300, с.21]. Однако в связи с широким распространением механизированных транспортных средств, увеличения поголовья лошадей их стали применять гораздо меньше.

Таким образом, современные скотоводы горных территорий Кыргызстана продолжают заниматься разведением традиционных видов скота которых обозначают термином *төрт түлүк мал*. В течении нескольких лет после ликвидации колхозов и совхозов, большинство хозяйств довольствовались количеством поголовья, не уделяя, в условиях кризиса должное внимание на

качественный состав. Однако необходимость приспособления к условиям рыночных отношений оказал сильное влияние на скотоводов по улучшению породности над которым активные работы ведутся в последние годы. Разведение рассмотренных видов скота является значимым фактором в сохранении хозяйственно-культурных традиций предков. Велика их роль в жизнеобеспечении населения высокогорных районов.

ГЛАВА VI

ПАСТБИЩА

6.1. Экономическое и культурное значение пастбищ

В современном Кыргызстане разведение скота продолжает являться основной материального богатства многих семей, главным образом именно благодаря пастбищам. Согласно информации департамента пастбищ, животноводства и рыбного хозяйства Кыргызской Республики, по состоянию на 1 января 2019 г. общая площадь пастбищ в республике составляла 9 005 777 га [18]. В настоящее время сезонные пастбища широко используются в местных пасторальных сообществах, выпасающих на них свои стада в зависимости от круглогодичного природного цикла и вегетации растений. Их состояние больше волнует преимущественно хозяйства, основа материальной базы которых – стада, состоящие из разных видов скота. “Экономические подчеты показывают, что в пустынях, полупустынях и даже во многих районах, занятых сухими степями, мобильное скотоводство, основанное на утилизации естественных пастбищ, требует меньших инвестиций и дает большую отдачу, чем земледелие, в том числе ирригационное” (Хазанов, 2008. С. 12). В условиях Кыргызской Республики «производство животноводческой продукции сильно зависит от относительно дешевых натуральных кормов, обеспечиваемых лугопастбищными угодьями, которые покрывают более 90 000 кв. км (почти 90% всех сельскохозяйственных земель)» (Дёрре А., Бархардт. С. 62). Из них около 1 млн 200 га принадлежали лесному фонду республики. О ключевом значении пастбищ для скотоводов, ведущих свои хозяйства на экстенсивной основе, свидетельствует поговорка кыргызов “*Конуш алгыча, өрүш ал*” (“Чем выбирать стоянку, лучше выбирай близко к ней расположенное пастбище”) (Юдахин, 1985. Т.2. С.101).

Кроме кормовых ресурсов, пастбища дают красительные, лечебные травы, а также лесоматериалы на тех территориях, где лесные массивы расположены на территориях отдельных пастбищ. Летом 2019 г. я услышал несколько раз о том,

что на пастбище Тегерек, принадлежащем сельской управе Ак-Терек Тонского района, люди выкапывали корни различных трав для продажи.

Весенне-осенние пастбища, занимающие площадь 2 955 000 га, расположены в предгорьях на высоте ниже 2500 м. Выпас начинается ранней весной при появлении растительности и осенью после уборки урожая. Эти пастбища играют чрезвычайно важную роль, поскольку служат источником естественных кормов по окончании зимы и используются для осеменения, стрижки и дезинсекции овец [43].

Здесь обычно преобладают влаголюбивые растения с мелкой корневой системой, вегетирующие в течение короткого периода. Эти выпасы получили название “*көктөө*” (весеннее пастбище), а время появления свежих трав – “*көктөм*”. Современные скотоводы могут назвать несколько видов растительности, которые первыми появляются в начале весны. В частности, к ним относят *доңуз сырты* (кобрезия) с короткой корневой системой, *шыбак* (полынь), *ат кулак* (шавель), *бетеге* (овсяница), *жылтыркан* (изень), *эбелек* (рогач) и др. Ценность этого вида пастбищ, называемых соответствующими официальными структурами пастбищами интенсивного пользования, заключается в том, что их растительность позволяет скоту быстро восстанавливать энергию, ослабленную в течение зимнего периода. Кроме того, их высокая практическая значимость объясняется также широким использованием его пределов для выпаса скота осенью.

С наступлением весны в первую очередь вызревает растительность у подножий и долин. Скотоводы, проводящие круглый год в районе Таш-Рабата, в это время стремятся выпастить скот на тех пространствах, которые лежат на уровне входа в ущелье со стороны котловины. А затем поднимаются все выше и выше. Подножный корм пастбищ Сары-Булак, Талаа-Булак, Ичке и других не очень высокий, но в то же время сочный и содержит много протеина. Здесь животные быстро восстанавливают вес и нагуливают жир. Часть же пастухов Ак-Талинского района до начала весенне-полевых работ перегоняют свои стада

на весенние пастбища Чоң Боор-Албас, Кичи Боор-Албас, где выпасают скот в апреле–мае. Согласно информации Алмамбета Атаева (ПЗА, 1965 г.р. , с. Кадыраалы Ак-Талинского района, 18. 09. 2005 г.), одним из весенних пастбищ, где сравнительно рано появляются свежие травы, является Таш-Булак. Здесь растут такие виды трав, как *жапайы эспарцет* (дикий эспарцет), *шыбак* (полынь), *бетеге* (овсяница), и скот быстро поправляется.

Скот находит себе нестравленные сухие травы в ложбинах, а с наступлением солнечного весеннего месяца, разрыхляя землю ногами, откусывают и травы с длинными корнями. Затем их пасут на участках, где появляются свежие травы. Обычно сначала начинается вегетация на местах, где в зимнее время лежит снег (ПЗА, 09.10.2007 г., с. Назарова, Кочкорский район, с. Толок, 24.03.2006 г.). Таким образом, питаясь старым и новым подножным кормом, скот начинает поправляться после зимовки.

Общая площадь зимних пастбищ в республике составляет 2 063 000 гектаров. Здесь можно видеть стада разных видов скота во все сезоны годового цикла. К тому же на призимовочных угодьях, несмотря на меньший удельный вес по сравнению с другими сезонными пастбищами, скот находится в течение сравнительно большого отрезка времени. Растительный покров, пригодный в качестве подножного корма, не такой сочный и богатый, как, например, в субальпийских и альпийских зонах. Тем не менее скотоводы предпочитают пастбищное содержание своих стад, минимизируя по возможности дополнительное кормление. Пройти зимовку скота только в стойле за счет заготавливаемого фуража обошлось бы гораздо дороже хозяйствам, если учесть, что большинство из них не носят товарного характера. В тех районах, где выпадает много снега, не позволяющего скоту тебеневать, люди вынуждены держать их на стойловом содержании до трех–четырех месяцев. Как показывают результаты наших исследований, в хозяйствах разводятся такие виды скота, которые лучше приспособлены к местным условиям природы. Лошади и овцы могут добывать себе корм путем тебеневки, если толщина снежного покрова не очень глубокая.

Летние пастбища занимают площадь 4 129 000 га и обычно расположены в среднегорных и высокогорных долинах и ущельях на дальнем расстоянии от поселков. Такие пастбища высокопродуктивны и используются в течение одного–четырех месяцев летнего сезона. На летние пастбища приходится 3,6 млн га от всей площади пастбищ, что составляет 44%. Урожайность же равна 5,7 центнера с гектара, тогда как на весенне-осенних этот показатель равен 3,9 центнера с гектара [116, с.169]. Скотоводы прекрасно знают ценные качества растительности летников, используемых в качестве подножного корма для разных видов скота. Типчак, произрастающий на высокогорных поясах, который известен в народе под названием *бетеге*, является наиболее питательным видом растений для скота. Такое мнение высказывали почти все наши информаторы из разных районов Нарынской области. Интересно было услышать мнения группы пастухов, проводящих летний сезон на северном берегу высокогорного озера Сон-Куль (местность Таш-Добо). Так, они, подчеркивая превосходные кормовые качества этой травы, отметили одновременно, что *бетеге*, произрастающее на южном берегу озера, отличается сравнительно высокой калорийностью. На взгляд наших информаторов, это связано с относительно лучшим и прямым попаданием солнечных лучей на пастбищные участки. Кроме этого, скотоводы называли такие виды растительности, как *доңуз сырты* (кобрезия), *көкөмерен* (зизифора), *мамыры* (эдельвейс), *аркар оту* (змееголовник) и др.

Будучи органической частью горных, предгорных, степных и других локальных экологических систем, пастбищные пространства являются местами произрастания множества видов трав, кустарников и лесов, а также обитания диких животных. В Кыргызстане фактически пастбища, наряду с лесным фондом, являются основным «хранилищем» биоразнообразия. Пастбища как природный ресурс имеет также исключительное средозащитное значение как в горных, так и в малолесных и безлесных районах. Именно травянистые и кустарниковые экосистемы, используемые в качестве пастбищ, обеспечивают в этих районах поддержание водного баланса водосборов, предотвращают эрозию почв, контролируют локальные геохимические циклы. Пастбища выступают в

качестве важного источника дикой природы, обеспечивает существенную часть медосбора, содержит ресурсы лекарственных, пищевых и поделочных растений.

На таких же территориях могут быть обнаружены богатые руды полезных ископаемых, именно в горах республики имеются их богатые залежи, большая часть которых еще не осваивается. Наряду с другими пастбищами такие участки продолжают использовать для выпаса скота. А на тех немногочисленных месторождениях, где уже ведутся добыча руды или подготовительные работы, из оборота выходят определенные площади пастбищ. Добывающие предприятия обычно компенсируют потери прилегающих участков пастбищ путем переговоров с местной властью.

Пастбища издавна имеют чрезвычайно важное значение для обществ, у которых скотоводство занимает солидный удельный вес в структуре экономики. Так, “скотоводство Внутренней Азии традиционно зависело от использования обширных, но сезонных пастбищ в степях и горах. Поскольку люди не могли питаться травой, разведение скота, который мог это делать, было эффективным способом эксплуатации энергии степной экосистемы” (Барфилд, 2002. С. 43). Ее плодами так или иначе пользуются фактически абсолютное большинство сельского населения. Следует отметить экономическую значимость непригодных для земледелия пустынных и полупустынных территорий многих стран, используемых в качестве пастбищ, которые позволяют производить пищу [282, с.24; 329]. В бывших советских республиках Центральной Азии пастбища по-прежнему являются одними из жизнеобеспечивающих природных ресурсов. Занимая почти 260 млн га территорий, они являются основой животноводства, которое выступает источником дохода для большей части населения региона [107, с. 6].

Кыргызы ценили пастбища так же, как и разводимый ими скот. Местное население Центрального Тянь-Шаня, проживающее в высокогорной и наименее заселенной части республики с обширными пастбищами, с глубины веков занималось экстенсивным скотоводством, которое было доминирующим видом экономической деятельности [196, с. 16].

Для кыргызов-кочевников во все времена пастбища оставались крайне необходимым природным ресурсом, позволяющим обеспечивать баланс жизнеобеспечения, под которым подразумевается соотношение между потребностями в пище, топливе, сырье для производства и обмена и фактическим получением необходимой продукции [192]. В.И. Козлов определяет жизнеобеспечение человека на индивидуальном и групповом (этническом) уровне “как процесс удовлетворения материальных и духовных потребностей индивида и группы путем адаптации к природной и социально-культурной среде обитания и развития компонентов культуры, обеспечивающих успешность этой адаптации и всего процесса этнического воспроизводства” [171, с. 20]. В условиях ведения скотоводства на экстенсивной основе вполне обоснованным выглядел поиск лучших пастбищ для зимовки, куда люди могли прикочевать для обеспечения этой самой жизнедеятельности.

Согласно рассказам старожилов и знатоков истории села, в XIX веке Толокская долина Кочкорского района использовалась частью кочевников из нынешнего Нарынского района в качестве зимника. Возникает вопрос: почему они гнали свой скот в самый тяжелый период года на столь далекое в сравнительном отношении расстояние? Оказывается, ответ кроется в природно-климатической особенности этой местности, благоприятно влияющей на сравнительно успешное проведение зимовки скота. Если в Нарыне в зимнее время глубокий снег мог покрывать все пространства, то Толок отличался малоснежностью и бесснежностью. В таком месте скот легко мог выпасаться, чем добывать себе корм из-под снега, толщина которого порой не позволяла животным тебеневать. По устному сообщению профессора А. Асанканова, бывали случаи, когда скотоводы из Ат-Башинской, Джумгальской долин проводили зимовку в местности Кубаки Кочкорского района, которая отличается бесснежностью.

По сообщениям респондентов из с. Жерге-Тал Кызыл-Жылдыз Нарынского района, немало кочевых общин их предков пригоняли свои стада и зимовали в долине Толок. А с наступлением весеннего периода они отгоняли

своих домашних животных на свои исконные пастбища, где уже снег активно таял. Облюбовав удобную для зимовки долину, часть кочевников стала кочевать сюда каждый год, даже если зима на привычных пастбищных угодьях была малоснежной, а климат сравнительно мягким. Впоследствии часть таких кочевников приняла решение остаться здесь именно из-за благоприятных пастбищных условий.

При ведении скотоводства на экстенсивной основе с преимущественным содержанием животных за счет подножного корма трудно переоценить экономическую значимость территорий, где произрастают естественные кормовые травы. Именно пастбищные пространства с сочным подножным кормом обеспечивают быстрый нагул скота. Пастбищное содержание скота выглядит рентабельным для сельского населения, так как не требует больших материально-финансовых затрат. Пользоваться таким ценным природным ресурсом могут благодаря наличию стада животных и в связи с необходимостью выпасать их. Скотоводы с охотой доставляют их на разные участки для выпаса в зависимости от сезонности, зональности.

В некоторых бесснежных и малоснежных районах, благоприятствующих пастбищному скотоводству, хозяйства ограничиваются малыми объемами заготовленных грубых кормов. В такой долине, как Толок, нижней зоне Кара-Кужур, многие хозяйства, по моим наблюдениям, во второй половине 2000-х годов обходились одним–двумя тележками сена, которыми подкармливали скот только в периоды трескучих морозов и в неблагоприятные дни для пастьбы.

В исследовании Мирового банка о состоянии животноводства в Кыргызстане нашли отражения и проблемы пастбищ, где использованы данные ГПИ “Гипрозем” Кыргызской Республики. Специалисты геоботаники в соответствии с Земельным кодексом страны проводили мониторинг пастбищ. В этой связи представляют интерес показатели кормовой продуктивности пастбищ который был существенно снижен, что является одним из главных индикаторов деградации указанного вида возобновляемого природного ресурса.

Среднее производство пастбищных кормов в сухом весе с 1948 г. (в кг/га)

Период	Средняя урожайность по республике	Типы пастбищ		
		Весенне-осеннее	Летнее	Зимнее
1948 – 1955	285	270	335	170
1969 – 1978	260	225	330	160
1980 – 1985	215	195	285	115
1986 – 1994	220	210	275	135
1997 – 2004	210	170	275	85

Источник: Гипрозем КР.

Приведенные в таблице цифры свидетельствуют о снижении продуктивности всех видов сезонных пастбищ к 2004 году [43], что негативно отразилось на содержании скота, упитанности, приведшей к ухудшению качественного состава стада, когда люди еще испытывали проблемы с обеспечением рентабельности своих хозяйств.

На пастбищных угодьях не только выпасают стада, но там имеются пригодные для укоса естественные луга. На северном склоне урочища Корул Алайского района растут луговые травы, которые косят для заготовки в качестве корма на зиму. С наступлением лета на этих участках запрещено пасти стада, а когда травы можно уже косить, семьи увозят сено из принадлежащего им отрезка земли в 0,25 га. Как говорят местные жители, в дождливые сезоны высота травы

достигает до пояса. После того как траву скосят на всех участках, а также осенью и зимой здесь также выпасают скот (ПЗА, 24.10. 2008 г.). На пастбище Кара-Кужур, где снег выпадает не очень глубоко, у местных скотоводов сложилась практика заготовки корма за счет дешевых естественных лугов. В экономическом плане это было всегда выгодно, поскольку не требовались финансовые затраты. Только нужно было поливать некоторые участки, косить, сушить и перевозить на вьюке и грузовике до места скирдования (ПЗА, с. Лахол Кочкорского района, 07. 1998 г.).

Из-за экономической целесообразности, связанной с освоением пастбищных пространств, расположенных на разных вертикальных поясах с горно-пересеченными ландшафтами в зависимости от годового природного ритма, развиваются и другие стороны жизнедеятельности кочевников, связанных с их культурой и социальной организацией. Необходимость выпаса скота на разных сезонных пастбищах оказывает влияние на особенность социальной организации кочующих семей и общин. На пастбищах размер общин, занимающих один кочевой участок, отличается малочисленностью членов, входящих в их состав. Кроме того, их можно было бы характеризовать как сезонные, так как с наступлением очередного периода годового природного цикла их состав претерпевает изменения.

В последнее время высокогорные альпийские пояса становятся также местами притяжения для туристов, большая часть которых приезжают из стран дальнего зарубежья. Попутно следует отметить появление туристического интереса со второй половины 2000-х годов со стороны местного городского населения страны, которое стремится лучше познать родные края. Туристов привлекают красивый пейзаж, исторические памятники, культура местного населения. В 2000-е годы активную деятельность развернули агентства, деятельность которых связана с обслуживанием гостей, предпочитающих экологический, этнографический и экстремальный виды туризма. Маршруты, составленные ими, проходят через многие сезонные пастбища. Указанные

организации стали брать в аренду участки на летних пастбищах для своих юрточных лагерей, где останавливаются туристы, в частности, возле архитектурного памятника Таш-Рабат, расположенного в одном из урочищ Ат-Башинского района, в местности Баатай-Арал высокогорного Сон-Куля. Местные, французские, швейцарские туроператоры, неправительственные туристические организации вели работы по привлечению туристов, в том числе путем издания и распространения буклетов [336, с.33]. Исторические памятники, красота природы, культура местного населения приносят определенные доходы туристическим агентствам и их сотрудникам.

На пастбищных участках, через которые проходят туристические маршруты, имеет возможность подрабатывать небольшая часть кочующих скотоводов. Так, они при необходимости выступают в качестве сопровождающих, предоставляют лошадей, размещают туристов на ночь, продают скот агентствам. Развитию туризма способствует, кроме прочих, и большой интерес, проявляемый со стороны современных иностранных и местных путешественников, которые хотят ознакомиться с природой и культурой горных районов.

Летние пастбища издавна являлся рекреационным пространством, где люди отдыхали, восстанавливали силу. С конца 2000-х годов резко возросло количество городских жителей, выезжающих на 10–15 дней на пастбища, чтобы оторваться от городской суеты, отдохнуть, подышать свежим воздухом и пройти курс кумысолечения. Некоторые сельчане тоже специально поднимаются на летние пастбища за высокими горами – *сырт*, чтобы оздоровиться при помощи целебного напитка [322, с.234]. В обществе бытует мнение, что кобылье молоко очищает внутренние органы человека от шлаков, положительно отражается на физическом состоянии. Как и другие перебродившие молочные продукты, он обладает полезными свойствами, “среди которых выделяются улучшение работы кишечника, укрепление иммунной системы и обеспечение организма протеинами, витаминами и легко усваиваемым кальцием. По сравнению с другими продуктами кумыс отличается обилием сахара и витамина С, чем

объясняется его полезное действие при туберкулезе и бронхите” [131, с.77]. Благоприятствует производству кумыса наличие летних пастбищ с сочными травами, обеспечивающих кобыл питательным подножным кормом.

Кочевники всегда отличались прекрасным знанием пространства и хорошо ориентировались в нем. Знание ландшафта и топонимических особенностей местности продолжает оказывать заметное влияние на конструирование их локальной идентичности. Подавляющее большинство людей, занятых в скотоводстве, обладают хорошей топонимической памятью. Даже дети школьного возраста из горных сел Кадыраалы, Төлөк, Кара-Суу Нарынской области с увлечением описывали нам ландшафтные особенности долины с названиями урочищ, гор, речек, родников и т. д. Летом 2007 г. на пастбище Кашка-Суу сын скотовода, только что окончивший сельскую школу, перечислил множество названий долин с указанием их особенностей. Этот пример – свидетельство того, что, принимая активное участие в перегоне скота на сезонные пастбища, выпасе стада на разных участках, дети скотоводов по сравнению с выходцами из других семей намного лучше разбираются в особенностях перевалов – *ашуу*, горных ложбин – *кокту*, продолговатых впадин между возвышенностями – *колот*, отрогов – *белес*, ложе ручья – *жылга*, верховье долины – *алкым* и т. д. [143, с.186–191]. Кроме того, они имеют неплохое общее представление о том, какие травы предпочтительны для скота, какие вредны, а также о диких животных, обитающих в локальных экологических нишах.

Вообще в целом скотоводы хорошо разбираются в географическом и культурном ландшафте, могут поделиться знаниями о названиях отдельных гор, предгорий, урочищ, рек, сезонных пастбищ, а также об их отличительных признаках, структуре растительности отдельных мест и о животном мире. Знакомство с географической средой происходит естественным образом, когда они из года в год перегоняют скот по кочевым маршрутам, выпасают их на разных сезонных пастбищах, поднимаются в горы для охоты. Кроме того, топонимические знания обогащаются путем получения соответствующей информации от старшего поколения [348].

Современных скотоводов горных районов беспокоит состояние пастбищ, так как это среда их обитания и проживания, где они проводят ритуалы, чувствуют себя свободно от ограничений, поэтому любят подниматься до субальпийских и альпийских поясов. Однако обряды *кулун байламай* (привязывание к привязи (*желе*) жеребенка-сосунка), *кымыз бузмай* (первое употребление кумыса) в наше время проводятся не всеми скотоводами, в хозяйстве которых имеются косяки кобыл (*уйур бээ*). Зато почти повсеместно устраивается традиционная форма коллективного поочередного угощения – *шерине*, имеющего важное значение в поддержании социальных связей. Неплохо сохранены также традиции оказания помощи только что прикочевавшей семье в установке юрты и их угощении – *өрүлүк*, когда принято с собой приносить продукты из традиционных мучных изделий, напитки, сладости.

Нынешние кыргызы, в особенности кочующие по сезонам года, так же высоко ценят пастбища с богатыми травами, как хунну в древности [125, с.45]. Однако нынешние поколения скотоводов немаловажное значение придают и поливным обрабатываемым землям, которые могут использоваться также для выращивания кормов. Поддержанию пастбищ в хорошем состоянии в определенной степени способствуют пчеловоды. Многие скотоводы понимают значимость опыления. В последние годы на пастбищах разного вертикального пояса можно видеть пасеки, владельцами которых являются и некоторые местные жители, освоившие это дело в годы независимости.

Находясь на высокогорных пастбищах, опытные пастухи и в настоящее время пользуются эмпирическими народными знаниями, помогающими им прогнозировать погоду, определять фазы вегетации растений, они же демонстрируют заботливое отношение к разным видам скота, унаследованное от отцов. Кроме того, наблюдая за соблюдением отдельных традиций по организации хозяйства, переработке мясных и молочных продуктов, организации перекочевков с использованием вьючных животных (хотя редко), изготовлению традиционных предметов домашнего обихода и скотоводческого

снаряжения, проведению взаимных коллективных угощений и т.д., можно проследить сохранившуюся связь с прошлыми эпохами.

Пастбища, включая самые отдаленные, на сегодня становятся территориями, где без особых препятствий внедряются современные компактные предметы быта и технические средства, удобные для мобильных скотоводов. Так, к примеру, солнечные батареи для выработки энергии, сотовые телефоны и другие предметы стали востребованными для многих кочующих скотоводов.

На летних кочевых участках устраиваются различные праздники и культурные мероприятия с проведением конноспортивных игр и других народных состязаний и развлечений. 27 июля 2002 года на высокогорном летнем пастбище Сон-Куль отпраздновали 200-летний юбилей известной исторической личности – Тайлак баатыра. Другое культурное мероприятие было проведено летом 2010 г. в местности Таш-Тулга (пастбище Сон-Куль). Здесь был организован конкурс сказителей эпоса «Манас» на республиканском уровне. Летнее пастбище Кырчын стало местом проведения разных состязаний и народных развлечений в рамках Всемирных игр кочевников в 2014-м, 2016-м, 2018 гг.

Наряду с такими масштабными спортивными соревнованиями и культурными мероприятиями проводятся праздники локального характера. Так, в частности, по информации Э. Эгенова, на сыртовом пастбище Туюк-Төр с конца 2000-х годов 15 августа ежегодно проводят праздник животноводов с участием представителей Тонского района и скотоводов Нарынской области, выпасающих свои стада на соседних участках, который не обходится без коллективного угощения. Проводятся некоторые виды народных игр и развлечений, описанных в научных и научно-популярных трудах [252; 226; 227]. На месте проведения праздника собираются не только все взрослые, но и дети (ПЗА, с. Бар-Булак Тонского района, 25.07. 2019 г.). Некоторые потомственные скотоводы хорошо помнят, как в советское время в августе колхозы и совхозы проводили на летних пастбищах праздник животноводов. Перед тружениками выступали

руководители районов, председатели колхозов, директора совхозов, сами животноводы, приезжали профессиональные артисты, передвижные магазины-автолавки. Праздник животноводов с обширной пропагандистской и культурной программой помпезно отмечали и в других регионах бывшего СССР [224, с.70–79]. Праздники современных скотоводов часто устраиваются для того, чтобы получить эмоциональный заряд, для поддержания межличностных, межобщинных связей.

Таким образом, сезонные пастбища продолжают иметь ключевое экономическое значение для скотоводов. В условиях ведения хозяйства с сочетанием экстенсивного и интенсивного методов роль такого естественного возобновляемого ресурса, как пастбища, несколько не понизилась по сравнению с досоветским и советским периодами. По существу, наличие сезонных пастбищ оказывает опосредованное положительное влияние на занятость населения, дает возможность скотоводам кочевать. Являясь одним из важных хранилищ биоразнообразия, они выполняют также средозащитную функцию. Результатом ведения горнодобывающих работ становится сужение участков для выпаса животных, материальные издержки которых компенсируются путем компромиссов, достигнутых с участием правительственных органов и местных властей. Нельзя забывать о социальном и культурном значении пастбищ, оказывающих заметное влияние на социальную организацию сезонно кочующих скотоводов, лучшему освоению обширных пространств, развитию топонимической памяти молодого поколения. Летние пастбища продолжают оставаться местом проведения праздников и церемоний, народных обычаев и ритуалов.

6.2. Изменения в правах пользования и организации пастбищ

У кыргызов, как и у многих кочевых народов, пастбища находились в коллективном владении родственных групп, тогда как скот – в частной собственности семей [152, с.206; 68, с.201; 92, с.62]. В условиях экстенсивного

пастбищного скотоводства кочевникам приходилось прилагать большие усилия по сохранению поголовья своего стада в годы от бескормицы – *жут*. Тем не менее такое явление происходило циклически, было результатом не только “капризов природы”, но и следствием организации пастьбы, на что указывал А.Н. Ракитников. Речь в данном случае идет о перегруженности пастбищ скотом, которая “могла быть причиной зимней бескормицы и независимо от метеорологических условий, и во всяком случае сильно ускоряла наступление этой бескормицы при всяком малейшем сдвиге метеорологических условий в плохую сторону” [244, с.105]. За период с 1907 по 1918 год на территории Фрунзенского, Каракольского, Нарынского кантонов большой джут был три раза и унес от 15% до 30% поголовья скота. Самой же крупной бескормицей первой трети XX в. по размерам охваченной им территории был джут 1927–1928 года. Из 416 сельсоветов этому бедствию были подвергнуты 250, т. е. 60% из общего числа [16, с. 8–9]. В традиционном кыргызском обществе одним из важных путей сохранения поголовья был выпас скота на территории, принадлежащем другому роду и племени. Обычные нормы правовых отношений допускали возможность использовать чужие территории, несмотря на то что пастбища группы, проявившей гостеприимство кочевых общин, могли испытать существенную нагрузку.

В советское время пастбищные ресурсы, как и вся земля, принадлежали государству. Они находились в ведении разного уровня административно-территориальных структур республиканской власти. Их различали следующим образом:

- пастбища районного значения;
- пастбища областного значения;
- пастбища республиканского значения.

Регулированием вопросов использования обширных пастбищ, отличающихся способностью прокормить большое количество разных видов

стада, занимались республиканские власти в лице Министерства сельского хозяйства. К числу таких пастбищ относились Ак-Сай, Арпа, Сон-Куль, Суусамыр и др. В целом сельские советы имели полномочия по принятию решений о правах на использование разных пастбищ, носивших, однако, номинальный характер. Поскольку непосредственным производственным процессом занимались колхозы, «именно их руководство принимало все решения, основываясь на подробных параметрах, спускаемых вниз центральными органами власти» [199, с.53; 344, с.56]. Областные руководители иногда принимали решение использовать отдельные пастбища для выпаса колхозно-совхозного скота двух районов. Их обозначали термином «пастбища межхозяйственного пользования» – «*чарбалар аралык пайдалануучу жайыттар*». Для того чтобы перегнать стада до таких пастбищ, пастухи одного района должны были преодолевать сравнительно большие расстояния. Практиковалась также межреспубликанская кооперация, в рамках которой, согласно договорам, допускалось совместное использование пастбищ. Так, Кыргызстан предоставлял возможность выпасать стада колхозов и совхозов Казахстана, Узбекистана, Таджикистана на пастбищных пространствах Суусамыра, Чаткала, Чон-Алая, Узгена, Кара-Кульджи, Баткена. В свою очередь, отары кыргызских хозяйств могли выпасаться на близлежащих пастбищах соседних республик, как это происходило, например, в пространствах Кенес-Анархия Казахстана.

Для выпаса стад частных на разных сезонных пастбищах отводились определенные пространства. А кандидатуры пастухов, которые должны были выпасать скот односельчан в летнее время года, согласовывались в правлении колхозов и совхозов. Установленный лимит на содержание скота в личных подворьях ограничивал доступ индивидуальных хозяйств к пастбищам. Однако де-факто нередко личные хозяйства умудрялись пользоваться общественными ресурсами, включая пастбища, в большей мере, чем это предусматривалось.

В постсоветское время произошел ряд изменений, связанных с использованием пастбищ. С первых лет независимости государство официально признало разные формы собственности. Поливные и богарные земли, пригодные для выращивания сельскохозяйственных культур, были распределены между жителями сельских районов. Приватизации подлежали не только земельные наделы, но и скот, техника, животноводческие комплексы и кошары, о чем подробнее написано в другой главе настоящей работы. По мнению бывшего директора департамента пастбищ при Правительстве Кыргызской Республики А. Эгембердиева, в ходе земельной реформы, проведенной в 1990-е годы, ею область пастбищ фактически не была охвачена.

Тем не менее следует отметить, что в 1999 г. был принят Земельный кодекс, служивший законодательной базой для регулирования вопросов управления пастбищами. Согласно Постановлению Правительства Кыргызской Республики, принятому 4 июня 2002 г. “Об утверждении положения о порядке предоставления в аренду пастбищ” [12], распределением зимних пастбищ, расположенных вблизи сел, занимались сельские управы (*айыл өкмөтү*), а весенние и осенние пастбища были классифицированы как пастбища интенсивного использования и находились в ведении районных администраций, тогда как летние пастбища, входившие в категорию отдаленных, – в управлении областных государственных администраций [164; 191, с. 9].

Нормативно-правовой документ предоставлял право желающим отдельным лицам или группам взять в аренду определенные участки на конкурсной основе. Имеется точка зрения о том, что данная реформа, предусматривающая введение индивидуальных прав на аренду пастбищ, “разработана под влиянием классической теории прав собственности, в соответствии с которой ресурсы общего пользования находятся в режиме открытого доступа и поэтому подвержены чрезмерной эксплуатации со стороны незаслуженных бенефициаров” [191, с.5]. Этим воспользовалась совсем небольшая часть кочующих скотоводов, в основном из числа зажиточных

хозяйств. Максимальный срок аренды, согласно законодательству, составлял 49 лет. Некоторые скотоводы могли оформить арендное соглашение и на меньший срок. Так, в ходе полевых работ по висконсинскому проекту мы встречали хозяйства, бравшие в аренду летние пастбища на 10 лет.

Однако многих скотоводов практика предоставления в аренду пастбищных участков не устраивала. Тем более пользователи недостаточно были информированы местными властями, а принимаемые решения не отличались прозрачностью. Наш респондент Жекшенбек летом 2007 г. сказал, что *“нехорошо, когда небольшая кучка людей, входя в состав ассоциации пастбищепользователей, сами получают в аренду на десять лет. У палки есть два конца. Недавно на сессии айыльного кеңеша обсудили размер налога на пастбище и установили 8 сомов за гектар. В нашей долине имеются хозяйства, которые пасут на наших территориях скот людей, проживающих за пределами села, района. Это неправильно. Было бы лучше, если платили налог из расчета на голову животных. Сейчас же размер оплачиваемого налога богатых хозяйств почти не отличается от маленьких, составляя почти такие же суммы. В то же время скотоводы, оформившие в аренду пастбищные участки, охраняют их, не пуская туда чужие стада”* (ПЗА, с. Төлөк Кочкорского района, 07.06. 2007 г.). Семейное хозяйство Мамбетова из с. Тоголок Молдо арендовало 50 га территории из летнем пастбище Сон-Куль и 10 га на среднем джайлоо Ак-Сай. Кроме перечисленного, хозяйство считалось арендатором 59 га на участке Чоң Боор-Албас, относящемся к зимним пастбищам [323, с. 226].

Практика введения аренды пастбищ в отдельных случаях породила небольшие конфликтные ситуации. Арендаторы не хотели, чтобы на их участках выпасались стада других хозяйств. Такие участки могли располагаться также на кочевом маршруте, соответственно, перегонять стада в обход их не всегда было возможно, поэтому пастухи должны были пройти через арендованную территорию быстро, не позволяя скоту стравливать подножный корм. Другой изъян связан со степенью соблюдения социальной справедливости в

использовании пастбищных ресурсов и оплате налогов. Владельцы стад, арендовавшие участки, часто не брали в расчет емкость пастбищ, где поголовье скота могло заметно превышать допустимую норму, что приводило к их деградации. Арендаторы стали обращаться с пастбищными участками как с приобретенной землей, где действовали установленные ими правила, часто намеренно упускали возможность возобновления подножного корма качественными травами.

Система аренды пастбищ стала преградой гибкости, присущей для пасторального поведения, с одной стороны, а с другой – скотоводам сложно было справиться со сложными процедурами оформления. К тому же местные государственные администрации не имели достаточного опыта в выполнении решений официального нормативного документа [164]. Сельские управы в результате слабой осведомленности о своих пастбищах (границы, расположение инфраструктуры, емкость) не могли разработать содержательные планы управления пастбищами [107, с.24]. Следствием недостаточной работы в выполнении положений постановления, включая нерегулярный и слабый сбор арендной платы, стала невостребованность договоров на пользование пастбищными участками. Многие скотоводы продолжали выпасать свои стада без заключения контрактов.

В 2009 г. парламентом Кыргызской Республики был принят Закон “О пастбищах”, согласно которому все виды пастбищ находятся в государственной собственности. Контроль за управлением пастбищными угодьями передается вновь созданным в сельских управах объединениям пастбищепользователей (*жайыт пайдалануучулар бирикмеси*). Учрежденные как органы территориального общественного самоуправления, они должны представлять интересы владельцев скота и других пользователей угодий в вопросах пользования и улучшения пастбищ. Все члены объединения пастбищепользователей обладают первичными правами на использование пастбищ, выделенных им на территории местного самоуправления.

Обсуждение законопроекта привело к решению отказаться от трехступенчатого управления. Разработчики учитывали здесь очевидную истину о том, что никто лучше не знает проблемы пастбищ, чем непосредственные пользователи на уровне местных сообществ, которые должны принимать меры по улучшению этого вида природного ресурса. Определение размера платы за пользование пастбищами на местах, по мнению части скотоводов, позволяет учитывать особенность природно-географических условий, платежную способность населения, общее количество скота [50]. Кстати, “пастбищные группы”, “ассоциации пастбищепользователей” начали появляться еще до принятия Закона “О пастбищах”, которые брали ответственность за управление пастбищами на общественных началах. Содействие в этом оказывали международные и неправительственные организации. Так, в частности, общественный фонд “Ак-Терек”, с которым сотрудничал автор, организовал семинары с участием представителей местных властей и пользователей пастбищ, полезные встречи пастухов с геоботаниками Гипрозема, учеными НАН КР и других учреждений с пастухами, где обсуждались актуальные проблемы, связанные с рациональным использованием пастбищ [49]. Большую работу в этом направлении проводил Фонд развития села (RDF). Впоследствии группы и ассоциации указанного типа были легализованы в соответствии с законом [107, с.38].

С введением в действие Закона «О пастбищах» больше не стало возможным передавать угодья в аренду. В то же время учитывались ранее заключенные арендные отношения. Так, пользователям, имеющим зарегистрированное право на аренду пастбищных угодий, надлежало произвести обмен их права аренды на пастбищный билет, покрывающий выпас максимального количества животных в соответствии с оптимальной нагрузкой пастбищных площадей, охваченных арендой.

Согласно закону, в сельских управах были созданы пастбищные комитеты (*жайыт комитеттери*) – исполнительные органы объединения

пастбищепользователей, кроме которых, в комитет входят депутаты местных кенешей, главы местного самоуправления. Комитет занимается разработкой планов и их реализацией по использованию пастбищ местными сообществами, сбором платы за них, проведением мониторинга их состояния, выдачей пастбищных билетов, установлением и разрешением споров.

Комитету предоставлено также право управлять доходами, поступившими от оплаты за пользование пастбищами и другими ресурсами, направленными в качестве инвестиций в пастбищную инфраструктуру, на их содержание, управление и улучшение [3]. Такое новшество, законодательно внедряемое в практику, направлено на повышение ответственности самих пастбищепользователей по рациональному использованию территории выпаса скота, проведение работ по содержанию дорог, мостов и других объектов на таких участках в надлежащем состоянии. Нам казалось, что норма оплаты за пользование пастбищным ресурсом с расчетом на каждую единицу скота в определенной степени может служить экономическим рычагом воздействия на богатые хозяйства. Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 19 июня 2009 года №386 утверждено Типовое положение о порядке установления платы за использование пастбищ. Однако непрозрачность в предоставлении информации о численности стада, укрывательство фактов со стороны местных органов дают возможность ограничиться существенно меньшими платами. Возможно, они в дальнейшем будут ориентированы на качественный состав стада, чем на количественные показатели, что могло бы положительно повлиять на скотоводов не только в стремлении использовать интенсивные методы и придать элементы товарности, но и в бережном отношении к сезонным пастбищам.

Существует важная проблема, связанная с недостаточным пониманием сути Закона “О пастбищах” не только со стороны многих пастухов, но и, что парадоксально, самих государственных чиновников профильных ведомств. Многие из них доходчиво не могут объяснить содержание закона,

соответствующего положения и механизмы их практической реализации. В таких условиях огромную помощь местным государственным администрациям, департаменту пастбищ при Министерстве сельского хозяйства оказывают международные и неправительственные организации. В рамках проектов, преследующих практические задачи, их представители работают в тесной связи со скотоводами, тогда как у правительственных структур не доходят руки по причинам нерациональной организации работы, отсутствия денег на поездки в регионы и др. У многих владельцев стад до сих пор нет четкого понимания структуры, функций ассоциации пастбищепользователей, пастбищных комитетов. Они не могут четко представить, как должны строиться взаимоотношения пастбищного комитета с главой айыл өкмөтү и местным кеңешем.

В то же время перед государством стоит немало неотложных задач по решению комплекса вопросов как по развитию скотоводческой отрасли, так и по рациональному использованию пастбищных участков. Последний не приносит быстрой и ощутимой экономической отдачи, которая опосредована через скот, а социальный и культурный эффект проявляется в более открытой форме. Традиционное природопользование, что характерно кочующим скотоводам высокогорных районов, должно сочетаться с использованием интенсивных методов ведения хозяйства, переработкой продуктов животноводства, ориентированных в том числе на экспорт. Безусловно, разумная государственная политика в этой сфере имеет социально-экономическое, политическое, культурное значение.

Низшей единицей землепользования на пастбищных участках постсоветского периода следует считать общину, несмотря на то что в течение нескольких лет отдельные семьи, образующие одно хозяйство, имели юридическое право распоряжаться участками на летних пастбищах на условиях аренды. Вопрос закрепления пастбищ за отдельными семьями и кочевыми группами базируется на сочетании традиций, связанных с давностью

пользования, основанной на обычном праве и официальном разрешении местных властей.

Представители указанных небольших коллективов имеют как стабильные территориальные (в деревнях), так и временные сезонные (на летних, весенне-осенних стоянках) связи. Практика государства по введению нормы, предоставляющей право распоряжаться кочевыми участками индивидуальным хозяйствам, в 1990-е годы пришла в противоречие с традиционным коллективным использованием и не оправдала себя. Отметим, что понятие «родовая территория» на пастбищах, применяемое в традиционную эпоху, на которое иногда ссылаются скотоводы, имеет больше политический и идеологический оттенок, поскольку такие участки находятся в официальном владении и пользовании местных сообществ, состав населения которых преимущественно отличается неоднородностью по генеалогической линии.

Семья как низшая единица землепользования более привязана к стойбищам, где устанавливаются переносные жилища или построены стационарные домики, имеются загоны для мелкого скота, коновязь и дополнительные палатки или юрты, выполняющие функции кухни, склада, и т. д. В прошлом кыргызы, так же как и кочевники монголы, свое жилье и освоенное хозяйственное пространство представляли в качестве некоего центра, “вокруг которого концентрическими кругами располагался весь остальной мир” [147, с. 26]. Обычно осваиваемое территориальное пространство семей не отличается обширностью, хотя богатые хозяйства в редких случаях предпочитают расселяться обособленно. Такой маленький участок, где живут члены семьи, как и в прошлом, называется *журт*.

Находящиеся на одном участке летних стоянок маленькие группы семей скотоводов не всегда имеют между собой близкие родственные связи. Обычно они являются выходцами одного села. Встречаются случаи, когда близкие соседи в селе расселяются на одном участке. В то же время многие семьи,

соседствующие на летних стоянках, в деревнях живут в разных кварталах. Количество семей, входящих в одну небольшую кочевую общину, составляет от двух до пяти единиц, в каждом из которых числится от трех до шести членов. Нередко можно видеть здесь детей родственников, приехавших на летние каникулы. Указанный тип расселения кочующих пастухов, составляющий небольшие группы более широкого социального уровня, можно обозначить термином «*көчмөн айыл*» (кочевая община), который тем не менее в наши дни стал употребляться гораздо меньше для кочевой общины, расселенной на одном участке. Ныне все больше для этой цели применяют название местности или имена кочующих летом скотоводов, часто старших и уважаемых. А для внутреннего обозначения друг друга используют термин «*коңшу*».

Следующий социальный уровень составляют несколько кочевых общин, занимающих более широкое пространство. Между ними обычно имеются административно-территориальные, социально-родственные связи. Они могут устраивать поочередные коллективные угощения – *шерине*, в которых участвует каждая семья. В состав указанного уровня входят в среднем 10–12 кочующих семей. Так, например, в местности Таш-Дөбө, что в северной части летнего пастбища Соң-Көл, в течение около десяти лет расселялись 13–14 семей. При этом 2–3 хозяйства занимали одно стойбище, а расстояние между дальними соседями составляло 1–2 км. Каждое лето эти семьи организовывали поочередное угощение – *шерине*.

Ограниченно используемое пространство группой скотоводческих хозяйств можно было бы обозначить термином «ассамблея кочевого участка». В экономико-экологическом плане такой кочевой участок выступает в качестве среды обитания и производственного пространства, может быть определен как социально-пространственная единица, используемая конкретными группами кочевников, которые осуществляют над ней социальный контроль, о чем пишет А.Буржо.

В первую очередь на степень нагрузки на осваиваемое пространство оказывает непосредственное влияние плотность кочевого населения. Реальными субъектами природопользования на сезонных пастбищах являются в основном животноводы, преследующие цель содержать свой скот в упитанном состоянии за счет утилизации подножного корма. Разумеется, небольшая плотность стада на единицу площади дает возможность полноценно использовать кормовую растительность на своем участке. Размер стада не может не оказывать влияние на движение, амплитуду кочевания скотоводов. В случае когда скотовод имеет большое стадо, ему надо больше пастбищ со сменой стоянок. Качество травостоя является другим обуславливающим фактором частоты перемены мест на пастбищах.

Если обратимся к средней численности скота, то на примере овец и коз можно видеть, что их популяция претерпевает сезонные колебания в течение всего производственного годового цикла. Так, в летнее время, когда используются обширные субальпийские и альпийские пастбища, размеры стад, как правило, бывают большими. В течение осеннего периода количество скота заметно сокращается в результате забоя, продажи на рынках. Численность животных обратно восстанавливается после приплодного периода. Все это не может не оказывать влияние на биомассу, так необходимую для скота. Из сказанного может сложиться впечатление, что наибольшая нагрузка приходится на летние пастбища. Однако такое представление можно считать правильным лишь частично, если учесть сравнительно большой удельный вес летних пастбищ в разрезе сезонных пастбищ плюс относительную кратковременность содержания скота здесь в силу природных циклов. Тем более в 2000-е годы пастбища, расположенные далеко от населенных пунктов, оставались недоиспользованными [191, с.6; 313, с.190f). К тому же каждая семья обычно оставляет в деревнях несколько голов скота.

В вопросе организации и управления пастбищами в последние годы более отчетливо обнажились проблемы с территориальными спорами. Они возникают

обычно в начале лета, когда скотоводы направляются на отдаленные высокогорные пастбища, где выходцы из одного местного сообщества не пускают туда других, ранее выпасавших здесь свои стада. Так, летом 2020 г. такие споры были между жителями села Жерге-Тал Нарынского района и скотоводами из Кочкорского района. Разногласия по вопросам прав пользования пастбищными участками на территории обширного пастбища Арпа имели место между скотоводами сельской управы Тоголок Молдо Ак-Талинского района и Кызыл-Туу Ат-Башинского района. Такие же проблемы имеются между сельскими управами внутри районов и их взаимоотношениях с лесхозами. В начале 1990-х годов в условиях глубокого кризиса с катастрофическим сокращением разных видов скота многие скотоводы перестали использовать дальние пастбища, некоторые из которых были переданы на долгосрочное пользование другим. В некоторых местах пастбищные участки передали на баланс лесхозов, которые платили соответствующие налоги. Вероятно, такие решения были приняты поспешно в узком кругу, не привлекались для обсуждения вопроса пастухи, местные жители, включая опытных специалистов в области животноводства, для того чтобы оценить не только текущую ситуацию, но и перспективу будущего. Очевидно, соответствующие правительственные структуры понимают сложность принятия решений, где, безусловно, будет недовольная сторона. Поэтому на нынешнем этапе официальные органы власти предлагают местным сообществам самим договариваться и находить компромиссы.

На утилизацию территорий с подножными кормами оказывает влияние фактор водопоя: в случае его наличия или отсутствия на определенном пространстве скотоводы могут расселиться или отказаться от такого шага. Именно отсутствие воды для питья для людей и разводимых ими животных не дает использовать большие территории зимних пастбищ, расположенных в относительно далеком расстоянии от населенных пунктов. Это характерно для районов, отличающихся бесснежностью и малоснежностью. В советское время

на такие стойбища доставляли воду на машинах-водовозах. В то время имелись специальные резервуары для воды (*чан*), из которых сливали воду в железобетонные или металлические корыта, куда пригоняли скот на водопой. Такие участки сезонных пастбищ ныне выходят из оборота, что крайне плохо отражается как на содержании скота, так и на сохранении указанного вида природных ресурсов в нормальном состоянии для полноценной утилизации.

Связь кочующих пастухов с той природно-ландшафтной средой, где они живут и занимаются выпасом скота, имеет значение не только в плане сохранения топонимической памяти, но и в формировании и развитии экологической культуры. Кроме того, частые сезонные перекочевки, преодоление порою сложных перевалов, выпас стада, проведение досуга позволяют скотоводам, которые кочуют по сезонным пастбищам, хорошо ориентироваться в горно-степном пространстве. Как отмечает В.А. Тишков, охотники, скотоводы-номады отличаются от земледельцев с их “географической тупостью” пространственной осведомленностью. Для земледельцев характерен концентрический, круговой способ восприятия пространства, в центре которого находится его деревня, а дальние пространства составляют третий концентрический центр [265, с.16].

При выборе пастбищных участков надо учитывать и поведение разных видов скота, которые могут меняться в зависимости от метеорологических изменений. Так, в жаркую погоду легче и разумнее выпасать скот на самых высоких урочищах и склонах, где он чувствует себя хорошо и лучше пасется, чем на низинах. Утилизация подножного корма дальних пространств с использованием метода чередования участков оказывает положительное влияние на качество растительности вокруг стойбища. В прошлом в самые жаркие дни лета пастухи выпасали стада на более высоких участках гор, оставляя травы нижних зон на позднее холодное время. По рассказам старожил, с наступлением прохладных дней даже невозможно перегнать стада на высокорасположенные участки, не говоря о вольном выпасе. Скот постоянно

будет стремиться спуститься вниз. Как видим, поведение скота может служить своеобразным индикатором, что помогает наряду с другими методами наблюдения четче осознавать происходящие изменения климата и период наступления очередного сезона. По мнению отдельных бывших и ныне здравствующих пожилых пастухов, указанные факторы все же недостаточно учитываются современными кочующими скотоводами. Тем не менее при всей строгости оценки деятельности современного поколения скотоводов и утере некоторых навыков они, как и араты Монголии, пасут скот в целом так же, как их далекие предки [125, с.46].

Среди современных кочующих скотоводов имеются и их отдельные представители, которые занимаются также охотой на диких животных. Именно этот вид деятельности позволяет людям уходить на далекие расстояния от стойбища и подниматься высоко до скалистых вершин. Этой категории людей прекрасно знакомы не только эти труднодоступные территории в целом, но и каждый микроучасток. Однако такое занятие для пастухов носит нерегулярный характер. В отличие от традиционной эпохи скотоводы-охотники не преследуют цель добыть пищу для своей семьи и общины, хотя, как это было указано в другом параграфе, среди них есть зарабатывающие на этом. Отдельных скотоводов это занятие привлекает азартом и как вид развлечения. В то же время это реальный шанс отстрелить дичь, мясо которой считается деликатесом.

При использовании пастбищ в весенне-осеннее время необходимо учитывать их отличительные черты, обусловленные рельефом горно-пересеченного пространства, где гребни гор защищают от сильных ветров. Следует не упускать из виду и структуру растительного покрова, в целом уступающего по питательности подножному корму альпийского пояса. Характерна также относительно слабая обеспеченность водой и кратковременность пребывания кочующих пастухов. Обычно продолжительность обитания и время выпаса скота составляет около одного

месяца в зависимости от наступления устойчивой теплой погоды на летних пастбищах в начале лета и завершения уборочной работы на полях в осенний период. Отдельные пастбищные участки ограничиваются склонами гор, внутри которых располагаются кочевые территории, и не отличаются обширностью. Среди местного населения Ак-Талинского района Нарынской области для обозначения указанного типа пастбищ используются термины «*орто жайлоо*» или «*ичке жайыт*». Род жоош из с. Куртка, согласно полевым исследованиям Б. Исакова, в начале XX в. владел таким пастбищем в местности Ак-Терек, расположенной внутри горных ложбин, где протекает одноименная речка. Скотоводы выпасали свои стада здесь со второй половины августа до первой половины октября [154, с.114]. И в постсоветское время выходцы с. Куртка спускаются сюда из высокогорного Сон-Куля с наступлением там прохлады, где занимают свои стойбища на обратном маршруте.

Скотоводы сельской управы Кызыл-Белес Ак-Талинского района разделяют сезонные пастбища на следующих три вида: 1. *Тоолуу жайыттар* (горные пастбища). К ним относятся такие обширные участки, как Бел-Булак, Жантык, Ат-Жайлоо, Сон-Куль, Бабык, расположенные на высоте около 3000 м над уровнем моря. 2. *Орто жайыттар* (промежуточные пастбища), находящиеся на субальпийских поясах. Они представлены такими участками, как Ат-Кулак, Ак-Таш, Эски-Оюрма, Жаны-Оюрма, Күн-Тийбес, Ичке, Жошо. 3. *Этектеги жайыттар* (пастбища на низинах), которые растягиваются от подножья предгорья до деревни.

Пастушеские семьи в среднем занимают стойбища на расстоянии до 300–400 метров друг от друга. Здесь мы не видим концентрацию нескольких жилищ в одном месте, как это бывает на летних стоянках. Каждая семья расселяется обособленно, что дает повод нам считать о дисперсном характере. На указанном сезонном пастбище скотоводы сосредоточивают свое внимание на пастьбе стада и не увлекаются охотой. С одной стороны, это связано с тем, что в эти периоды поведение стада требует от пастухов большего внимания, а с другой –

учитываются народный опыт по бережному отношению к популяции диких животных, которые должны размножаться. В структуре и численности стада могут быть определенные изменения. Речь идет в основном об отсутствии или о минимальном количестве коров, которые находятся в эти периоды в деревне.

Пастбищные пространства находятся в коллективном пользовании. Стада одних скотоводов, обитающих в указанной экологической нише в дневное время, могут выпасаться вольным способом и поблизости от стойбища других.

Зимние пастбища, как правило, находятся на близко расположенных к населенным пунктам пространствах и отличаются бесснежностью или малым количеством снежных осадков. Повсеместно для обозначения зимних пастбищ люди пользуются термином «*кыштоо*», или «*кышкы жайыт*». На зимних пастбищах преобладают сухолюбивые виды трав. Другим отличием следовало бы считать наличие хозяйственных построек для скота у всех владельцев скота независимо от размера стада. Почти все они располагаются в населенных пунктах во дворах стационарных домов сельчан. Небольшая часть скотоводов имеют кошары, навесы и другие постройки для скота в определенном удалении от села, где суровый холодный период не может сильно препятствовать проведению зимовки. Если часть таких построек – это бывшие колхозно-совхозные объекты, приватизированные местными жителями, то другая часть построена самими скотоводами. Обычно возле них имеются маленькие домики для семей, занятых уходом за скотом. В окрестности села Тоголок Молдо Ак-Талинского района почти все кошары бывшего колхоза были разрушены вскоре после приватизации. А в тех трех кошарах, которые были сохранены, новые владельцы из местных жителей проводят зимовку скота. В верхней части долины Төлөк Кочкорского района остаются 2–3 семьи, которые лучше адаптировались к сравнительно более неблагоприятному климату с залеганием толстого слоя снега.

Несмотря на то что в весенний, летний, осенний периоды основная часть стада сельчан находится вне пределов зимних пастбищ, последние испытывают колоссальную нагрузку и сильно стравливаются. На зимних пастбищных пространствах, где питательность подножного корма не так высоко оценивается, как на летниках, скот выпасают не только в зимнее время, но и в другие сезоны года. Так, в частности, происходит и в жаркие летние месяцы, когда сельские жители организуют выпас скота, не отправленного на высокогорные летние пастбища. Обычно такие стада формируются из дойных коров, мелкого скота, оставленного для нужд семей. Несмотря на минимальное количество разных видов скота, зимние пастбища стравливаются, что дает о себе знать в холодные зимние дни, когда скот надо держать в низинах. К тому же удельный вес зимних пастбищ меньше, чем другие сезонные виды указанного природного ресурса. Поэтому ключевое значение имеет заготовка достаточного объема кормов, без чего невозможно представить зимовку скота особенно в тех районах, где выпадает много снега.

В деревнях вначале стада выпасают на убранных от урожая сельскохозяйственных пространствах и близлежащих адырах. С наступлением зимы с глубоким снежным покровом ат-башинские, ак-талинские, нарынские кочевники переходят к стойловому содержанию скота. Кормовой рацион состоит в основном из заготовленных за лето и осенью однолетних, многолетних культурных трав и естественных лугов. Некоторые скотоводы берут скот односельчан для выпаса и в зимнее время, в чем последние заинтересованы. В бесснежных или малоснежных местах Кочкорского района продолжают выпасаться разные виды скота на близлежащих пастбищах. Так, например, в долине Төлөк подножный корм утилизируется в течение круглого года, поскольку здесь выпадает очень мало снега. А на высокогорном пастбище Ак-Сай Ат-Башинского района имеются отдельные хозяйства, проводящие зимовку скота, несмотря на то что для этой местности характерна самая низкая температура.

В тех районах, где выпадает много снега, не позволяющего скот тебеневать, люди вынуждены держать их на стойловом содержании до нескольких месяцев. Как показывают результаты наших исследований, в хозяйствах разводятся такие виды скота, которые лучше приспособлены к местным климатическим условиям. Лошади и овцы могут добывать себе корм путем тебеневки, если толщина снежного покрова не очень глубокая. На территории Ат-Башинского района скот выпасается на разных сезонных пастбищах в течение шести–семи месяцев, в остальное же время года находится на стойловом содержании. И здесь прослеживается внутрирайонное локальное различие. Так, в северо-восточной части района скот содержали в стойле и давали исключительно заготовленный корм на 1–1,5 месяца дольше.

Для сравнительного изучения немалый интерес представляет опыт современных монголов. Й. Янзен пишет: «В идеальном случае пространственная организация выпаса в рамках сума состоит из четырех сезонных мест для выпаса – зимних, весенних, летних и осенних пастбищ. Но во многих сумах один или даже два вида из этих пастбищ либо отсутствуют, либо слишком малы. Эти четыре вида пастбищных территорий могут делиться на более мелкие участки, используемые различными группами скотоводов» [301, с.77]. Традиционный цикл перекочевок в Южной Туве в первой половине 2000-х годов включал только летние и зимние пастбища. В летнее время скот пасли в глубоких травянистых логах близ источников воды. Стоянки были расположены недалеко друг от друга, иногда образуя небольшие аалы из двух–четырех юрт. Такое размещение вызвано постоянной угрозой угона скота [269, с.120].

В зависимости от травостоя некоторые сельские управы и пастбищные комитеты предусматривают участки сенокосов для заготовки корма частного скота. Так, в селе Кең-Суу Тюпского района, помимо предоставления пастбищ для выпаса, выделяют участки с луговыми травами в качестве сенокоса (ПЗА, инф. А. Болотбеков, село Кең-Суу Тюпского района, 20.07.2014 г.). Отвод пастбищных участков с травяным покровом, где можно косить, практиковался и

в советское время. За счет скошенного сена дополнялся запас фуража для зимовки скота. В совхозе «Сон-Куль» во время вегетации естественных трав не пускали стада выпасаться на сравнительно большой территории урочища Кашка-Суу. Это было своеобразное огораживание, где специально выделенный человек охранял участок от потравы (ПЗА, инф. К. Исмаилов, 20.07.2006 г.). Естественные луга на пастбищах составляют часть грубого корма, заготовленного для зимовки скота в горных районах как северной, так и южной части республики.

Если мы сделаем некий сравнительно-исторический анализ по вопросу организации пастбищ, приходим к выводу, что отличие советского времени от нынешнего было связано с общественной собственностью практически на все, включая стада. Животноводы занимали те пастбищные участки, которые им указывали руководители в правлениях колхозов и совхозов. Что же касается амплитуды кочевания, маршрутов перекочевок, техники выпаса скота на пастбищах, сильных различий нет. Как пишет А.Ф. Бурковский, основные сезонные пастбища общественных хозяйств Токтогульского района располагались в следующих географических зонах: летние – на высокогорных альпийских лугах и лугостепях Суусамырского хребта, Таласского Ала-Тоо, в верховьях Узун-Ахмат, на северо-восточных склонах Ферганского хребта, хребтах Атойнакский и Кок Ийрим-Тоо; зимние – в долинно-предгорных и среднегорных частях котловины, местами – в окрестностях населенных пунктов; весенне-осенние – частично совпадали с зимними выпасами или вплотную примыкали к ним, располагаясь на более возвышенных местах (адырах). Расстояние между ближними зимними выпасами и летовками составляет 60, 70, 100, 150, 200 км [106, с. 61].

Как видим, в правах пользования пастбищами в постсоветское время произошли изменения дважды. Первый из них связан с принятием Земельного кодекса Кыргызской Республики в 1999 г., на базе которого было принято Постановление Правительства, дающее индивидуальное право на аренду

пастбищ. Однако в результате слабой организационной работы по распространению необходимой информации, сбору арендных платежей, недостаточной компетентности в вопросах границ и инфраструктуры пастбищ не все скотоводы заключали договоры на аренду. Отсутствие достаточного опыта не дало возможность органам государственной власти эффективно провести данную реформу, от которой пришлось отказаться.

Закон “О пастбищах” 2009 г. дал правовую основу для проведения второй реформы по использованию этого вида природных ресурсов. По закону пастбища остаются в государственной собственности и коллективном пользовании, но управление и вся ответственность передаются сельским управам. Передача в аренду запрещается, хотя учитываются ранее заключенные контракты. Объединения пастбищепользователей начали создаваться в некоторых айыл өкмөтү еще до принятия закона, которые были легитимитизированы впоследствии. Скотоводам выдаются пастбищные билеты на выпас скота. Пастбищный комитет, являющийся исполнительным органом, занимается сбором налогов за пользование угодьями, которые направляются на ремонт дорог, мостов и др.

При организации пастбищ необходимо учитывать следующие факторы, к числу которых следует отнести ландшафт и размеры кочевых участков, сезоны годового цикла, вопросы увеличения и уменьшения поголовья скота в стадах, периоды вегетирования растительного покрова и его структуру, амплитуду кочевания и радиус выпаса. Семья, соседско-территориальные связи, личностные отношения между скотоводами имеют определенное значение в освоении пространства, начиная от стойбищ до ассамблеи кочевого участка, кроме того, в этих вопросах необходим социальный контроль. Территориальные споры на летних пастбищах между разными местными сообществами, нерешенные вопросы по поводу владения участками между айыл өкмөтү и лесными хозяйствами оказывают влияние на управление и организацию пастбищ.

6.3. Экологические проблемы

Отрицательные тенденции в развитии скотоводческого хозяйства, связанные с погоней за увеличением общественного поголовья разных видов скота, начались в эпоху Советского Союза. Постоянное выбивание пастбищ на всех сезонных участках превратилось в норму уже с 1960-х годов, при этом не учитывалась их естественная емкость [199, с.52; 141, с.236].

В 1980-е годы в республике насчитывалось до 12 млн голов овец, 1,2 млн голов крупного рогатого скота и 300 тыс. лошадей. Чрезмерное увеличение численности скота и превышение его количества на единицу площади в условиях экстенсивного хозяйства привели к неуклонному нарастанию процесса деградации пастбищных угодий. Более одной трети были засорены некормовыми растениями и закустарены, 1,7 млн га деградированы, из них 170 тыс. га – в сильной степени [116, с. 168–169; 168, с.7]. По мнению С.П. Полякова, «... нерегулируемое количество скота нанесло и продолжает наносить колоссальный вред окружающей среде. Это повсеместно привело к потраве и оскудению пастбищных угодий» [239, с.159]. Пастбища испытывали на себе колоссальную нагрузку, так как использовались бессистемно [104, с. 97].

Проблема деградации пастбищ и пути их рационального использования начали широко обсуждаться с середины 1980-х годов. Свои мнения по этому вопросу высказывали не только ученые-специалисты, но и пастухи. О том, что прекрасные пастбища с сочными растительными покровами превращались в пустыни, говорили многие наши информаторы. Во время перестройки и в последние годы существования Советского Союза на большинстве высокогорных летников (*жайлоо*), не говоря уже о призимовочных угодьях, можно было видеть удручающую картину, связанную с превращением больших пространств с подножным кормом в пыль [139, с.382]. О пагубном влиянии избытка скота на окружающую среду хорошо были осведомлены некоторые

люди, наблюдавшие за состоянием пастбищ. Так, в частности, по рассказу К. Абдурахманова, в совхозе “Комсомол” Кочкорского района на 1 га пастбищ выпасалось овец в три раза больше нормы [256, с. 40]. Чрезмерная нагрузка на пастбища вследствие непомерного увеличения поголовья скота привела к их деградации. Перевыпас скота превратил в песчаную пустыню и обширные плодородные пастбища Казахстана и Туркменистана [282, с. 26].

Предпринимаемые попытки внедрения пастбищеоборота не дали желаемого эффекта. Все основные работы, направленные на улучшение естественных угодий, проводились за счет государства. Многие даже экономически сильные хозяйства не выделяли для этой цели средств. Это привело к выработке у хозяйств потребительского отношения к пастбищам. Часто средства, выделяемые государством на почвоулучшающие работы и приобретение минеральных удобрений, использовались не по назначению. Особенно это было характерно для Нарынской, Иссык-Кульской и Таласской областей, Московского и Чуйского районов [156, с.16].

В ту эпоху, с одной стороны, решались экономические задачи по обеспечению поставок на общесоюзный рынок мяса, молока, шерсти, а с другой – причинялся серьезный ущерб экологической системе. Ухудшение качественного состояния пастбищ в конечном итоге отрицательно сказывалось на тех же экономических показателях. Тем не менее взаимообусловленность экологических и экономических факторов осталась вне поля зрения государственных чиновников, которые не обращали внимание на предельно допустимые возможности пастбищ республики, где можно было разводить на экстенсивной основе максимум 7 – 8 млн мелкого скота, о чем еще давно писал этнограф М.Т. Айтбаев [72, с. 14].

По рассказу респондента С. Назаровой, проработавшей помощником чабана, а затем старшим чабаном, обычно уже в начале мая дорожники ДЭУ открывали перевал, очищая его от снега. *«После 25 апреля мы то и дело смотрели на дорогу. При виде бульдозеров, тракторов думали, что они едут для того, чтобы очистить от снега дорогу. Спустя некоторое время мы*

должны были перекочевать на летние пастбища в Сон-Куль. В это время там стояли сильные холода, метели, снег был еще глубоким. Причиной такого раннего кочевания по распоряжению руководителей совхоза было то, что в нижних зонах трудно становилось разместить многочисленные стада. К тому же начинались весенние сельскохозяйственные работы (ПЗА, с. Толук Кочкорского района, 24.03. 2006 г.). Вероятно, в советское время не всегда прислушивались к мнениям специалистов, недостаточно учитывали фазы вегетации подножного корма, что негативным образом отразилось, помимо прочих, на качестве пастбищ.

Несмотря на отгон части стада, принадлежавшего хозяйствам Нарынского, Ак-Талинского, Кочкорского, Джумгальского районов, на такие пастбища, как Кара-Куджур, Орто-Сырт и другие, на Сон-Куле концентрировалось огромное количество разных видов скота. Вследствие этого в окрестности высокогорного озера происходило опустынивание. Аналогичная картина наблюдалась и на других пастбищах. Скудный травяной покров на деградированных пастбищах совершенно не удовлетворял потребности разного вида скота в подножном корме.

В советский период наблюдалось потребительское отношение к естественным угольям, в вопросах администрирования, касающихся использования сезонных пастбищ, не было бережного отношения и рационального подхода. В таких условиях никто не имел права переложить вину на скотоводов за последствия неразумного использования кочевых участков, тем более что они фактически не участвовали в принятии решений по вопросам утилизации сезонных пастбищ. Это относится и к мобильным скотоводам других частей мира [199, с.237; 345]. Когда поголовье скота намного превышало нормы на единицу площади, трудно было рассчитывать на применение метода ротации участков.

Деградация растительности на территориях, где выпасался скот, стала результатом воздействия антропогенного фактора. Различные экстремальные

природные явления, повторяемые раз в несколько лет, не могли не оказать своего влияния. Одними из способов улучшения пастбищ являлись засев семян кормовых растений и борьба с сорняками, для чего использовали также воздушный вид транспорта. Такие технические меры, как орошение и подкормка пастбищ, были направлены на смягчение экологически вредного воздействия интенсифицированного использования пастбищ [120, с.238].

В 1990-е годы прошлого столетия резко сократилось поголовье скота и использовать такие отгонные пастбища, как Сон-Куль, стало не под силу абсолютному большинству скотоводов. В результате они получили длительный отдых. С другой стороны, резко возросли антропогенные нагрузки на территории выпаса, расположенные недалеко от населенных пунктов. Перевыпас сопровождался почти полной деградацией присельских экосистем [101, с. 7].

В течение пяти–семи лет травостой на субальпийских и альпийских зонах набрал силу, восстановился. Однако сказались негативные экологические последствия длительного неиспользования травостоя отдаленных пастбищных участков. Речь идет о разрастании вместе с кормовыми ценными травами непоедаемых трав. А на дерновинные питательные злаки это оказало в некоторой степени даже отрицательное воздействие, так как прошлогодняя нестравленная трава образовывала мертвый покров, через который очень трудно было пробиться молодым росткам зерновины. Примерно такая же картина наблюдалась в начале 1990-х годов в Агинских степях Бурятии. Как пишет Н.Н. Крадин, «округ находился на грани экологического кризиса, однако крупномасштабно он не успел развиваться, поскольку развал СССР (1991 г.) и политика приватизации (1993–1994 гг.) привели к глубокому экономическому кризису и упадку скотоводства в округе» [183, с. 346]. Примеры использования пастбищ в Кыргызстане и Бурятии в ущерб экологической системе были не единичными в бывших союзных государствах.

Народные знания о среде обитания и его ресурсах в системе экологических традиций развиваются как продукт многообразных воздействий человека на

природу [161, с.154]. Данное мнение подтверждается, в частности, традиционными ботаническими познаниями, о чем более подробно писал А. Байбосунов [88]. Современные пастухи в целом хорошо различают основные кормовые растения, произрастающие на разных высотных поясах и об их питательных качествах. По их рассказам, на предгорьях растут *шыбак* (полынь), *кекире* (василёк горький), *тулаң* (ковыль), *чий* (высокая жесткая степная трава, стебли которой идут на изготовление циновок), на Орто жайлоо распространены *тулаң*, луговые растения, *эрмен* (полынь горькая), *шыбак*, *бетеге* (овсяница) и др. В то же время немало скотоводов имеют поверхностное представление о питательных свойствах трав, не обращая внимания на то, что животные вынуждены стравливать менее качественные из них, поскольку нет хороших. Ж.Б. Доолбекова отмечает хорошее знание растительности (свойства, сроки вегетации) мургабскими кыргызами. У них существуют такие виды, как “*тоют чөптөр*” – кормовые травы, “*малга зыян келтирүүчү чөптөр*” – ядовитые растения для животных в общей классификации растительности [122, с.16]. Находясь на летнем пастбище Кашка-Суу Кочкорского района, сотрудники одного отечественного фонда и специалисты Гипрозема в рамках проекта убедились, что не все нынешние пастухи четко различают качество разных кормовых трав. У бурят также были утеряны многие традиционные и даже сравнительно новые знания о скотоводстве. Далеко не все молодые пастухи знают о вкусовых качествах трав и умеют пользоваться приемами выпаса скота, которые применяли их родители [190].

Порою современные скотоводы недостаточно соблюдают положительные традиции по бережному освоению ресурсов природы. Это связано как с утратой некоторых навыков, так и с игнорированием положительного опыта, накопленного предыдущими поколениями. После приватизации скота и имущества колхозов, совхозов многие пастухи не могли активно продолжать свою деятельность, как раньше, часть из них переориентировалась на другие виды работ, некоторые совершили «бегство в города», что негативно отразилось на трансмиссии хозяйственных навыков скотоводов. Некоторые опытные

животноводы и местные специалисты все же не скрывают озабоченности из-за нерационального использования сезонных пастбищ: перекочевка со скотом на летние пастбища с большой задержкой, возвращение на зимние участки раньше времени, когда еще неполностью убран урожай сельскохозяйственных культур. Во-первых, это создает большие неудобства земледельцам, во-вторых, присельные пастбища стравливаются не экономно. Возникают и конфликтные ситуации.

Часто не разумно используются высокогорные альпийские угодья. Скотоводы старшего поколения считают, что пастбища испытывают неравномерную нагрузку. Если, к примеру, одно урочище всегда заполнено скотом, то на другом, более отдаленном, лишь изредка можно увидеть пасущихся животных. С одной стороны, слабое использование дальних и высоких участков частично объясняется боязнью волков, которые могут нанести ощутимый урон стадам, с другой – нежеланием и ленью самих животноводов. В результате недостаточной эффективности стравливания старые, несъеденные, пожелтевшие травы мешают созреванию свежих кормовых растений.

Проработавшие всю жизнь в качестве чабанов С. Назарова, Ы. Абдыкадыров из долины Төлөк Кочкорского района Нарынской области отмечали, что за все лето по 3–4 семьи кучками располагаются на одном месте (обычно на берегу озера Сон-Куль и вдоль дороги) и даже не подумают поменять стойбища. На таких участках идет интенсивный выпас скота. Нестравленными остаются высокогорные пояса, поскольку радиус выпаса стад многих скотоводов остается небольшим, хотя имеющиеся участки позволяют увеличить его. Они отмечали, что раньше животноводы рассредоточивались по узким горным впадинам (*кокту-колот*), как, например, Соку-Таш, Көк-Булак, Чоң-Соку-Таш, Жылуу-Булак, Сасык-Булак (с. Толук Кочкорского района, 24–25.03.2006 г.).

Нынешнему молодому поколению делается упрек в том, что они не чередуют участки для выпаса с учетом состояния растительного покрова и его вызревания. В качестве одной из главных проблем нерационального использования пастбищ представители старшего поколения назвали отсутствие

четкой координации и ответственных людей. С принятием Закона “О пастбищах” в 2009 г. такие функции легли на членов пастбищных комитетов. Однако не все старые и новые проблемы решаются на должном уровне.

Озабоченность бывших чабанов совхозов разделяют и некоторые современные скотоводы, имеющие хорошие хозяйственные навыки. Так, например, Э. Жакшылыков (1973 г.р.) сказал, что *пастухи, проводящие летовку в Кашка-Суу, раньше отгоняли скот на самые верхние пастбищные участки (төр). Тогда животные быстро набирали жир, поскольку хорошо пасется на прохладе, а участки на нижних частях сохранялись для выпаса в другое время года* (с. Толук Кочкорского района, 08.06.2006 г.).

Резкое увеличение поголовья коз представляет серьезную экологическую опасность для степей Евразии, “поскольку козы интенсивнее вытаптывают пастбища, чем овцы, и выедают все виды трав почти под корень, не давая ресурсам быстро восстанавливаться”. Современными исследователями в Монголии также отмечается сокращение кочевок, ведущее к деградации пастбищ [190, с.16,20]. Губительное воздействие на пастбища, оказанное козами, отмечалось и в Кыргызстане. Как подчеркивают специалисты, “районированное разведение всех пород сельскохозяйственных животных предназначало козам использование неудобий и скалистых пастбищ” [203, с. 204]. Однако на практике не всегда так происходит. Тем не менее в горных районах северной части Кыргызстана козы не представляют серьезных опасений, так как их удельный вес не очень большой. Даже их можно было бы использовать для стравливания закустаренных участков, для того чтобы вернуть их в пастбищный оборот. Но как это организовать?

Скотоводам хорошо известны высокие питательные качества растительного покрова летних пастбищ по сравнению с подножным кормом зимников. В то же время они доступны в теплое время года только в течение примерно трех месяцев. Опытные пастухи адекватно оценивают роль летних пастбищ в нагуле скота, что положительно отражается на проведении успешной

зимовки, получении приплода. Нелишне вспомнить выражение, бытовавшее у древних кыргызов: “*Мал баксаң кыш бакпай жай бак*» (“Если хочешь пасти скот, то паси лучше летом, чем зимой”).

В определенной степени отрицательную роль в равномерном использовании пастбищ играет и фактор вовлечения агро-пасторальных обществ и их пастбищных территорий в новые экономические отношения. Сегодня в летнее время можно видеть концентрацию переносных традиционных жилищ кочевников *боз үй* (юрта) в сравнительно больших количествах в некоторых местах вдоль побережья озера Сон-Куль, где встречают своих гостей и обслуживают местные члены туристических организаций.

На побережье озера во второй половине 2000-х годов жили также рыбаки (в том числе браконьеры), занимающиеся ловлей рыб, таких как сига и пелядь, для продажи. По словам скотоводов, рыбаки оставались на Сон-Куле до конца декабря, несмотря на наступление сильных холодов (более -30°C) и выпадение обильного снега. На мой взгляд, вокруг таких стойбищ нагрузки на окружающую среду увеличиваются под воздействием антропогенного фактора. Экономические интересы, являющиеся приоритетными, нередко приходят в противоречие с экологической культурой и сознанием, вследствие чего природе наносится ущерб.

Среди части людей бытует обманчивое представление, что деградированные пастбища способны относительно быстро восстанавливаться. Опытные скотоводы хорошо знают, что разные животные отдают предпочтение тем или иным типам растительности. Если овцы, лошади предпочитают пастись на участках с альпийскими лугами, то коровы и верблюды хорошо чувствуют себя на равнинах, где питаются высокими травами и колючими кустарниками [320; 142, с. 69–70].

Представляют интерес результаты мониторинга конкретных пастбищных территорий. Так, по свидетельству геоботаника Гипрозема республики, коренного и масштабного изменения состава травостоя на пастбищах Сон-Куль и Кашка-Суу не произошло, изменилось лишь процентное соотношение видов

растений. Наиболее приспособленные к этим условиям обитания они получили большое распространение, но их нельзя рассматривать как инородные или ненужные. Ведь это их ареал существования, но их распространение сдерживалось ранее выпасом скота. Другой вопрос, когда мертвый покров дерновинных злаков (т.е. прошлогодние листья) препятствует молодым побегам, угнетая их, на месте могут вырасти такие растения, которые менее ценны в кормовом отношении, а иногда и вредные, ядовитые или грубостебельчатые. Следовательно, выпас скота с оптимальной нагрузкой балансирует видовой состав пастбищных трав [49]. Здесь надо учесть, что при оптимальной организации выпаса разных видов скота и перекочевки на другие места они через определенное время могут восстанавливать свое первоначальное состояние.

Скотоводство, основанное на пастбищном содержании животных, может оказать положительное влияние на территории выпаса. “Кочевой образ жизни по своей структуре экологичен, основан на сезонных передвижениях стад, что способствует сохранению степей и причиняет меньше всего ущерба природным средам” [82, с.164]. А.М. Хазанов пишет о том, что при условии рационального ведения мобильного скотоводства оно не оказывает разрушительного эффекта на экосистемы [283, с.12]. Имеются положительные примеры бережного отношения к пастбищам. Так, например, овцеводческое хозяйство “Саба ажы” Кочкорского района использовало сезонные территории с учетом состояния пастбищного травостоя и нагрузки овец на единицу площади. При смене пастбищ овцеводы ориентируются на природные индикаторы, такие как лунные фазы, положение звезд, поведение диких животных, состояние травостоя, и т. д. [271, с.166]. К сожалению, на практике большинство скотоводов не всегда соблюдают разумный баланс в стравливании пастбищных участков, приводящий в итоге к ухудшению их качества.

При беседах с пастухами, которые выпасают скот в этих местах много лет, ими было отмечено, что происходит смена некоторых видов трав. Например, в

урочище Тепши, на Сон-Куле, в долинной зоне появилось большое количество эдельвейсов, которых раньше там не наблюдалось. А вот растений с желтыми цветами (видимо, купальницы), по описанию пастухов, стало меньше, а местами они исчезли совсем и стали произрастать повыше, на горных участках. По устному рассказу геоботаника Л. Китаевой, это объясняется тем, что в долинной зоне за счет нагрузки идет уплотнение почвы, а травы, не выдерживающие плотности почвы, исчезают, их заменяют более выносливые растения, которые легко переносят вытаптывание. Этим объясняется распространение осоки, типчака, кобрезии, овсеца. Согласно исследованию общественного фонда “САМР Ала-Тоо”, отсутствие финансирования Кыргызгипрозема для проведения мониторинга пастбищ не дало возможности оценить состояние пастбищ и принять необходимые меры по предотвращению их деградации. Пастбищные же комитеты, на которых возложены эти обязанности по Закону “О пастбищах”, не обладают достаточной квалификацией, и, более того, многие такие комитеты не видят необходимости в проведении мониторинга. Отношение к пастбищам как к нескончаемому дару, связанное с менталитетом, нужно преодолеть путем возрождения традиционных знаний и навыков [41]. Нужно также отметить слабую организацию управления сезонными пастбищами в условиях наличия многочисленных частных хозяйств, которые часто стремятся оказаться в выигрышном положении, даже обладая некоторыми основными традиционными навыками.

По мнению опытного аграрника Э. Исакова, вытаптывание и выбивание растительного покрова под копытами крупного рогатого скота выделяется среди других факторов антропогенного воздействия человека. «Каждый животновод, желая улучшить свое экономическое положение, старается перевести свое поголовье с мелкого рогатого скота на крупный, содержание же последних губительно воздействует на наши пастбища, на котором в основном произрастает мелкая густая трава, подходящая для овец и коз, а от засилья лошадей и быков трава вытаптывается и выгорает под их отходами. На этих местах появляются неприхотливые сорняки. Так происходит сменяемость

кормовых сортов растений на непоедаемую, сорную и ядовитую» [60]. Респондентами отмечена также негативная роль ветров, которые сушат почву и траву.

В местных сообществах часто говорят о том, что скотоводами нерационально используются призимовочные пастбищные угодья. Во-первых, это связывается с возвращением стад разных видов скота с высокогорных летних пастбищ сразу же после уборки урожая, а в иные годы и до окончания осенних сельскохозяйственных работ. Во-вторых, большое количество скота пасется на небольшом радиусе от населенных пунктов, часто на отавах, что приводит в конечном итоге к быстрому истощению подножного корма.

В постсоветское время во многих зимниках хозяйственные строения и домики были разрушены, а близлежащие территории постепенно стали выходить из пастбищного оборота. По рассказу некоторых респондентов, на таких участках заметно расширились ареалы колючих кустарников, где уже трудно пасти, к примеру, отары овец. К. Мукамбетов, несколько лет выпасавший скот односельчан в теплое время года, отметил, что такие участки ныне не используются скотоводами. Здесь овцы могут остаться в плену кустарников, поскольку шерсть животных может зацепиться за их ветки. В таких местах сравнительно легче чувствуют себя козы. Однако пастуху трудно контролировать все стадо во время выпаса (ПЗА, с. Кара-Коо Тонского района, 08.2014 г.). В конце 2000-х годов мы видели увеличение ареалов колючих кустарников типа карагана в верхней части горной долины Төлөк. Некоторые местные скотоводы жалели, что нет сейчас верблюдов, которые могли бы питаться этими растениями и приносить пользу пастбищам.

Таким образом, основная нагрузка приходится на присельные участки. Нахождение большого числа скота на зимних пастбищах более чем на полгода, приводит к деградации пастбищ и эрозии почвы. К тому же, кроме разных видов скота, принадлежащих местному населению, на территориях сельских управ нередко содержится и частный скот, владельцами которых являются люди,

постоянно проживающие в районных, областных центрах и других городах. Это осуществляется путем отдачи скота на выпас (за плату) местным животноводам. На растительный покров присельных территорий отрицательно влияет и разведение малопродуктивных помесных овец, да и ещё в условиях мелких крестьянских хозяйств, не способных к отгонному содержанию животных [203].

Современные скотоводы зачастую видят свое экономическое благополучие в увеличении поголовья своих стад, не придавая должного значения состоянию пастбищ. Между тем далекие предки кыргызов стремились не допускать чрезмерной концентрации скота на пастбищах, понимая отрицательные последствия такого шага для целостности стада. Н.Н. Крадин отмечает, что кочевники эмпирически хорошо осознавали зависимость от динамического баланса между размерами пастбищ, количеством стад и численностью номадов и их семей, кочевавших на определенной территории. Здесь же, ссылаясь на А.М. Хазанова, он приводит монгольскую пословицу, которая гласит: «Без травы нет скота, без скота нет пищи» [179, с. 35].

У кыргызов пастбища всегда находились в коллективном пользовании, качественное состояние поддерживалось организацией рационального выпаса и нормами обычного права. В наши дни пастбища также находятся в общинном пользовании. Однако мы не можем говорить о социальной справедливости по вопросу использования территорий выпаса. Если одни пытаются быть бережливыми в утилизации подножного корма, то другие пускают на такие территории свои большие стада, не делая ротации участков, что приводит к их деградации. При этом нередко богатые хозяйства платят намного меньше налога, чем это положено. Максимальную пользу извлекают от общинных пастбищ те скотоводы, которые первыми нарушают неписаные правила традиционного природопользования и решения, принятые правительственными структурами.

В традиционном обществе хорошо понимали зависимость материального благополучия от состояния пастбищ, для поддержания которых применяли

сложную систему мер. К их числу относились чередование участков выпаса, разведение комплексного стада животных, которые потребляют разные виды трав [270, с.188 – 199]. Однако эти знания и традиции часто игнорируются под влиянием реалий экономической жизни. Трудно говорить о пропорциях разводимых животных с учетом оптимальности во взаимодействии с пастбищем. Верблюдов же, которые могли бы питаться грубыми, колючими растениями, крайне мало.

В теоретическом плане такую ситуацию можно было бы объяснить феноменом «трагедии общинных ресурсов», сформулированным Г. Хардиным [304, с.47–62]. Действительно, скотоводы часто перегружают перевыпасом пастбища, которые находятся в коллективном пользовании. Экономическую выгоду за счет общинного ресурса здесь имеют крупные скотовладельцы, среди которых числятся и те, кто используют наемную силу, а сами фактически не занимаются выпасом скота. Мне кажется, причинами такой экологической ситуации в высокогорных районах Кыргызстана являются, кроме прочего, слабый социальный контроль и нерациональное управление пастбищами, а не отсутствие частной собственности. Однако, учитывая хозяйственные традиции, особенности экосистемы и социальной организации сельского населения, а также уровень нынешнего развития, введение частной собственности на пастбища, кажется, не является выходом из положения.

Какие же выводы можно сделать из изложенного выше? Нынешние скотоводы пользуются хозяйственными навыками, унаследованными от предков. Однако некоторые значимые традиции и опыт бережливого отношения к пастбищам стали забываться. Потребительский подход к естественным угольям прослеживался и в советское время. Аналогичное отношение наблюдается и в наши дни. Особенно большая нагрузка ложится на присельные пастбища, где выпасают скот и в жаркие летние дни. Главными причинами ухудшения состояния сезонных пастбищ являются: превышение поголовья скота на единицу площади, нерациональный выпас стада с учетом высотных зон.

климата. Владельцы прежде всего думают о скоте, не придавая достаточного значения пастбищам, преследуя экономические выгоды в ущерб экологии. Пользователи Из оборота выведены некоторые пастбищные участки, где ранее выпасали колхозные отары, а ныне стало невозможно пригнать овец. Скотоводы должны не гоняться за количеством, серьезное значение придавая качественному составу стада, а также заготовке кормов на зиму, что может в определенной степени способствовать поддержанию зимних участков в хорошем состоянии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы трансформации происходящие в Кыргызстане после распада СССР не мог не охватит и скотоводческую отрасль. Образование нового суверенного государства, разрушение бывшего единого народнохозяйственного комплекса, признание разных форм собственности и ориентация на свободные рыночные отношения, приватизация скота и земельных наделов, принятие соответствующих нормативно-правовых актов и другие факторы сыграли определяющую роль в происходящих изменениях в социально-экономической, культурной жизни скотоводов. В то же время сравнительно устойчивыми остаются базовые ценности, некоторые стороны хозяйственно-культурных традиций и социальных отношений.

Морально-психологический надлом в сознании многих людей, обусловленной ликвидацией колхозно-совхозной системы и катастрофическим уменьшением поголовья скота в 1990-е годы оказал негативное влияние на рациональную организацию хозяйства для приспособления к меняющимся условиям жизнедеятельности. Однако, вскоре они оправились от шокового состояния и стали прилагать усилия по укреплению своих хозяйств, хотя это давалось нелегко в условиях системного кризиса и отсутствия наличных денег.

В наше время скотоводство по-прежнему остается ведущим направлением хозяйственной деятельности населения высокогорных регионов республики. Одним из его особенностей является сочетание использования экстенсивных методов разведения разных видов скота, что практиковали далекие предки, с внедрением новых, интенсивных приемов. Комбинация скотоводческого хозяйства с земледелием, огородничеством детерминирует облик современного агропасторального общества.

Скот продолжает иметь большое экономическое, социальное и культурное значение. Благодаря наличию стада многие семьи обеспечиваются трудовой

занятостью. Скот – одно из средств, с помощью которого человек может повысить статус в обществе, устанавливает и расширяет сеть социальных связей. Заметно влияние разводимого скота на социализацию детей. В последние годы скот стал представлять для большинства хозяйств товарную ценность. Сохраняется символическое, обрядовое значения скота.

Приватизация общественного скота, земельных наделов и сельскохозяйственного имущества оказала существенное влияние на экономические отношения и социальную организацию. С ликвидацией колхозов и совхозов происходит разрыв с социалистическим прошлым, хотя в памяти людей они сохранились. Радикальные шаги по реформированию аграрной отрасли отразились на сознании и поведении людей, которые часто оказывались в состоянии растерянности.

Чтобы адаптироваться к новым рыночным отношениям, скотоводы высокогорных районов Кыргызстана прошли через трудные этапы транзитного периода от уравнилельных социалистических отношений с директивной экономикой к рынку, где господствуют спрос и предложение. Людям нужно было избавиться от патерналистской психологии и брать ответственность на себя. Это хорошо получается у смелых, предприимчивых хозяев.

В семьях современных скотоводов сравнительно устойчиво сохраняются культурные традиции и хозяйственные навыки, народные методы воспитания детей. Структура, численный состав семей, постоянно занятых в скотоводстве, нередко претерпевают изменения в течение годового цикла. Дети скотоводов с малых лет начинают в силу своих возможностей помогать родителям и выполнять несложные поручения, что позволяет им постепенно освоить хозяйственные навыки скотоводов.

Родственные связи современных скотоводов, основанные на общем генеалогическом происхождении, расширяются за счет новых приобретенных родственников, к числу которых относятся сваты. На взаимоотношения между

детьми одного отца сказывается эмоционально-чувственная близость. На отношения между братьями, сестрами и другими близкими родственниками стали оказывать заметное влияние экономические интересы. Соседские связи, основанные на территории их проживания, совместном пользовании угодьями, носят постоянный (в селах) и сезонный (на летних пастбищах) характер. Генеалогический состав соседей не отличается однородностью.

В постсоветское время наметилось углубление разделения труда по видам экономической деятельности основанное на инициативности самих людей. Появились группы или бригады, специализирующиеся на выращивании кормовых трав для продажи, оказании услуг в косовице вплоть до складывания тюков на указанном заказчиком месте. Некоторые представители богатых хозяйств стали использовать наемных пастухов.

Невозможно представить потомков кочевников-кыргызов без лошади имеющего значение в хозяйственной, социальной, культурной, развлекательной, религиозной жизни населения. Овцы являются самым многочисленным видом скота, одним из любимых животных кыргызов, которые и ныне выполняют функции средства платежа, единицы торгового обмена, предмета дара. В постсоветское время овцеводческому направлению был нанесен большой ущерб, ухудшились породность, зооветеринарный уход. Значимость коз в структуре стада обычно возрастала в трудные, голодные времена. Не стали исключением и 1990–2000-е годы. Разведение коз сыграло положительную роль в реанимировании стад многих семей.

Крупный рогатый скот превратился в экономически значимый для многих видов домашнего скота, благодаря повышению спроса на молоко и говяжье мясо. Разведением яков занимаются в основном скотоводы, обладающие необходимыми навыками в выпасе и уходе за ними. Их стойбища обычно находятся в местах, где имеются соответствующие высотные пояса, расположенные недалеко. Широкое распространение механизированных транспортных средств для перевозки грузов и прокладывания дорог вплоть до

отдаленных летних пастбищ привело к исчезновению верблюдов ещё в советское время. Были утрачены и навыки по их уходу и использованию. В 2000–2010-е годы в некоторых высокогорных районах отдельные скотоводы возродили давние традиции использования верблюдов для перевозки грузов. Однако их совсем мало, и их разведение носит нерегулярный характер.

В условиях ведения скотоводческого хозяйства с переходом к рыночным отношениям пастбища продолжают оставаться ключевым возобновляемым ресурсом. Наряду с разными видами разводимого скота они оказывают опосредованное положительное влияние на занятость, благодаря наличию которых пастухи могут заниматься выпасом стад. Будучи хранилищем биоразнообразия, они выполняют средозащитную функцию. Пастбища имеют немаловажное социальное и культурное значение. В коллективах общего пользования пастбищными участками поддерживаются межличностные, семейные связи, проводятся традиционные обряды.

Результатом поиска оптимальных решений по использованию пастбищ в постсоветское время стали принципиально отличающиеся друг от друга принятые нормативные акты. Право на аренду пастбищ предоставленное гражданам страны принятием Земельного кодекса Кыргызской Республики в 1999 г., фактически не оправдало себя. В условиях Кыргызстана наиболее приемлемой формой остается коллективное пользование пастбищами, которые по закону находятся в собственности государства.

Создание объединения пастбищепользователей и пастбищных комитетов важный шаг в организации управления этим ресурсом. Однако существуют издержки в управлении пастбищами по закону в связи с недостаточным пониманием его положений не только скотоводами, а порой ответственными людьми в местных самоуправлениях. Работа, проводимая пастбищными комитетами по сбору налогов, поддержанию дорог, мостов в хорошем состоянии, ротации участков, решению территориальных споров, не всегда дают нужных результатов. Соответствующие структуры правительства, областные,

районные администрации в вопросах принятия решений по определению пользователей пастбищ не учитывают мнения местных опытных пастухов и специалистов животноводства. С увеличением поголовья разных видов скота скотоводы стали чувствовать тесноту летних пастбищ.

При решении организационных вопросов, касающихся пастбищ, необходимо учитывать факторы, к числу которых следует отнести: ландшафт и размеры кочевых участков, сезоны годичного цикла, вопросы увеличения и уменьшения поголовья скота в стадах, периоды вегетирования растений, вызревания подножного корма, амплитуду кочевания и радиус выпаса. Семья, соседско-территориальные связи, личностные отношения между скотоводами имеют большое значение в освоении пространства.

Некоторые положительные традиции по рациональному использованию пастбищ стали забываться. Потребительский подход к естественным уголкам характерен и современному периоду. В результате антропогенного фактора, где экономические интересы людей оказываются в большом приоритете, наносится ущерб экологии вообще и пастбищам в частности. Скотоводам нужно не гнаться за количеством, а необходимо улучшить качественный состав стад. Нужно серьезно относиться к заготовке кормов, так как от этого зависит состояние растительного покрова.

Практические рекомендации

1. Скотоводы должны перейти от количественного к качественному составу стад. Для этого необходимо улучшить зоотехнический и ветеринарный уход, последовательно заниматься селекционными работами.
2. Необходимо серьезно относиться к заготовке кормов, достаточный объем которых может, с одной стороны, в определенной степени ограничить излишнего стравливания присельных пастбищных участков, с другой –

служит гарантией сохранности стада в тяжелые дни возможных экстремальных метеорологических условий.

3. Учитывая бесценный опыт предков по рациональному использованию пастбищных пространств, нынешнему поколению скотоводов было бы полезно применить такие хозяйственные навыки на практике.
4. Правительственным структурам и органам местной власти при принятии решений по вопросам развития отрасли рекомендуется привлекать представителей скотоводов. Они компетентны, лучше знают особенности сезонных пастбищ, историю использования участков и т.д.
5. Предпринимать меры по сохранению местной кыргызской породы лошадей, как наиболее приспособленного верхового животного для пастухов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Ведомости Верховного Совета Республики Кыргызстан. Январь. 1991. № 22. С. 694.
2. Ведомости Верховного Совета Республики Кыргызстан. Январь. 1992. № 1. С. 78 – 80.
3. Закон Кыргызской Республики «О пастбищах» от 26 января 2009 года № 30, г. Бишкек.
4. Закон Кыргызской Республики “О крестьянском (фермерском) хозяйстве” от 3 июня 1999 г. № 47 URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/212/20?cl=ru-ru>
5. Закон Кыргызской Республики «О пастбищах» от 26 января 2009 года № 30, г. Бишкек.
6. Закон Республики Кыргызстан “О земельной реформе” от 19 апреля 1991 г. № 433-ХП URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/875?cl=ru-ru>
7. Закон Республики Кыргызстан “Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства в Республике Кыргызстан” от 20 декабря 1991 г. № 683-ХП // Ведомости Верховного Совета Республики Кыргызстан. Январь. 1991. № 22. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/898>
8. Постановление Правительства Кыргызской Республики от 4 июня 2002 г. “Об утверждении положения о порядке предоставления в аренду пастбищ” URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/53532/20?cl=ru-ru>
9. Указ Президента Республики Кыргызстан «Об особенностях разгосударствления и приватизации совхозов и других государственных (коммунальных) сельскохозяйственных предприятий в Республике Кыргызстан» // Ведомости Верховного Совета Республики Кыргызстан. Январь. 1992. № 1. С. 78 – 80.

- 10.URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/898>
- 11.URL: 2 <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/212/20?cl=ru-ru>
- 12.URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/53532/20?cl=ru-ru>
- 13.URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/875?cl=ru-ru>
- 14.URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/53532/20?cl=ru-ru>

Статистические и другие источники

- 15.Ак-Талаа куттун жергеси [Текст] / Ө. Дөлөев.- Бишкек, б / и., 1996. – 220 с.
- 16.Джунт 1927-28 г. - Фрунзе: Издание Киргизского статистического управления, 1928. - 42 с.
- 17.Жусуп Абдрахман уулу. – Бишкек: “Гүлчынар” ЖЧК басмасы, 2018. - 128 б.
- 18.Информация департамента пастбищ, животноводства и рыбного хозяйства для Министерства сельского хозяйства, пищевой промышленности и мелиорации Кыргызской Республики о проделанной работе в 2019 г.
- 19.Информация департамента пастбищ, животноводства и рыбного хозяйства для Министерства сельского хозяйства, пищевой промышленности и мелиорации Кыргызской Республики о проделанной работе в 2019 г.
- 20.Источник: Данные Гипрозема КР по урожайности пастбищ
- 21.Итоги единовременного учета скота и домашней птицы в Кыргызской Республике (по состоянию на конец 2016 года). – Бишкек, 2017.
- 22.Итоги единовременного учета скота и домашней птицы в Кыргызской Республике (по состоянию на конец 2015 года). – Бишкек, 2016.
- 23.Итоги единовременного учета скота и домашней птицы в Кыргызской Республике (по состоянию на конец 2019 года). – Бишкек, 2020.
- 24.Итоги единовременного учета скота и домашней птицы в Кыргызской Республике (по состоянию на конец 2015 года). – Бишкек, 2016.
- 25.Итоги единовременного учета скота и домашней птицы в Кыргызской Республике (по состоянию на конец 2016 года). – Бишкек, 2017;

- 26.Итоги единовременного учета скота и домашней птицы в Кыргызской Республике (по состоянию на конец 2019 года). – Бишкек, 2020.
- 27.Итоги первой сельскохозяйственной переписи Кыргызской Республики 2003 года. – Бишкек, 2004.
- 28.Итоги первой сельскохозяйственной переписи Кыргызской Республики 2003 года. – Бишкек, 2004. С.250.
- 29.Итоги первой сельскохозяйственной переписи Кыргызской Республики 2003 года. – Бишкек, 2004. С.252.
- 30.Итоги первой сельскохозяйственной переписи Кыргызской Республики 2003 года. –Бишкек, 2004. С.268–269.
- 31.Итоги первой сельскохозяйственной переписи Кыргызской Республики 2003 года. – Бишкек, 2004.
- 32.Итоги учета домашнего скота и птицы по категориям хозяйств в разрезе областей, районов и городов Кыргызской Республики по состоянию на 1 января 2005 г. – Бишкек, 2005;
- 33.Итоги учета скота и домашней птицы в Кыргызской Республике (по состоянию на конец 2018 года). – Бишкек, 2019
- 34.Итоги учета скота и домашней птицы по Кыргызской Республике (по состоянию на конец 2019 года). – Бишкек, 2020.
- 35.Итоги учета скота и домашней птицы по Кыргызской Республике на конец 2010 г. – Бишкек, 2011. С. 25.
- 36.Итоги учета скота и домашней птицы по Кыргызской Республике на конец 2018 г. – Бишкек, 2019.
- 37.Итоги учета скота и домашней птицы по Кыргызской Республике на конец 2010 года. – Бишкек, 2011; URL: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/90b00499-ffa2-43f3-92c2-b41bcaf83a17.pdf>;

- 38.Итоги учета скота и домашней птицы по Кыргызской Республике
URL:<http://www.stat.kg/ru/publications/okonchatelnye-itogi-ucheta-skota-po-sostoyaniyu-na-1012013g-po-polnoj-programme/>
- 39.Итоги учета скота и птицы в Кыргызской Республике по состоянию на 1 января 2000 г. – Бишкек, 2000;
- 40.Кыргызская Республика: от уязвимости к процветанию.- The World Bank Group, 1818 H Street NW, Washington. 71 с.
- 41.Мониторинг состояние пастбищ (ИСЦАУЗР) URL: http://file:///C:/Users/User/Downloads/WOCAT_QT_Summary_Kyr007ru.pdf
- 42.Окончательные итоги учета скота и домашней птицы в Кыргызской Республике по состоянию на 1 января 2002 г. – Бишкек, 2002;
- 43.Отчет Всемирного банка. 2005 г.
- 44.Рукопись отчета А. Жапарова, Ат-Башинский район, 2000. С. 22.
- 45.Рукопись отчета А. Жапарова, Ак-Талинский район, 2000. С. 10.
- 46.Сельское хозяйство Кыргызской Республики в 1991–1999 гг. – Бишкек, 2000;
- 47.Сельское хозяйство Кыргызской Республики в 1999–2003 гг. – Бишкек, 2004;
- 48.Сельское хозяйство Кыргызской Республики в 2004–2008 гг. – Бишкек, 2009;
- 49.Финальный отчет общественного фонда “Ак-Терек” по проекту изменения климата и природно-культурных ландшафтов Сон-Куля. – Бишкек, 2006.

Материалы СМИ

- 50.Кыргыз Туусу №29 (23417). 2009. 27 апреля.
- 51.*Осмонгазиева Т.* Вернемся к нашим баранам// URL: [http:// www.24.kg](http://www.24.kg)
19.11.10., 17:34.
- 52.*Семенов Г.* Торговали – веселились, посчитали – прослезились // Слово Кыргызстана. 1992. 3 января.

53. Слово Кыргызстана 1992. 3 января.
54. Теңир Тоо. 1996. №30. 25 апреля 1996 г.
55. Теңир-Тоо 1995. №84 (12075). 8 декабря.
56. Теңир-Тоо 1995. №22 (12109). 27 марта.
57. URL: <https://www.turmush.kg/ru/news:76424>
58. URL: <https://kyrtag.kg/ru/news/v-kyrgyzstane-rastet-pogolove-yakov->
59. URL: <https://www.turmush.kg/news:385415/>
60. URL: <https://kg.akipress.org/news%3A600079/?embed&pack=onekg>
61. URL: <http://www.Turmush//kg/ru/news:1458229/?from=portal&place=nouwread&b=104.07.2018>. 20:19.

Научная литература

62. **Абашин, С.Н.** Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией [Текст] / С.Н. Абашин. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 720 с.
63. **Абашин, С.Н.** Молитва о дожде в Советской Средней Азии (мусульманские практики в атеистическом государстве) [Текст] / С.Н. Абашин // Антропологический форум. – 2016. – № 28. – С. 155-179.
64. **Абдурасулов А.Х.** Животноводство Кыргызской Республики: состояние и перспективы [Текст] А.Х. Абдурасулов, С.Ш. Мамаев, К.Т. Жумаканов, У.А. Мырзакматов / Новости науки в АПК.- № 2 (11). – 2018. С. 13 – 17.
65. **Абдыкеримов, К.А.** Современное эпизоотическое состояние животноводства республики по инфекционным заболеваниям [Текст] / К.А. Абдыкеримов // Вестник Кырг НИИЖиП. – №2. -2007.
66. **Абдырасулов, Р.** Неотложные проблемы и перспективы развития овцеводства в Кыргызстане [Текст] / Р. Абдырасулов // Пасторализм в Центральной Азии. Материалы Международной научной конференции “Состояние и перспективы развития животноводства в республиках Центральной Азии в условиях перехода к рыночной экономике” (Санкт-

- Петербург, 5-6 июня 1997 г.). – М.: ГУП Типография КТ РФ. – 1997. – 62-69.
67. **Абрамзон, С.М.** К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии [Текст] / С.М. Абрамзон // Крат. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. – 1958. – Вып. 28. – С. 28-34.
68. **Абрамзон, С.М.** Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи [Текст] / С.М. Абрамзон. – Л.: Наука, 1971.-403 с.
69. **Ажибеков, С.А.** Животноводство и ветеринария [Текст] / С.А. Ажибеков, А.Д. Дуйшеев, К. Абдыкеримов // Горы Кыргызстана.-Бишкек.-«Технология», -2001.
70. **Айтбаев, М.Т.** Историко-культурные связи кыргызского и русского народов [Текст] / М.Т. Айтбаев. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг ССР. – 1957. – 180 с.
71. **Айтбаев, М.Т.** Очерк охоты у киргизов XIX начала XX века [Текст] / М.Т. Айтбаев // Труды Института истории АН Кирг. ССР. Вып. V. - Фрунзе, 1959. – С. 77-111.
72. **Айтбаев, М.Т.** Социально-экономическое отношение в киргизском аиле в XIX и начале XX века. [Текст] / М.Т. Айтбаев. - Фрунзе: Киргизское государственное издательство, 1962.-194 с.
73. **Акиев, К.** Баскан жол [Текст] / К. Акиев. - Ф.: Кыргызстан, 1983. - 256 б.
74. **Акматалиев, А.А.** Кыргыз мүнүшкөрлүгү. [Текст] / А.А. Акматалиев. – Бишкек: АО Учкун, 1999. – 64 с.
75. **Акматалиев, Т.А.** Формирование и развитие крестьянских (фермерских) хозяйств в Кыргызской Республике и повышение эффективности их деятельности. [Текст] / автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Т.А. Акматалиев. - Бишкек, 2006. – 26 с.
76. **Алаев, Л.Б.** Марксизм // Теория и методология истории (Отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин). [Текст] / Алаев Л.Б. – Волгоград: Учитель. - 2014. С. 55-89.

77. **Алтымышева, З.** 1920-30-жж. Кыргызстанда Совет режиминин клактарды тап катары жоюу саясаты [Текст] / З. Алтымышева. – Кыргыз-Түрк Манас университетинин Коомдук илимдер бөлүмү. PhD диссертациясы.- Бишкек, 2010.
78. **Алтымышева, З.** Кыргызстанда жеке чарбаларды коллективдештирүүнүн кесепеттери. [Текст] / З. Алтымышева. // Билим жана тарбия. - № 2 (27), 2018. С. 114-121.
79. **Алымбаева, Б.** Поселения и жилища Кетмен-Тюбинских киргизов [Текст]/: Б. Алымбаева // Культура и быт Кетмень-Тюбинских киргизов / отв. ред. Т. Дж. Баялиева.- Фрунзе: Илим, 1979. – 103 с.
80. **Альмеев Д.А., Абрасулов А.Х., Ногоев А.И., Тойгонбаев С., Сатканкулов Э., Жээнбекова Б.** Характеристика пород и типов коз Южного Кыргызстана. [Электронный ресурс]. – <http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/36%20I.A.Alymov,%20A.X.Abdurasulov,%20A.I.Nogoev,%20S.%20Toigonbaev,%20E.%20Satkankulov,%20B.Jeenbekova..pdf>
81. **Андрей Дёрре, Петер Борхардт.** Изменяющиеся системы, изменяющиеся воздействия – использование пастбищ в постсоветском переходном периоде [Текст]/Андрей Дёрре, Петер Бохардт // Mountain Research and Development.- Т. 32: -№ 3., август 2012 г. С. R62 – R73.
82. **Андрианов, Б.В.** Неоседлое население мира [Текст] / Б.В. Андрианов. – М.: Наука, 1985. – 280 с.
83. **Антипина, К.И.** Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов [Текст] / К.И. Антипина. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962. - 288 с.
84. **Асанканов, А.А.** Кыргызы Сынцзяна (КНР) [Текст] / А.А. Асанканов. – Бишкек: Бийиктик, 2010. - 492 с.
85. **Бабурин В.В., Шаменов М.Д.** Предупреждение скотокрадства в Кыргызской Республике [Текст] / В.В. Бабурин, М.Д. Шаменов // Научный вестник Омской академии МВД России.- 2013.- № 2 (49).- С. 20-24.

86. **Бадараев, Д.Д.** Модернизационные процессы в современном монгольском обществе [Текст] / Д.Д. Бадараева // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. матер-в. (Екатеринбург, 2-5 июля 2015).- Москва-Екатеринбург, 2015. - С. 178.
87. **Бадараев, Д.Д.** Традиционные хозяйственные практики монголоязычных номадов: скотоводство на сопредельных территориях Монголии и России [Текст] / Д.Д. Бадараева // Вестник социологии.- 2016. - № 3 (18). - С. 175-194.
88. **Байбосунов, А.** Донаучные представления киргизов о природе [Текст] / А. Байбосунов. – Фрунзе: Мектеп, 1990. – 185 с.
89. **Байбосунов, А. Дж.** Историческая роль воспитания скакунов-тулпаров в укладе жизни кыргызов и казахов (философский анализ) [Текст] / А.Дж. Байбосунов // Этносоциальные и этнокультурные процессы в Центральной Азии: история и современность. - Бишкек, 2010. – С. 378-388.
90. **Бактыгулов, Д. С.** Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Киргизии 1929 – 1937 гг. [Текст] / Д.С. Бактыгулов. – Бишкек, 1991. – 189 с.
91. **Барт, Ф.** Личный взгляд на современные задачи и приоритеты в культурной и социальной антропологии [Текст] / Ф. Барт // Этнографическое обозрение. 1995.- № 3. - С. 45-54.
92. **Барфилд, Т.** Мир кочевников скотоводов [Текст] / Т. Барфилд // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Серия «Цивилизационное измерение», Т.6. (Отв. ред. тома Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко) М., 2002. - С. 43-61.
93. **Баялиева, Т.Дж.** Доисламские верования и их пережитки у киргизов [Текст] / Т.Дж. Баялиева. – Фрунзе: Илим, 1972. – 170 с.
94. **Бежкович, А.С.** Историко-этнографические особенности киргизского земледелия [Текст] / А.С. Бежкович // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая сер. – 1973. - Т. 98. С. 32-69.

95. **Бедность и миграция в горных странах** [Текст] / Г. Бакирова, Ч.С. Биялиева, Т. Дыйканбаева и др. – Бишкек: Илим, 2006. – 43 с.
96. **Безвуглый, Л.Ф.** Отчет по произведенному в 1914г. обследованию животноводства в Пишпекском уезде Семиреченской области [Текст] / Л.Ф. Безвуглый. – Пб., 1916. - 221 с.
97. **Бектемирова, А.К.** Нарын облусунун айыл чарбасынын абалы (1991-2005-жж.) [Текст] / А.К. Бектемирова // Известия вузов.- Бишкек, 2006. - С. 203-207.
98. **Бектемирова, А.К.** Нарын облусунда агрардык-жер реформасынын жүрүшү.) [Текст] / А.К. Бектемирова // Известия вузов.- Бишкек, 2006. - С.210 – 215.
99. **Бектемирова, А.К.** Социально-экономическое развитие Нарынской области (1991-2005.) [Текст]: автореф. дисс... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.К. Бектемирова. - Бишкек, 2009. – 25с.
100. **Бектемирова А.К.** История производства продукции коневодческих хозяйств в Кыргызской Республике [Текст] / А.К. Бектемирова // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. Исторические науки.- 2019.-№ 3 (19).- С. 14.
101. **Биоразнообразие и высокогорные экосистемы Кыргызстана.** - Бишкек, 2006.
102. **Боконтаева, Д.К.** Фермеры как социально-профессиональная группа. [Текст]: автореф. дисс... канд.социол. наук: 22.00.04 / Д.К. Боконтаева .- Алматы, 1998. - 29 с.
103. **Брусина, О.И.** Киргизия: социальные последствия аграрного перенаселения [Текст] / О.И. Брусина // Этнографическое обозрение, 1995. - №4. - С. 96-106.
104. **Брусина, О.Б.** Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции [Текст] / О.Б. Брусина // Исследование по прикладной и неотложной этнологии, Москва, ИЭА РАН.- 2008. - № 202.- 42 с.

105. **Бурковский, А.Ф.** Животноводство и земледелие в Кетмен-Тюбинской долине [Текст] / А.Ф. Бурковский // Культура и быт Кетмень-Тюбинских киргизов (отв. ред. Т. Дж. Баялиева). – Фрунзе: Илим, 1979. – 103 с.
106. **Буслер, С.** Общинное управление пастбищами в Кыргызстане. Пилотный проект в Нарынской области [Текст] / С. Буслер.- Бишкек, август 2010. 58 с.
107. **Валиханов, Ч.Ч.** Собрание сочинений в пяти томах [Текст] / Ч.Ч.Валиханов. В 5 т. – Т.1. – Алма-Ата: Гл. ред. Каз. Сов. энцикл., 1984. – Т.1. – 432 с.
108. **Васильева, Г.П.** Отражение этносоциальных процессов в материальной культуре современной сельской семьи (на примере народов Средней Азии и Казахстана) [Текст] / Г.П. Васильева // Советская этнография, 1982. - № 5. – С. 41-51.
109. **Воронин, И.** Сведения о дикокаменных киргизах [Текст] / И. Воронин, Т. Нифантьев // Зап. Рус. геогр. о-ва.- 1851. Кн. 5. – С. 140-153.
110. **Вяткин, М.П.** Путевые записки Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна [Текст] / М.П. Вяткин // Ист. архив. – М., 1936. – Т.1. – С. 223-258.
111. **Головнев, А.В.** Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири [Текст] /А.В. Головнев. - Новосибирск, Издательство Новосибирского университета, 1993. - 204 с.
112. **Гомбожапов, А.Д.** К проблемам кочевников-животноводов Монголии [Текст] / А. Д. Гомбожапов // Вестник БНЦ СО РАН, 2011. - № 3. -С. 72-75.
113. **Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки.** - Улан-Удэ: Издательство БЦО СО РАН, - 2009. - 220 с.
114. **Гурова, О.Н.** Верблюдоводство как элемент экстенсивного использования земель в процессе опустынивания [Текст] / О.Н. Гурова //

- Мир кочевых цивилизаций: история и современность. - Чита-Агинское, 2007. - С. 295-299.
115. **Джолдошев, К.** Состояние пастбищ и проблемы производства и заготовки кормов в Кыргызстане [Текст] / К. Джолдошев // Пасторализм в Центральной Азии. Материалы Международной научной конференции “Состояние и перспективы развития животноводства в республиках Центральной Азии в условиях перехода к рыночной экономике” (Санкт-Петербург, 5 – 6 июня 1997 г.) - М.: ГУП Типография КТ РФ, 1997. - С. 168-177.
116. **Дмитриченко, А.П.** Состав молока яка, его гибридов и киргизских коров [Текст] / А.П. Дмитриченко // Материалы комис. экспедиц. исследов. – 1930. – Вып. 21. – С. 229-235.
117. **Джумагулов, А.** Семья и брак у киргизов Чуйской долины [Текст] / А. Джумагулов. –Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1960. – 96 с.
118. **Джунушалиев, Дж.** Время созидание и трагедий [Текст] / Дж. Джунушалиев. - Б.: Илим, 2003. - 248 с.
119. **Дёрре, А.** Изменяющиеся системы, изменяющиеся воздействия-использование пастбищ в постсоветском переходном периоде [Текст] / А. Дёрре, П. Бархард // Mountain Resaerch and Development. - 2012. - Vol. 32. №3. P. R62 – R73.
120. **Дмитроченко, А.П.** Состав молока яка, его гибридов и киргизских коров [Текст] / А.П. Дмитроченко // Материалы Комис. экспедиц. исслед. – 1930. – Вып. 21. – С. 229-235.
121. **Доолбекова, Ж.Б.** Традиционная экологическая культура киргизов (на примере мургабских киргизов в середине XIX – начале XX вв.) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Ж.Б. Доолбекова.- Бишкек, 2015. - 28 с.
122. **Доржу, З.Ю.** Актуальные проблемы занятости женщин Тувы в условиях перехода к рыночным отношениям [Текст] / З.Ю. Доржу // Ученые записки ТИГИ. Вып. XVIII. – Кызыл, 1995.– С. 14-23.

123. **Досбол Нур уулу** Совхозы Кыргызстана [Текст] / Досбол Нур уулу. - Бишкек: «Илим», 1993. - 250 с.
124. **Дробышев, Ю.И.** Природопользование и восприятие природы у хунну [Текст] / Ю.И. Дробышев // Восток, 2005. - №1. – С. 44-55.
125. **Дробышев, Ю.И.** Древние тюрки и окружающая среда [Текст] / Ю.И. Дробышев // Этническая экология: народы и их культура. – М.: Старый сад, 2008. - С. 329-362.
126. **Дробышев, Ю. И.** Запретные территории и природные культовые объекты кочевников Центральной Азии в цвете современной экологии [Текст] / И. Ю. Дробышев // Этнос и среда обитания. Вып. III. М.: ИЭА РАН, 2012. - С. 118-135.
127. **Есбергенова, С.Х.** О почитании верблюда у народов Южного Приаралья [Текст] / С.Х. Есбергенова // Этнографическое обозрение, 2014. - № 4. - С. 119-126.
128. **Жамбалова, С.Г.** Кочевой образ жизни в современном мире: проблемы традиционализма и модернизации [Текст] / С.Г. Жамбалова // Ученые записки ЗабГГПУ. 2012. - № 2 (43), - С. 142-149.
129. **Жамбалова, С.Г.** О перспективах монгольского нomaдизма в современном мире [Текст] / С.Г. Жамбалов // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Сб. материалов. - Москва-Екатеринбург, 2015. - С. 179.
130. **Жаксон, С.** Каковы же все-таки достоинства кумыса: экологические или социальные? [Текст] / С. Жаксон // Наследие материальной и духовной культуры Кыргызстана (Отв. ред. А.З. Жапаров). – Б.: Илим, 2005. – С. 77-86.
131. **Жапаров, А.З.** Кочевая община у кыргызов: культурные традиции [Текст] / А.З. Жапаров // Суверенный Кыргызстан: проблемы традиций и социальной целостности.- Б.: Илим, 1999. - С. 29-42.
132. **Жапаров, А.З.** Семья у кыргызов в постсоветское время [Текст] / А.З. Жапаров // III конгресс этнографов и антропологов России.- М. ИЭА РАН. – 1999. - С. 224.

133. **Жапаров, А.З.** Традиционное скотоводство и социальная организация у кыргызов [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / А.З.Жапаров. - Бишкек, 2002. -207 с.
134. **Жапаров, А.З.** Биологическое время в традиционной культуре кочевников-кыргызов [Текст] / А.З. Жапаров // Наследие материальной и духовной культуры Кыргызстана. - Бишкек, 2005. – С. – 122-131.
135. **Жапаров, А.З.** Роль домашних животных в расширении социальных связей кочевников – кыргызов [Текст] / А.З. Жапаров, С. Жаксон // Центральная Азия и культура мира, - №1-2 (17-18). 2005. - С. 67-81.
136. **Жапаров, А.З.** Кочевники Внутреннего Тянь-Шаня и пастбищные ресурсы [Текст] / А.З. Жапаров // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации: Сборник материалов Международной научной конференции. 21-23 ноября 2007 г.- Алматы, Дайк-Пресс, 2008. - С. 153-157.
137. **Жапаров, А.З.** Вопросы адаптации скотоводов к условиям рыночных отношений [Текст] / А.З. Жапаров // Материалы международной конференции «Мир номадизма: прошлое и будущее». – Б.: Типография ДП «Кыргыздипсервис», 2009. - С. 380-388.
138. **Жапаров, А.З.** Использование сезонных пастбищ в Кыргызстане и экологические проблемы [Текст] / А.З. Жапаров // Мир Большого Алтая. - 1(№) 2015. - С 235-244.
139. **Жапаров, А.З.** Современное скотоводство в Кыргызстане [Текст] / А.З. Жапаров // Этнографическое обозрение, 2016.-№ 2. - С. 57-74.
140. **Жапаров, А.З.** Народные знания о горных ландшафтах и экологическое сознание киргизов [Текст] / А.З. Жапаров, К.Ш. Карабукаев // Право и практика. - 2017. - № 3. - С.186-191.
141. **Жапаров, А.З.** Разделение труда у скотоводов горных районов Кыргызстана [Текст] / А.З. Жапаров // Энесай Кыргыз каганатынын тарыхын изилдеген илимпоз Мурат Кожобековдун 60 жылдык мааракесине арналган “Кыргыз каганаты тарыхы жана кыргыз таануу

- маселелери” аттуу эл аралык илимий-тажрыйбалык жыйындын материалдары (КМУ, Бишкек, 23. 11. 2018).- Бишкек: Махprint, 2018. – С. 239-245.
142. **Жапаров, А.З.** Кыргызские национальные войлочные изделия: современные трансформации [Текст] / А.З. Жапаров, К. Белек, А.Б. Асангулова. // Этнографическое обозрение. 2019. - № 1. - С. 166-180.
143. **Жумаев, Э.** Современное состояние животноводства в Кыргызской Республике [Текст] / Э. Жумаев // Пасторализм в Центральной Азии. Материалы Международной научной конференции “Состояние и перспективы развития животноводства в республиках Центральной Азии в условиях перехода к рыночной экономике” (Санкт-Петербург, 5-6 июня 1997 г.). - М.: ГУП Типография КТ РФ, 1997. - С. 78-96.
144. **Загиров, А.Р.** Социально-экономическое состояние села Кыргызстана в 90-е годы XX века [Текст]: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Р. Загиров. - Бишкек, 2006. - 27 с.
145. **Зеланд, Н.Л.** Киргизы. Этнологический очерк [Текст] / Н.Л. Зеланд // Западно-Сибирское отделение Русского географического общества. 1885. - Вып. II, Кн. VII. – 78 с.
146. **Ильясов, С.И.** Кооперативно-колхозное строительство в Киргизии в 1918-1929 гг. [Текст] / С.И. Ильясов.- Фрунзе, 1959. – 151 с.
147. **Ильясов, С.И.** Земельные отношения в Киргизии в конце XIX – начале XX в. [Текст] / С.И. Ильясов. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963. –446 с.
148. **Иманалиев, М.** Кыргызстан и его будущее [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elgezit.kg/2020/04/28/muratbek-imalaliev-kyrgyzstan-i-ego-budushhee/>
149. **Исаков, Б.** Вертикальные перекочевки кыргызов в начале XX в. (на примере рода жоош из с. Куртка) [Текст] / Б. Исаков // Материалы международной научной конференции “Мир номадизма: прошлое и будущее”. ГП “Кыргыздипсервис”.- Бишкек, 2009. - С. 110-115.

150. **Иссык-Куль-Нарын: энциклопедия.**- Фрунзе, Гл. ред. КСЭ, 1991.- 512 с.
151. **Ишенбекова, Н.Т.** История животноводства Кыргызстана (1980-1990 гг.): Опыт и проблемы [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Т. Ишенбекова. - Бишкек, 2010. - 172 с.
152. **Кайыпов, С.Т.** Памир кыргыздарынын сүттөн жана эттен жасалган тамак-аштары [Текст] / С.Т. Кайыпов. - Бишкек: Бийиктик, 2011. - 216 с.
153. **Калиновская, К.П.** Скотоводы Восточного Казахстана [Текст] / К.П. Калиновская // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М., 2001. – С. 226-237.
154. **Калышев, А.Б.** Анкеты социологического исследования современного скотоводства в Казахстане: анализ и характеристика [Текст] / А.Б. Калышев // Животноводство и скотоводство в Казахстане на этапе перехода к рыночным отношениям. Материалы международной конференции “Современное состояние скотоводства и животноводства в Казахстане и перспективы их развития” (Алматы 12-13 января 1999г.). - М.: Типография ГНЦ РФ “НИОПИК”, 1999. – С. 244-249.
155. **Каниметов, А.К.** Экономика овцеводства Киргизии [Текст] / А.К. Каниметов, И.В. Ляшенко. – Фрунзе: Картпредприятие МСХ Киргизской ССР, 1976. - 23 с.
156. **Карабукаев, К. Ш.** Экологическая культура общества [Текст] / К.Ш. Карабукаев. – Бишкек: Махprint, 2018. – 230 с.
157. **Касиев, К.С.** Смена растительных поясов Кыргызстана как последствия глобального потепления климата [Текст] / К.С. Касиев // Вестник ОмГАУ: Сельскохозяйственные науки., - 2016. - № 3 (23).
158. **Касмалиев, М.** Новые генотипы кыргызской популяции яков [Текст] / М. Касмалиев.- Бишкек: Мини типография Фонда сельская консультативная служба “АКАК”, 2008. - 101 с.
159. **Кервен К., Штайман Б., Эшли Л., Диэр Ч., Рахим И-ур.** Пасторализм и фермерство в горах Центральной Азии: исследовательский

- обзор. Вспомогательный документ ЦИГС, № 1. Сентябрь 2011. [электронный ресурс]. – Режим доступа: [http / msrc.usentralasia.org](http://msrc.usentralasia.org)
160. **Кешикбаев, А.** Разгосударствление и приватизация в сельском хозяйстве [Текст] / А. Кешикбаев // Сельское хозяйство Кыргызстана. - 1991. - № 11-12.
161. **Кисель, В.А.** Тува в современном мире (взгляд стороннего наблюдателя) [Текст] / В.А. Кисель // Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. – СПб.: Европейский дом, 2005. - С. 144-151.
162. **Кляшторный, С.Г.** Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических надписей) [Текст] / С.Г. Кляшторный // Turcologica. К 70-летию академика А.А. Кононова. – Л.: Изд. Наука. 1976. - С. 258-26
163. **Кляшторный, С.Г.** Изменения в животноводческом и скотоводческом секторе Кыргызстана [Текст] / С.Г. Кляшторный. - Медисон, США,- 1999.
164. **Кляшторный, С.Г.** “Сельскохозяйственная революция” в Кыргызстане и предполагаемая тенденция развития (по результатам исследований летом 1998 г.) [Текст] / С.Г. Кляшторный // Животноводство и скотоводство в Казахстане на этапе перехода к рыночным отношениям. Материалы международной конференции “Современное состояние скотоводства и животноводства в Казахстане и перспективы их развития” (Алматы 12-13 января 1999 г.). - М.: Типография ГНЦ РФ “НИОПИК”, 1999. – С. 60-70.
165. **Козлов, В.И.** Основные проблемы этнической экологии [Текст] / В.И. Козлов // Советская этнография. - 1983, - № 1, - С. 3-16.
166. **Козлов, В.И.** Жизнеобеспечения этноса: содержание понятия и его экологические аспекты [Текст] / В.И. Козлов // Этнос и среда обитания. Вып 5. Исследование систем жизнеобеспечения (Отв. ред. Н.А. Дубова). – М.: Старый сад, 2017. - С. 9-35.

167. **Койчуев, Т.К.** Постсоветская перестройка: теория, идеология, реалии. [Текст] / Т.К. Койчуев. – Бишкек, 1999. - С. 250.
168. **Кон, И.С.** Мужчина в меняющемся мире. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/chapter.php/104262/12/Kon>.
169. **Костенко, Л.Ф.** Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа [Текст] / Л.Ф. Костенко // Материалы для географии и статистики России. - СПб, 1880. - Т.1. 458 с.
170. **Кочкунов, А.С.** Этнические традиции кыргызского народа (социокультурные аспекты и некоторые вопросы генезиса) [Текст] / А.С. Кочкунов.- Бишкек, 2013. - 320 с.
171. **Кочкунов, А.С.** Новое и традиционное в структуре современной киргизской сельской семьи (По материалам Иссык-Кульской, Нарынской и Ошской областей) [Текст] / А.С. Кочкунов. АКД. - М., 1986. – 28 с.
172. **Кочкунов, А.С.** Той [Текст] / А.С. Кочкунов // "Манас" энциклопедиясы. - Т.2.-Б.,1995.
173. **Крадин, Н.Н.** Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) [Текст] / Н.Н. Крадин. – Владивосток: Дальнаука, 1992. – 240 с.
174. **Крадин, Н.Н.** Империя хунну[Текст] / Н.Н. Крадин.- М.: Логос, 2001. - 312 с.
175. **Крадин, Н.Н.** Складывание пасторально-клиентных отношений в современном скотоводческом хозяйстве агинских бурят [Текст] / Н.Н. Крадин // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. - Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 249-257.
176. **Крадин, Н.Н.** Традиционные и современные черты скотоводства у агинских бурят" [Текст] / Н.Н. Крадин // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. - Иркутск, 2002. С. 66-76.

177. **Крадин, Н.Н.** Трансформационные процессы в скотоводческом хозяйстве бурят-монгольских кочевников на рубеже XX – XXI вв. [Текст] / Н.Н. Крадин, О.К. Янков // Вестник РГНФ, - 2006. - №4. - С. 177- 186.
178. **Крадин, Н.Н.** Кочевники Евразии [Текст] / Н.Н. Крадин. - Алматы: Дайк-Пресс, 2007. - 416 с.
179. **Крадин Н.Н.** Баранта и скотоводство в современной Туве [Текст] / Н.Н. Крадин // Мир кочевых цивилизаций: история и современность. Материалы международной конференции. – Чита – Агинское. – 2007. - С. 209-212.
180. **Крадин, Н.Н.** Традиции и современное состояние скотоводства у агинских бурят [Текст] / Н.Н. Крадин // Проблемы общей и региональной этнографии (К 75-летию А.М.Решетова). - СПб.: МАЭ РАН, 2007. С.228-249.
181. **Крадин, Н.Н.** Трансформация скотоводческого хозяйства у агинских бурят в начале XXI века: сравнительный анализ [Текст] / Н.Н. Крадин // Вестник РГНФ. – 2014. - № 3. С. 205-214.
182. **Крадин, Н.Н.** Мир кочевников и скотоводов в начале XXI в.: стратегии выживания в постсоциалистическом мире [Текст] / Н.Н. Крадин // XII Конгресс антропологов и этнологов России: Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы. -М.: Ижевск: ИАЭ РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 24-27.
183. **Крадин, Н.Н.** Баранта и скотоводство в современной Туве [Текст] / Н.Н. Крадин // Мир кочевых цивилизаций: история и современность. Мат. межд. научн. конф. - Чита-Агинское, 2007. - С. 209-212.
184. **Крадин, Н.Н.** Особенности трансформации скотоводческого хозяйства народов внутренней Азии на рубеже XX – XXI вв. [Текст] / Н.Н. Крадин // Конгресс этнографов и антропологов России: Докл. и выступления. Отв. ред. В.А.Тишков и др. Саранск: НИИ Гуман. наук при Правительстве Республики. - Мордовия, 2007, - С.134.

185. **Крадин, Н.Н.** Опыт изучения трансформации скотоводческих обществ Внутренней Азии [Текст] / Н.Н. Крадин // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. Екатеринбург, 2-5 июля 2015 г. - Москва-Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИА УрО РАН, 2015. - С. 181.
186. **Крадин, Н.Н.** Процессы трансформаций скотоводческого хозяйства в Туве и Забайкалье на рубеже XX – XXI вв. [Текст] / Н.Н. Крадин // Этнографическое обозрение, 2016. - № 2. - С. 8-27.
187. **Креветт, В.** Повышение устойчивости в использовании пастбищных земель в Кыргызстане [Текст] / В. Креветт // Mountain Research and Development.- Т.32. - № 3. август 2012 г. - С. R5 – R14.
188. **Крупник, И.И.** Арктическая этноэкология: модели традиционного природопользования морских охотников и оленоводов Северной Евразии [Текст] / И.И. Крупник. - М.: Наука, 1989. - 272 с.
189. **Ксенжик, Г.Н.** Модернизационные процессы среди скотоводов казахской диаспоры Монголии [Текст] / Г.Н. Ксенжик // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. Екатеринбург, 2-5 июля 2015 г. - Москва-Екатеринбург, 2015. - С.181.
190. **Курылев, В.П.** Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов [Текст] / В.П. Курылев. – СПб, 1998. – 296 с.
191. **Кушкумбаев, А.К.** Историческое значение облавной охоты в военном деле номадов Центральной Азии [Текст] / А.К. Кушкумбаев // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения в памяти Н.Э. Масанова. – Алматы, 2010. - С. 181-196.
192. **Кыргызы** (Отв. ред. А. Асанканов, О.И. Брусина, А.З. Жапаров). – М.: Наука, 2016. - 623 с.
193. **Кыргыз элинин уюткулуу сырлары: жылкы.** – Бишкек: Кут-Бер, 2013. 112 с.
194. **Леви-Стросс, К.** Путь масок. [Текст] / К. Леви-Стросс. Пер. с фр., сост., вступ., ст. и примеч. А.Б. Островского. – М.: Республика, 2000.

195. **Лихти, К.** Значение пастбищ в спорах о деградации ресурсов: доказательства из сельской местности постсоциалистического Кыргызстана [Текст] / К. Лихти // Mountain Research and Development. - Том 32. - № 3. август 2012 г. - С. R51 – R61.
196. **Лус, Я.Я.** Крупный рогатый скот [Текст] / Я.Я. Лус, Н.Н. Колесник // Материалы Комис. экспедиц. исслед. – 1930. – Вып. 21. – С. 29-147.
197. **Лус, Я.Я.** Домашний як и его гибриды на Алае и Тянь-Шане [Текст] / Я.Я. Лус // Материалы Комис. экспедиц. исслед. – 1930. – Вып. 21. – С. 199-227.
198. **Луцихин, М.Н.** Тонкорунное овцеводство Киргизии [Текст] / М.Н. Луцихин.- Фрунзе: Киргизское государственное издательство, 1964. - 231 с.
199. **Луцихина, Е.М.** Кыргызский горный меринос [Текст] / Е.М. Луцихин, Д.В. Чебодаев. – Бишкек: ОсОО НЕО ПРИНТ, 2014. - 204 с.
200. **Ляшенко, И.В.** Пастбищное и отгонно-пастбищное содержание скота в Киргизии [Текст] / И.В. Ляшенко. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1955.
201. **Масанов, Н.Э.** Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков [Текст] / Н.Э. Масанов. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 176 с.
202. **Масанов, Н.Э.** Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельностиномадного общества) [Текст] / Н.Э. Масанов. – Алматы: Социнвест, – Москва: Горизонт., 1995. - 320 с.
203. **Масанов, Н.Э.** Современное состояние скотоводства в Казахстане [Текст] / Н.Э. Масанов. // Пасторализм в Центральной Азии.- М., 1997. - С. 216-231.
204. **Масанов, Н.Э.** Итоги первого года социологического исследования в Казахстане [Текст] / Н.Э. Масанов. // Животноводство и скотоводство в Казахстане на этапе перехода к рыночным отношениям. Материалы международной конференции “Современное состояние скотоводства и

- животноводства в Казахстане и перспективы их развития” (Алматы 12-13 января 1999 г.). - М.: Типография ГНЦ РФ НИОПИК, 1999. – С. 103-131.
205. **Масанов, Н.Э.** Номадизм и пасторализм: проблемы типологии и сравнительного анализа сущности понятия [Текст] / Н.Э. Масанов. // (Red. Kośko, M. Szmyt) Nomadizm a pastoralizm w międzyrzeczu Wisty i Dniepru (neolit, eneolit, epoka brązu), Wydawnictwo Poznańskie. - Poznań, 2004. - С. 15-23.
206. **Медведев, Н.Н.** Киргизская коза [Текст] / Н.Н. Медведев // Материалы Комис. экспедиц. исслед. – 1930. – Вып. 22. – С. 292-327.
207. **Молдокулова, Д.Т.** Кыргыздардын үй-бүлөлүк мамилелеринде жана турмуш-тиричилигинде колдонулган салттык жүрүм-турум маданияты (XIX кылымдын аягы – XX кылымдын башы) [Текст] / Д.Т. Молдокулова. – Бишкек: Ж.И. “Сарыбаев Т.Т.”, 2016. - 150 с.
208. **Муканбетова, Р.Б.** 1975-1985-жылдардагы Кыргызстандын айыл чарбасынын абалы [Текст]: дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02 / Р.Б. Муканбетова. - Бишкек, 2010. - 131 с.
209. **Мышлявцев Б.А.** Современная Тува: нормативная культура, конец XX - XXI вв. [Текст]: автореф. ... канд. ист. наук. 07.00.07 / Б.А. Мышлявцев - Новосибирск, 2002.
<https://www.dissercat.com/content/sovremennaya-tuva-normativnaya-kultura-konets-khkh-nachalo-khkh-vv>
210. **Мышлявцев, Б.А.** Похититель скота и социальная гармония. Некоторые аспекты отношений собственности у тувинцев Западной Тувы [Текст] / Б.А. Мышлявцев // Сибирский этнографический вестник. – 2001. - № 5 (6).
211. **Назаркулов К.А.** Племенное животноводство в Кыргызстане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://agro.kg/ru/cattle_breeding/658/
212. **Наумова, О.Б.** О некоторых перспективах возвращения казахов к кочевому образу жизни в современных условиях [Текст] / О.Б. Наумова //

- Пасторализм в Центральной Азии. Материалы Международной научной конференции “Состояние и перспективы развития животноводства в республиках Центральной Азии в условиях перехода к рыночной экономике” (Санкт-Петербург, 5-6 июня 1997 г.) - М.: ГУП Типография КТ РФ, 1997. – С. 112-121.
213. **Наумова, О.Б.** Социально-психологический портрет современного скотовода: пути развития животноводческих хозяйств в Казахстане [Текст] / О.Б. Наумова // Животноводство и скотоводство в Казахстане на этапе перехода к рыночным отношениям. Материалы международной конференции “Современное состояние скотоводства и животноводства в Казахстане и перспективы их развития” (Алматы 12-13 января 1999 г.). - М.: Типография ГНЦ РФ “НИОПИК”, 1999. – С. 234-243.
214. **Наумова, О.Б.** Структура животноводческих хозяйств в Западно-Казахстанской области в 1999 г. По материалам полевых работ 1999 г. Отчет № 5. [Текст] / О.Б. Наумова. - Мэдисон, 2000.
215. **Наумова, О.Б.** Казахские животноводы в конце XX века. (взгляд антрополога) [Текст] / О.Б. Наумова // Исследование по прикладной и неотложной этнологии. - М., 2004. - №171. - 21 с.
216. **Наумова, О.Б.** Антропология постсоветских изменений в сельском Казахстане: жизнь в условиях кризиса [Текст] / О.Б. Наумова, С.К. Сагнаева. // Среднеазиатский этнографический сборник. - М.: Наука, 2006. - С. 235-251.
217. **Нестеров, С.П.** Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья [Текст] / С.П. Нестеров. – Новосибирск: Наука, 1990.
218. **Нураков, И.** К вопросу о пастбищно-кочевой айильной (аульной) общине у киргизов конца XIX – начала XX в. [Текст] / И. Нураков. // Социальная история народов мира. – М.: Наука, 1975. – С. 65-73.
219. **Нур уулу Д.** Совхозы Кыргызстана [Текст] / Досбол Нур уулу. – Бишкек: Илим, 1993. 248 с.

220. **Оайон, И.** Родовая власть и советский государственный аппарат в Киргизской АССР в 1920-1930-х годах [Текст] / И. Оайон // Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Материалы международной конференции (Ташкент, 12-13 сентября 2008 г.). - Ташкент, 2009. - С. 67-76.
221. **Октябрьская, И.В.** День пастуха, народный праздник Алтая [Текст] / И.В. Октябрьская, Е.В. Самушкина. // Развитие территорий. - 2016. - №1 (4). - С. 70-79.
222. **Омурбеков, Ч.К.** Развитие материальной культуры киргизского сельского населения. 1920-1980-е годы (этнографическое исследование) [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: / Ч.К. Омурбеков. - М., 1990. - 24 с.
223. **Омурзаков, Д.О.** Киргизские национальные виды спорта и народные игры [Текст] / Д.О. Омурзаков, М.К. Саралаев. - Фрунзе, 1981. – 64 с.
224. **Омурзаков, Д.О.** Киргизские народные игры [Текст] / Д.О. Омурзаков, Ю. Мусин. - Фрунзе, 1973. – 88 с.
225. **Омурзаков, С.Д.** Кыргызская лошадь – генетическая редкость [Текст] / С.Д. Омурзаков, К. Сыдыкбеков, З.М. Мукашев, Т.Ж. Альчикеев. // Кырг НИИЖиП. - 2007. - №1.
226. **Орузбаев, А.** Агропромышленный комплекс в условиях перехода к рыночной экономике: опыт стран СНГ и других стран дальнего зарубежья [Текст] / А. Орузбаев. - Алма-Ата, 1993. - 204 с.
227. **Орузбаев, А.У.** Кубаев Б.Х. Формирование агробизнеса в условиях трансформирующейся экономики [Текст] / А.У. Орузбаев, Б.Х. Кубаев. - Бишкек, 2002.
228. **Осмонов, А.** Баатыр жөнүндө уккан билгендеримден [Текст] / А. Осмонов // Шабдан баатыр. – Бишкек: Учкун, 1992. - С. 48.
229. **Охотничье-промысловые звери Киргизии.** - Фрунзе, 1969.

230. **Панарин, С.А.** Политическое развитие государств Центральной Азии в свете географии и истории региона [Текст] / С.А. Панарин // Вестник Евразии. - 2000. - № 1 (8). - С. 90-132.
231. **Панарин, С.А.** Хозяйство традиционно скотоводческого района в период кризиса: опыт бурятского села Торы [Текст] / С.А. Панарин // Животноводство и скотоводство в Казахстане на этапе перехода к рыночным отношениям. - М. 1999. – С. 198-219.
232. **Першиц А.И.** Община у кочевых скотоводов [Текст] / А.И. Першиц, А.М. Хазанов // Народы Азии и Африки. – 1979. – № 2. – С. 51-60.
233. **Петров, К.И.** Очерки феодальных отношений у киргизов в XV–XVIII вв. [Текст] / К.И. Петров. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1961. – 175 с.
234. **Плоских, В.М.** Община и патриархально-родовой уклад у киргизов в XIX в. [Текст] / В.М. Плоских // К истории социально-экономических укладов Киргизстана. – Фрунзе, 1972. – С. 24-52.
235. **Погорельский, П.** Экономика кочевого аула Киргизстана [Текст] / П. Погорельский, В. Батраков. - М.: Издание Совнаркома К.А.С.С.Р. – 1930. - 384 с.
236. **Поляков, С.П.** Традиционализм в современном среднеазиатском обществе [Текст] / С.П. Поляков // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. - М., 2004. - С.123-232.
237. **Попова, Л.Ф.** Родственные отношения как ценность в современном казахском обществе [Текст] / Л.Ф. Попова // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг. - Санкт-Петербург, 2009. – С. 145-150.
238. **Попова, Л.Ф.** Отношение к торговле у кочевников Средней Азии: смена ценностных ориентиров (XIX – XXI века) [Текст] / Л.Ф. Попова // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. (Екатеринбург, 2-5 июля 2015 г). - Москва-Екатеринбург, 2015. - С. 183.

239. **Породы овец и коз Кыргызстана.** – Бишкек: ОсОО “Нео Принт”, 2012. - 112 с.
240. **Радклиф-Браун, А.Р.** Сравнительный метод в социальной антропологии [Электронный ресурс]: / А.Р. Радклиф-Браун // *Journal of the Royal Anthropological Institute. V. LXXXI, 1952, p. 1522. Huxley Memorial Lecture 1951.*- Режим доступа: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_ant_cult1/phil_ant_cult2.htm#40
241. **Ракитников, А.Н.** Центральный Тянь-Шань и Иссык-Кульская котловина: Вопросы построения горного животноводческого хозяйства [Текст] / А.Н. Ракитников. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 200 с.
242. **Рафаель, де ля Мартинье.** Траектории жизнеобеспечения в сельской местности вокруг “бычьего рынка” в Кыргызстане [Текст] / Рафаель, де ля Мартинье. // *Mountain Research and Development.*- Т. 32, - № 3. - август 2012 г. - С. R88 – R97.
243. **Рахимов, Р.М.** Сравнительное изучение пасторальных сообществ Кыргызстана и Казахстана [Текст] / Р.М. Рахимов // Вестник Карагандинского государственного университета, - 2009. - № 2 (54). - С 385-391.
244. **Самбуу, А.Д.** Влияние выпаса на продуктивность степей Убсунурской котловины в Туве [Текст]: автореф. дис ... канд. биол. наук: 03.00.27, 03.00.05 / А.Д. Самбуу. - Томск, 2001. – 23 с.
245. **Сахаров, М.Г.** Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии [Текст] / М.Г. Сахаров. - М., 1934. – 227 с.
246. **Семенова Т.В., Ажибеков А.С., Чортонбаев Т.Дж.** Современное состояние и продуктивность скотоводства в Кыргызстане [Текст] / Т.В. Семенова, А.С. Ажибеков, Т.Дж. Чортонбаев // Вестник кыргызского национального университета им. К.И. Скрябина.- № 2 (31). 2014. - С. 173 – 176.
247. **Семейный быт народов СССР.** - М.: Наука, 1990. - 520 с.

248. **Симаков, Г.Н.** Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX- начале XX в. [Текст] / Г.Н. Симаков. - Л., 1984. - 227с.
249. **Симаков, Г.Н.** Охота с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана (по собраниям МАЭ) [Текст] / Г.Н. Симаков. // Сборник Музея антропологии и этнографии. Памятники традиционной бытовой культуры народов Средней Азии и Казахстана. - Л., 1989. Т. 43. – С. 30-48.
250. **Симаков, Г.Н.** Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (Ритуальный и практические аспекты) [Текст] / Г.Н. Симаков. – СПб.: Петерб. востоковедение (ПВ), 1998. - 312 с.
251. **Симаков, Г.Н.** Соколиная охота в Средней Азии в XIX-XX веках: Практ. аспект [Текст] / Г.Н. Симаков. – Бишкек: Кыргызстан. - 1999. 212 с.
252. **Ситнянский, Г.Ю.** Современное состояние традиционных отраслей сельского хозяйства Горной Киргизии [Текст] / Г.Ю. Ситнянский // Этнографическое обозрение. - 1993. - № 1. - С. 37-51.
253. **Ситнянский, Г.Ю.** Хозяйственный год современного киргизского животноводства [Текст] / Г.Ю. Ситнянский. // Этногр. обозр.- 1997. - №5. - С. 76-89.
254. **Ситнянский, Г.Ю.** Сельское хозяйство киргизов: традиции и современность [Текст] / Г.Ю. Ситнянский. - М., 1998. – 244 с.
255. **Ситнянский, Г.Ю.** Евразийские скотоводы перед выбором. Проблемы модернизации традиционного скотоводства киргизов [Текст] / Г.Ю. Ситнянский // Этнос и среда обитания. Т. 1. Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова – (отв. ред. Н.А. Дубова). – М.: Старый сад, 2009. - С. 259-280.
256. **Снесарев, Г.П.** Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма [Текст] / Г.П. Снесарев. - М.: Наука, 1969. - 336 с.
257. **Сулейманов, К.С.** Проблемы животноводства в Кыргызстане [Текст] / К.С. Сулейманов, Б.К. Сулейманов. - Бишкек, 1995. - 301 с.

258. **Тайшин, В.А.** Аборигенная бурятская овца [Текст] / В.А. Тайшин, Б.Б. Лхасаранов. - Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН 1997. – 124 с.
259. **Темирбаев, Б.** Аграрный отряд рабочего класса Кыргызстана в 80-е годы [Текст] / Б. Темирбаев. – Бишкек, 1993.- 24 с.
260. **Теория и методология истории** [Текст] / [В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин]. – Волгоград: Учитель, 2014. - 504 с.
261. **Тишков, В.А.** Культурный смысл пространства [Текст] / В.А. Тишков // Этнографическое обозрение. - 2004. - № 1. - С. 14-31.
262. **Толеубаев, А.** Қазақ халқы этнографиясының маселелері [Текст] / А. Толеубаев. – Алматы: Service press, 2013. - 496 с.
263. **Толыбеков, С.Е.** Кочевое общество казахов в XVII – нач. XX века. Политико-экономический анализ [Текст] / С.Е. Толыбеков. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 634 с.
264. **Томас Д.** Скотоводство в Центральной Азии в переходный период: обзор программы и исследовательские планы [Текст] / Д. Томас, А. Хазанов, К. Шапиро. // Животноводство и скотоводство в Казахстане на этапе перехода к рыночным отношениям. Материалы международной конференции “Современное состояние скотоводства и животноводства в Казахстане и перспективы их развития” (Алматы 12-13 января 1999 г.). - М.: Типография ГНЦ РФ “НИОПИК”, 1999. – С. 32-37.
265. **Торгоев, А.И.** Этносоциальные процессы в южной и юго-восточной Туве (по материалам экспедиции 2003 – 2004 гг. [Текст] / А.И. Торгоев // Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. – СПб.: Европейский дом, 2005. - С. 109-126.
266. **Тулубаев, А.З.** Традиционные знания кыргызского народа по разведению и содержанию скота [Текст] / А.З. Тулубаев, Р. Салыков, Аскарбек Гүлназ, З.Н. Ниязбекова. // Вестник Кыргызского национального аграрного университета им. К.И. Скрябина. -2014. - №2 (31). - С. 198-204.

267. **Тулбаев, А.З.** Ниязбекова З.Н. Традиционная схема выпаса скота – путь устойчивого развития пастбищного животноводства [Текст] / А.З. Тулбаев, З.Н. Ниязбекова. // Вестник Кыргызского национального университета. - 2014. Спецвыпуск. - С. 165-166.
268. **Тюхтенева, С.П.** Алтайцы в XXI веке: этнокультурная и социально-экономическая адаптация к изменяющимся условиям [Текст] / С.П. Тюхтенева // Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптационные возможности населения. ИВ РАН.- 2007. - С. 178-218.
269. **Тюхтенева, С.П.** Скотоводство у современных алтайцев [Текст] / С.П. Тюхтенева // Гуманитарный вектор, - 2011. - № 3 (27). - С. 120-123.
270. **Тюхтенева, С.П.** Природная и социальная среда как факторы сохранения этнической культуры алтайцев: конец XIX - начало XXI веков [Текст]: автореф. дис. ... докт. ист. наук. 07.00.07 / С.П. Тюхтенева. – М., 2011. 49 с.
271. **Усенбаев, К.У.** Общественно-экономические отношения киргизов: вторая половина XIX в. [Текст] / К.У. Усенбаев. - Фрунзе: Илим, 1980. – 321 с.
272. **Усубалиева, А.А.** Трансформация семейно-брачных отношений молодежи Кыргызстана. АКД. [Текст] / А.А. Усубалиева. - Бишкек, 2017. - С.25.
273. **Усубалиева, А.С.** Адам жашоосуна байланыштуу каада-салттар [Текст] / А.С. Усубалиева. – Бишкек: Махprint, 2016. - 164 с.
274. **Фё ла Круа, Ж.** После государства рабочих: нынешняя ценность работы в сельском Кыргызстане [Текст] / Ж. Фё ла Круа. // Вопросы истории Кыргызстана. - Бишкек, 2014. - № 1-2 (30). - С. 195-203.
275. **Фиельструп, Ф.А.** Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. (Отв. ред. Б.Х. Кармышева, С.С. Губаева) [Текст] / Ф.А. Фиельструп. – М.: Наука, 2002. - 300 с.

276. **Форум: что такое «региональные исследования»** в современной антропологии (на примере Центральной Азии) // Антропологический форум.- 2016. - № 28. - С. 11-152.
277. **Хазанов, А.М.** Социальная история скифов [Текст] / А.М. Хазанов. - М.: Наука, 1975. - 336 с.
278. **Хазанов, А.М.** Мобильные скотоводы в современном мире: нерешенные проблемы модернизации [Текст] / А.М. Хазанов. // Пасторализм в Центральной Азии. Материалы Международной научной конференции “Состояние и перспективы развития животноводства в республиках Центральной Азии в условиях перехода к рыночной экономике” (Санкт-Петербург, 5 – 6 июня 1997 г.) - М.: ГУП Типография КТ РФ, 1997. - С. 24-34.
279. **Хазанов, А.М.** Кочевники и мировой исторический процесс [Текст] / А.М. Хазанов. // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации: Сборник материалов Международной научной конференции. (Алматы, 21-23 ноября 2007 г.) – Алматы: Дайк-Пресс, 2008.
280. **Хазанов, А.М.** Кочевники и внешний мир [Текст] / А.М. Хазанов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 604 с. **Хазанов, А.М.** Мобильное скотоводство в посткоммунистических странах Центральной Азии [Текст] / А.М. Хазанов. // Этнографическое обозрение. - 2017. - № 6. - С. 59-75.
281. **Хазанов, А.М.** После социализма: судьбы скотоводства в Центральной Азии, Монголии и России [Текст] / А.М. Хазанов. // Вестник антропологии. - 2017. - № 2. - С. 45-85.
282. **Хамфри, К.** Постсоветские трансформации в азиатской части России [Текст] / К. Хамфри.- М.: Наталис, 2010. - 384 с.
283. **Ханов Т.А., Биржанов К.К.** Особенности хищений скота, совершаемые путем кражи [Текст] / Т.А. Ханов, К.К. Биржанов // <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-hischeniy-skota-sovershaemye-putyom-krazhi/viewer>

284. **Худяков, Ю.С.** Богатырская охота у средневековых тюркских номадов Центральной Азии [Текст] / Ю.С. Худяков // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения в памяти Н.Э. Масанова. – Алматы, 2010. - С. 173-180.
285. **Чертков, В.А.** Перспективы развития яководства Кыргызстана [Текст] / В.А. Чертков, М.К. Касмалиев // Вестник Кырг. НИИЖВ и П. - 2007. - №2.
286. **Чертков, В.А.** Происхождение кыргызской популяции и характеристика айкольской породы яков [Текст] / В.А. Чертков // Вестник Кырг. НИИЖВ и П. – 2007. - №1.
287. **Шайдуллаева Т.Ж.** Структура и функции современной кыргызской сельской семьи [Текст]: автореф. дис. ... канд. социол. наук: / Т.Ж. Шайдуллаева. - Алматы, 1992. - 19 с.
288. **Шиббаева Ю.А.** Животноводство у киргизов Восточного Памира [Текст] / Ю.А. Шиббаев // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Новая сер. – 1973. – Т.98. – С. 99-132.
289. **Шлее, Г.** Управление конфликтами: теория и практика [Текст] / Г. Шлее. - М., 2004. - 200 с.
290. **Эдвард Э. Эванс-Причард.** Сравнительный метод в социальной антропологии [Электронный ресурс]. – Лекция, прочитанная в память Л.Т. Хобхауза в Лондонской Школе Экономики и Политической Науки (Лондонский университет) 14 мая 1963 года // E.E. Evans-Pntchard. The Position of Women in Primitive Societies L., 1965, p. 13 – 36. – Режим доступа: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_ant_cult1/phil_ant_cult2.htm#41
291. **Энтхтувшин Б.** Глобализация и традиционное скотоводство монгольских кочевников [Текст] / Б. Энтхтувшин, Л.В. Курас, Б.Д. Цыбенков. // Гуманитарный вектор. - 2013. - № 4 (36). - С. 235-243.
292. **Этнология.** [Текст] / [Отв. ред. Г.Е. Марков, В.В. Пименов]. - М.: Наука. 1994. - 383 с.

293. **Юдахин, К.К.** Киргизско-Русский словарь [Текст] / К.К. Юдахин. - Фрунзе, Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. Кн.1.
294. **Юдахин, К.К.** Киргизско-русский словарь. В 2 кн. 2-е изд. [Текст] / К.К. Юдахин. – Фрунзе: Гл. ред. Кирг. сов. энцикл. 1985. – Кн.2.
295. **Янзен, Й.** Экономические перемены в монгольском скотоводстве в период трансформаций [Текст] / Й. Янзен // Этнографическое обозрение. - 2016. - № 2. - С. 73-82.
296. **Ямсков, А.Н.** Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта [Текст] / А.Н. Ямсков // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара “Культурный ландшафт”. Ред.: Калуцков В.Н., Красовская Т.М., Ямсков А.Н. - М.: изд. МГУ, 2003. - С. 62-77.
297. **Ямсков, А.Н.** Экологически значимые культурные архетипы поведения человека [Текст] / А.Н. Ямсков // Этноэкологические аспекты духовной культуры. Ред.: В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. - М.: изд. ИЭА РАН, 2005. - С. 270
298. **Ямсков, А.Н.** Изучение феномена “трагедии общинных ресурсов” в рамках курса “Социальная экология и этноэкология” [Текст] / А.Н. Ямсков // Современные проблемы географии и геоэкологии: наука и образование. Сборник статей. Редколлегия: В.Т. Дмитриева (отв ред.), В.П. Белобров, А.Н. Ямсков. – М.: Изд. МГПУ. 2011. - С. 47-62.
299. **Ямсков, А.Н.** Тематика современных эколого-антропологических исследований за рубежом. Размышления над книгой «Human ecology: Contemporary Research and Practice» [Текст] / А.Н. Ямсков // Этнос и среда обитания, Вып. 3. - М.: ИЭА РАН, 2012. - С. 84-96.
300. **Ямсков, А.Н.** Дефиниция и этноэкологические аспекты феномена «трагедии общинных ресурсов» [Текст] / А.Н. Ямсков // Этнос и среда обитания. Вып. 3. - М.: ИЭА РАН, 2012. - С. 231-247.

301. **ЯМСКОВ, А.Н.** Системы жизнеобеспечения и хозяйственно-культурные типы [Текст] / А.Н. Ямсков // Этнос и среда обитания. Вып 5. Исследование систем жизнеобеспечения (Отв. ред. Н.А. Дубова) – М.: Старый сад, 2017. - С. 36-46.
302. **Altansan A.** Profession: éleveur. L'économie domestique d'une famille mongole aujourd'hui // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines, 43-44. 2013. <http://emscat.revues.org/2049>.
303. **Caparov A.** Kirgiz ve Türk Konar-Göçerlerindeki Hayvancılık Kültürü: Bazı Paralellikler ve Farklılıklar // Yörükler: Orta Asya'dan Anadolu'ya.- P. 379 – 392.
304. **Esengulova N., Japarov A., Mamytbekov E.** 2007. Community management of high-alpine grasslands in the Kyrgyz republic: social, economic and ecological implications. Paper presented at the IASC Conference, 14-18 July 2008, University of Gloucestershire, Cheltenham and Gloucester. P. 1 – 14.
305. **Isakov B.** Animals, Kinship, and the State: Kyrgyz Chabans Rebuilding Herds and Reorienting Belonging after the Soviet Collapse in *Anthropology of East Europe Review* 32(2) Fall 2014. P. 33 – 48.
306. **Isakov B.** How Did the State and Kinship Create Soviet Economy? (Case of Kyrgyzstan) // Bilig, SPRING 2016, Number 77. P. 55 – 81.
307. **Farrington J. D.** De-development in Eastern Kyrgyzstan and Persistence of Semi-Nomadic Livestock Herding // *Nomadic Peoples*, NS. 2005. Vol. 9. Issues 1&2. P. 171 – 197.
308. **Ferret C.** Une civilisation du cheval. Les usages de l'équidé de la steppe à la taïga, Paris, Belin, 2009. 352 p.
309. **Ferret C.** Des chevaux pour l'empire // *Cahiers d'Asie centrale*, n° 17-18 (*Le Turkestan russe : une colonie pas comme les autres*, dirigé par S. Gorshenina & S. Abashin), pp. 211-253.
310. **Ferret C.** «À chacun son cheval ! Identités nationales et races équines en ex-URSS (à partir des exemples turkmène, kirghize et iakoute) », *Cahiers d'Asie*

- centrale*, 2011. n°19-20 (*Ladéfinition des identités*, dirigé par C. Ferret et A. Ruffier), pp. 405-458.
311. **Ferret C.** Une transhumance dans le sud-est du Kazakhstan // C. Bromberger, a.Kian (ed) *De l'Iran au jazz, a cheval*. Paris, CNRS , 2015. C. 150-154.
312. **Féaux de la Croix J.** Moral Geographies in Kyrgyzstan: how pastures, dams and holy sites matter in striving for a good life. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy Department of Social Anthropology School of Philosophy, Anthropology and Film Studies University of St Andrews. 2010. - 300 c.
313. **Féaux de la Croix J.** 'Bringing lights to the yurts': Visions of future and belonging surrounding pastures and hydropower in Kyrgyzstan // *Anthropology of East Europe Review* 32(2) Fall 2014. C.49-67
314. **Finke Peter** Le pastoralisme dans l'ouest de la Mongolie: contraintes, motivations et variations // *Cahiers d'Asie Centrale*, 11/12. 2004. P. 245 – 265.
315. **Japarov A.** Contemporary livestock Husbandry in Kyrgyzstan // *Anthropology & Archeology of Eurasia*, Vol. 56. N. 1 – 2. 2017. P. 52 – 78.
316. **Jacquesson Sv.** Au cœur du Tian Chan : histoire et devenir de la transhumance au Kirghizstan : *Les Montagnards d'Asie centrale*, 11/12 | 2004. P. 203 – 244.
317. **Jacquesson Sv.** Pastoréalismes: anthropologie historique des processus d'intégration chez les kirghiz du Tian Shan intérieur.- Wiesbaden, 2010. 284 p.
318. **Khazanov A.** Pastoral Nomads in the Past, Present, and Future: A Comparative View / Ed. P. Olson. *The Struggle for the Land. Indigenous Insight and Industrial Empire in the Semiarid World*. Lincoln: The University of Nebraska Press, 1990, Pp. 81–99.
319. **Khazanov A.** Pastoralists in the “Age of Globalization”: Challenges of the 21st Century in Jörg Janzen and Batboldyn Enkhtuvshin (eds.). *Dialog between Cultures and Civilizations. Present State and Perspectives of Nomadism*

- in a Globalizing World. Proceedings of the International Conference. Ulaanbaatar, 9-14 August 2004. Ulaanbaatar, 2008: XIII-XXVIII.
320. **Khazanov A.** Pastoralism in Contemporary World: The Problem of Survival. J. Ginat and Anatoly M. Khazanov (eds). Changing Nomads in a Changing World. Brighton: Sussex Academic Press. 1998. P. 7–23;
321. **Khazanov A.** Pastoralism and Property Relations in Contemporary Kazakhstan. Anatoly M. Khazanov and Günter Schlee (eds). Who Owns the Stock? Collective and Multiple Property Rights in Animals. New York & Oxford: Bergham Books, 2012. Pp. 141–157.
322. **Khazanov A.** Modern Pastoralism and Conservation. Old Problems, New Challenges. T. Sternberg and D. Cha (eds.). Cambridge: The White Horse Press, 2013. Pp. 5–23.
323. **Khazanov A., Shapiro K.** Contemporary Pastoralism in Central Asia // R. Amitai and M. Biran (eds). Mongols, Turks, and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World. Leiden-Boston, Brill. 2005. P. 503–534;
324. **Khazanov A.** Pastoralists in the “Age of Globalization”: Challenges of the 21st Century // Jörg Janzen and Batboldyn Enkhuvshin (eds.). Dialog between Cultures and Civilizations. Present State and Perspectives of Nomadism in a Globalizing World. Proceedings of the International Conference. Ulaanbaatar, 9-14 August 2004. Ulaanbaatar, 2008: XIII-XXVIII;
325. **Kradin, N.** The Transformation of Pastoralism in Buryatia: the Aginsky Steppe Example. *Inner Asia*, 2004, vol. 6(1), pp. 95–109.
326. **Kradin, N.** The Ecology of Inner Asian Pastoral Nomadism // The Ecology of Pastoralism. Ed. By N. Kardulias: Boulder: University Press of Colorado, 2015, p. 41-70.
327. **Lacaze, G.** « Les parfaits coursiers du Naadam », *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines* , 41 | 2010, consulté le 30 septembre 2016. URL: <http://emscat.revues.org/1618>.

328. **Mestre, I.** Image à la une: les pâturages du Kirghizistan, entre marges et réseaux, 2014.//<http://geoconfluences.ens-lyon.fr/informations-scientifiques/a-la-une/image-a-la-une/image-a-la-une-les-paturages-kirghizes-entre-marges-et-reseaux>
329. **Mestre, I.** La contribution de la gestion communautaire des ressources pastorales à la résilience des communautés rurales post-soviétiques, le cas du Kirghizstan. Thèse de doctorat de l'Université de Lyon. – 2019.
330. **Mountain Research and Development**, T. 32. - № 3. август 2012 г.
331. **Pabion-Mouries J.** L'écotourisme au Kirgizstan post-soviétique, Entre développement international et volonté locales // EHESS Doctorat nouveau régime. Discipline: Anthropologie sociale et ethnologie. - Paris, 2010.
332. **Petric B., Japarov A.** Le Kirgizstan : laboratoire de la nouvelle gouvernance mondiale // Transitions, Les enjeux de la sécurité en Asie centrale.- Vol. XLVI. P. 69-89.
333. **Petric B., Jacquesson Sv., Gossiaux J.-F., Bourgeot A.** L'émergence de nouveaux pouvoirs locaux sur les cendres d'un kolkhoz kirghiz. Cahiers d'Asie centrale, 2004. № 13-14, pp. 21-44.
334. **Pétrie B.** Pouvoir, identités et ressources: construction de la solidarité au Kirgizstan // Cahiers d'Asie Centrale. 2011. № 19-20, pp. 345 – 366.
335. **Petric B.** On a mangé nos moutons – le Kirgizstan, du berger au businessman.- Paris, Belin, 2013. 208 p.
336. **Portisch A.** Social and economic aspects of the uses of animal wool and hair in western Mongolia // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines.- 2013. № 43-44.
337. **Raphaele de la Martiniere** Recompositions agropastorales et développement de la filière bovin dans un système économique libéralisé (oblast' de la Chuy, Kirghizstan) Revue d'études comparatives EST - OEST Vol. 43. n. 1-2. mars - juin, 2012. P. 137 - 166 .
338. **Revue d' études comparatives EST – OUEST**, 2012. Vol.43. №1–2. 328 p.

339. **Shamsiev B.** Ed. Kyrgyz Republic Livestock Sector Review: Embracing the New Challenges. Bishkek, Kyrgyzstan: World Bank, 2006.
340. **Schlee G.** Nomades et Etat au nord du Kenya in Horizons nomads en Afrique sahelienne. Karthala, Paris, 1999.
341. **Stépanoff Ch., Ferret C., Lacaze G., Thorez J.** (ed) Nomadismes d'Asie Centrale et septentrionale.- Paris, Armand Colin, 2013. 288 p.
342. **Žaparov A.** L'élevage du cheval au Kirghizstan [Электронный ресурс] // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. № 41. – 2010. – Режим доступа: <https://journals.openedition.org/emscat/1575>
343. **Žaparov A.** A propos de l'identité actuelle des pasteurs «nomades» de la région de Naryn // Les cahiers d'Asie Centrale. Asie centrale: La définition des identités, 2011. n°19-20. P. 325-342.
344. **Wiener G.** « The yak, an essential element of the high altitude regions of Central Asia», Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines, 43-44 |2013, mis en ligne le 20 septembre 2013, consulté le 29 novembre 2015. URL: <http://emscat.revues.org/2038>.

Научно-популярная литература

345. **Верблюд – краса кочевья.**- Издание второе дополненное.- Бишкек, б/и.- 46 с.
346. **Игры на джайлоо** – Бишкек, БаракЭлде.- 2015.- 76 с.
347. **Кочевая кухня.**- Бишкек, Мара.- 2015.- 99 с.
348. **Көчүмкулова, Э.** Советтик Өзбекстандын кыргыз чабандары [Текст] / Э. Көчүмкулова, М. Көчүмкулов.- Бишкек: Борбордук Азия университети, 2014. - 252 б.
349. **Нарындын наркы: жандуу жайлар жана барктуу билим.**- Бишкек, 2014.
350. **Обряды кочевья.** Издание второе дополненное.- Бишкек, Мара, 2015.- 146 с.

351. **Пастбища кочевников.**- Издание второе, дополненное.- Бишкек, б.и.- 2015.- 76 с.
352. **Рипар, Ж.** Кыргызская лошадь в прошлом и настоящем [Текст] / Ж. Рипар. – Бишкек: “Кыргыз Аты”, 2011. – 92 с.
353. **Советы саяпкеров.**- Бишкек, б.и.- 2015.- 74 с.
354. **Токтомушев, А.** Калк оозунда кан Шабдан [Текст] / А. Токтомушев // Шабдан баатыр. – Бишкек: Учкун, 1992. ????? с.
355. **Юрта – дом кочевника.** Издание второе дополненное.- Бишкек, Баракелде.- 2015.- 98 с.
356. **Яки высокогорья.**- Бишкек, БаракЭлде.- 2015.- 40 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение № 1

Список основных информаторов

- Абдраев Куттубай 1932 г.р. Көк-Жар Кочкорского района Нарынской области
- Абдразаков Курманбек 1940 г.р. с. Оттук Тонского района Иссык-Кульской области
- Абдыкадыров Ысман 1923 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области
- Абиев Турат 1968 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области
- Абитов Сынчыбек 1958 г.р. с. Кара-Суу Ат-Башинского района Нарынской области
- Абыкаев Жайлообек 1942 г.р. с. Кең-Суу Түпского района Иссык-Кульской области
- Абылов Шакен 1952 г.р. с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области
- Айман Исмаилов 1929 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области
- Айманов Конок 1965 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области
- Акматов Жолдошбек 1966 г.р. с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области
- Акунов Жолдошбек с. Оттук Тонского района Иссык-Кульской области
- Ачакеев Мурзабек 1950 г.р. с. Көк-Жар Кочкорского района Нарынской области
- Бегиматова Азбү 1940 г.р. с. Корул Алайского района Ошской области
- Бейшеев Аманат 1939 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области
- Бейшеева Калипа 1938 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области
- Бейшен Жумашев 1951 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области
- Бекболотов Асанбек 1955 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Болотбеков Айылчы 1988 г.р. с. Кең-Суу Түпского района Иссык-Кульской области

Бурул (эмчи апа) 1915 г.р. с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области

Бүбүайша Жакшылыкова 1932 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Дүйшеев Быкы 1929 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Дүйшөнбек Капаров 1959 г.р. с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области

Жантемиров Кенжебек 1942 г.р. с. Кара-Суу Ат-Башинского района Нарынской области

Жапаров Калмурза с. Кызыл-Туу Тонского района Иссык-Кульской области

Жекшенбек ... с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Жеңиш Садыков с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Жороев Абазбек 1968 г.р. с. Корул Алайского района Ошской области

Жээнбаев Сатыбай 1938 г.р. с. Корул Алайского района Ошской области

Жээнбеков Карымшак 1927 г.р. с. Корул Алайского района Ошской области

Иманалиев Мали 1927 г.р. с. Кара-Суу Ат-Башинского района Нарынской области

Исмаилов Конокбай 1964 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Кадыралиев Абдырасул 1936 г.р. с. Корул Алайского района Ошской области

Карыбек Токталиев с. Баетов Ак-Талинского района Нарынской области

Касмакун Абдрахман уулу 1930 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Качкынбаев Замир с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области

Кашкаров Урдумбек 1939 с. Көк-Жар Кочкорского района Нарынской области

Кеңешкан Кулманбетова 1956 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Конурова Жаңылай 1983 г.р. с. Корул Алайского района Ошской области

Кубанычбек Мамбетов 1941 г.р. с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области

Курманов Жакен с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области

Кыдыралиев Искендер 1922 г.р с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области

Мааданбек Майлыбашев 1930 г.р. с. Кадыраалы Ак-Талинского района Нарынской области

Мамажанов Манап 1934 г.р. с Корул Алайского района Ошской области

Мамбеткадыров Канат 1990 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Маназаров Токтосун 1961 г.р. с. Корул Алайского района Ошской области

Мокеев Шаршенбек 1949 г.р. Көк-Жар Кочкорского района Нарынской области

Моңолов Сүйүнаалы с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области

Мөңгүбаев Мухтар с. Кызыл-Туу Тонского района Иссык-Кульской области

Мукашов Султан 1942 г.р. с. Кара-Суу Ат-Башинского района Нарынской области

Мукун Айманов с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Муңай Иманулова 1932 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Мурзаibraимов Нурлан 1963 г.р. с Корул Алайского района Ошской области

Мусаев Зарлык 1945 г.р. с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области

Мырзакматов Темирбек 1962 г.р. Көк-Жар Кочкорского района Нарынской области

Назарова Сагын 1947 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Наматбеков Кемел 1931 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Нурдинов Эркинбек с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области

Нуркемел уулу Бекболот 1954 г.р. с. Кара-Суу Ат-Башинского района Нарынской области

Осмоналиев Ташболот 1951 г.р. с. Корул Алайского района Ошской области

Осмоналиева Үлпат 1973 г.р. с. Корул Алайского района Ошской области

Осоева Перизат 1988 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Өмүргазиева Мырзакан 1949 г.р. с. Кара-Суу Ат-Башинского района Нарынской области

Өмүрзакова Майрамбүбү 1946 г.р. с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области

Рахат Жумагулов 1988 г.р. с. Кадыраалы Ак-Талинского района Нарынской области

Садыков Абдымамыт 1923 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Садыкова Сайнаке 1931 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Сакеева Жамалкан 1938 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Сатындиев Декен 1930 г.р. с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области

Сооронбай Молдалиев 1922 г.р. с.Кадыраалы Ак-Талинского района Нарынской области

Султангазиев Төлөбек 1966 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Табалдиев Турусбек 1965 г.р. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Тейишов Шайхидин 1932 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Тоялиев Азык с. Тоголок Молдо Ак-Талинского района Нарынской области

Түкөбеков Дүйшалы 1968 г.р. с. Маман Ак-Суйского района Иссык-Кульской области

Үпөл 1975 г.р. Ат-Башинский район Нарынской области

Үсөнакунов Молдаалы с. Оттук Тонского района Иссык-Кульской области

Чубакова Чынара 1966 г.р. Көк-Жар Кочкорского района Нарынской области

Шер Султан 1994 г.р. с Корул Алайского района Ошской области

Шералиев Абдыкерим 1928 г.р. с. Кара-Суу Ат-Башинского района Нарынской области

Шерботоев Нуралы 1927 г.р. с. Гүлчө Алайского района Ошской области

Шырдаков Кабыл 1939 г.р. Көк-Жар Кочкорского района Нарынской области

Ысманов Нурлан 1982 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Ысманов Осмон 1959 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Эсенбек Жакшылыков 1973 г.р. с. Төлөк Кочкорского района Нарынской области

Приложение № 2

Ссылки на видео материалы по теме диссертации

“Жайыт” даректүү тасмасы https://www.youtube.com/watch?v=xB_8SLheows

“Тоону көрбөсөм жашай албайм” <https://www.youtube.com/watch?v=Ctu-j1nEZ5U>

Жайытка курулган тамдар талаш жаратты

<https://www.youtube.com/watch?v=XQvdJBPd3bE>

Жерүйдө Альянс Алтын өкүлдөрү малчылар менен жолугушту

https://www.youtube.com/watch?v=8rV1y8ME_rA

Закон Кыргызской Республики “О пастбищах”. Как он работает?

<https://www.youtube.com/watch?v=1YRn80AsbPk>

Киргизский пастухов и изменение климата

<https://www.youtube.com/watch?v=9ovY-fY6msM>

Кочкор эли менен Жумгал эли жайыт талашып чатакташууда (26.06.18)

<https://www.youtube.com/watch?v=iNdz0KPnNaA>

Күтүрөтө мал айдаган Кулматтын ийгилиги

<https://www.youtube.com/watch?v=Y7eRTki4jKk>

Мага айылдын жашоосу жагат! Малчылык менен алектенген Мирлан Арынов

<https://www.youtube.com/watch?v=inkbVIZ0yvM>

Нарындагы жайыт талашка түштү / Атайын репортаж

<https://www.youtube.com/watch?v=iNdz0KPnNaA>

Пастбища Кыргызстана используются нерационально (14.06.2017)

<https://www.youtube.com/watch?v=H1xejoHgJLs>

Путь кочевья – пастбищные комитеты в Кыргызстане

<https://www.youtube.com/watch?v=IYpfsRW2fUM>

Саясаттан тажаганда: “Ар кайсы жерде иштеп жүрүп тажаганда кой багууну тандадым” дейт чабан <https://www.youtube.com/watch?v=dkBIRrvNGgE>

Соң-Көл жайлоосундагы жайыт талаш

<https://www.youtube.com/watch?v=gMLzUVEwrtI>

Сырт өрөөнү – Кара-Саз жайлоосу

https://www.youtube.com/watch?v=yenga_mw9IA

Токмоктогу мал базар <https://www.youtube.com/watch?v=QvCdDctWb-A>

Тоо койнундагы топуктуу үй-бүлөнүн тилеги

<https://www.youtube.com/watch?v=yDaf1nPix-U>